ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Искатель, 1995 №6

Джо Горес, Джек Ритчи, Роберт Шекли, Борис Воробьев

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 1995. № 6
Содержание:

ДЖО ГОРЕС. ВРЕМЯ ХИЩНИКОВ
- ДО ТОГО, КАК...
- ПАУЛА
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
- КУРТ
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14

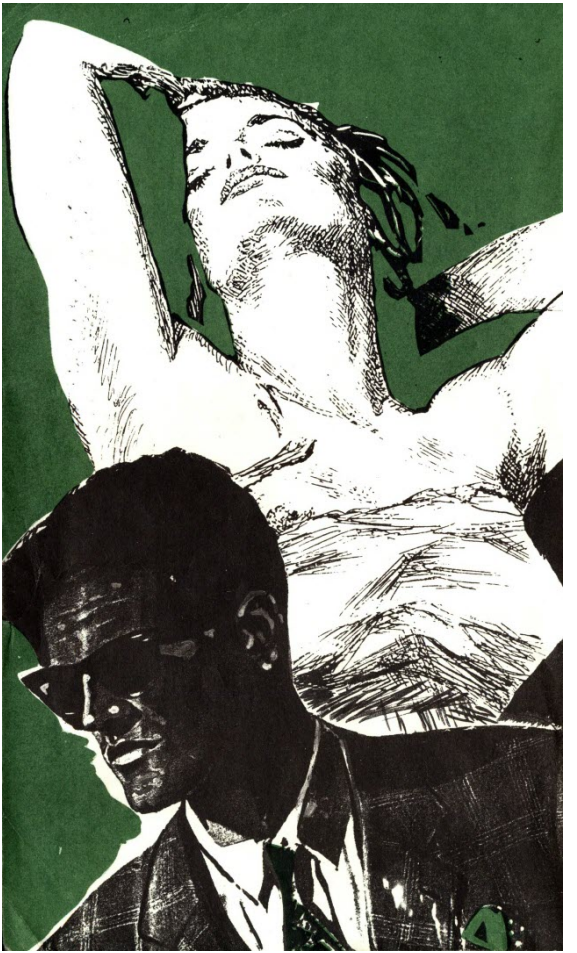
ДЕББИ
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
РИК
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
ПОСЛЕ ТОГО, КАК…
ДЖЕК РИТЧИ. ЗЫБКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
РОБЕРТ ШЕКЛИ. И ТЕБЕ ТОГО ЖЕ —. НО ВДВОЙНЕ!
БОРИС ВОРОБЬЕВ. НОЧЬ ПОЛНОЛУНИЯ
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно; с 2003 года выходит непериодически.

FB2 книгу сделал mefysto



ИСКАТЕЛЬ 1995
№ 6

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ

6

1995

Москва, 1995

*

Выходит 6 раз в год
Издается с 1961 года

© «Вокруг света»

Содержание:

ДЖО ГОРЕС
ВРЕМЯ ХИЩНИКОВ
Роман

Джек РИТЧИ
ЗЫБКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
Рассказ

Роберт ШЕКЛИ
И ТЕБЕ ТОГО ЖЕ — НО ВДВОЙНЕ!
Рассказ

Борис ВОРОБЬЕВ
НОЧЬ ПОЛНОЛУНИЯ
Рассказ

ДЖО ГОРЕС

ВРЕМЯ ХИЩНИКОВ

ДО ТОГО, КАК...

Пятница, 18 апреля

Профессор Куртис Холстид зевнул, посмотрел на часы и вновь откинулся на спинку старинного, обитого кожей кресла. На автобусе, прибывшем из Сан-Франциско в половине первого ночи, Паула не приехала, иначе она бы уже позвонила с остановки. Следующий, последний, ожидался в два десять. Профессор потянулся за стаканом красного вина, намереваясь прочитать под него с десяток работ своих студентов — он получил их вечером на семинаре по антропологии, который он вел в университете Лос-Фелиса.

Он сидел в круге света, отбрасываемом торшером, уют гостиной большого дома и выпитое вино взяли свое — глаза начали слипаться, и профессор, вздохнув, осушил стакан, отложил студенческие работы и устроился поудобнее. Несколько минут спустя он уже крепко спал.

— К вам когда-нибудь приставали мужики? — как бы между прочим спросил Рик Дин.

Худощавый и загорелый, с точеным профилем, энергичный девятнадцатилетний парень. Сидел

он на переднем сиденье «шеви», принадлежавшего Толстяку Гандеру, повернувшись к двум парням, устроившимся на заднем сиденье. Один из них, Чемп Матер, с могучими кулаками, нахмурился, пытаясь сформулировать ответ.

— Господи, Рик, если парень подкатился бы ко мне… я бы свернул ему шею.

— А со мной такое случилось… — Черные глаза Рика затуманились. Он оглядел машины, стоящие в открытом кинотеатре перед огромным экраном. — Два года тому назад. Я только перешел в среднюю школу и еще многого не понимал. Так вот, когда я выходил из кинотеатра, этот парень пристроился ко мне и спросил, не буду ли я возражать, если он составит мне компанию.

Рик замолчал, в свете фар разворачивающегося автомобиля поднес ко рту банку с пивом. Во время фильма они выпили восемнадцать банок. Поскольку двадцать один год исполнился только Чемпу Матеру, по закону пиво мог покупать только он.

— Так вот, едва мы свернули в переулок, он начал меня лапать! Прямо на тротуаре!

Парень, что сидел рядом с ним, заерзал. Толстяком Гандера прозвали за его габариты. Вот и сейчас, даже в легкой ветровке, он обильно потел

от выпитого пива. А его толстый живот упирался в руль.

— И что ты сделал, Рик?

Прежде чем Рик успел ответить, второй юноша с заднего сиденья, Хулио Эскобар, с прямыми черными волосами, смуглолицый, с длинным крючковатым носом и толстыми губами, отточенным движением выхватил из кармана нож с выкидным лезвием. Даже в сложенном положении шестидюймовый нож выглядел довольно грозно.

— Я бы его зарезал! — воскликнул Хулио.

Пальцы Рика сжали банку.

— Нет, я его не зарезал, но вломил ему как полагается… Едва не убил его.

Приятели Рика одобрительно закивали, а он выбросил пустую банку на асфальт. На самом деле он в испуге бросился бежать через пустырь, под издевательский смех «голубого». Странно, ранее он не позволял себе вспоминать о том случае. Губы его сжались.

— Парни, а не поразвлечься ли нам?

— Конечно, Рик, — тут же поддержал его Чемп. Ростом, шириной плеч, массой он не уступал Толстяку Гандеру, только тело его представляло собой гору мышц, а не кусок жира. Со своими

идеями у Чем-па было не густо. Зато у Рика их хватало.

— А ты, Хулио?

Хулио безразлично пожал худыми плечами.

— Может, выпьем пива, Рик. Или достанем «травку»…

— Никакой «травки», — резко оборвал его Рик. Он дважды курил марихуану, которая вызывала у него какие-то странные ощущения, желание забыться. Сегодня он не хотел забываться. Сегодня голова должна быть ясной. Он положил руку на мясистое плечо Толстяка. — Проедемся к университету, посмотрим, не встретится ли нам «голубой». А затем всыпем ему по первое число, забавы ради.

Толстяк смачно рыгнул, вызвав смех Хулио. От звуков, что исторгал из себя Толстяк, у незнакомца душа могла уйти в пятки.

— Слушай, Рик, может, не стоит… — засомневался Толстяк.

— Сегодня пятница, завтра занятий нет. Но если ты наложил в штаны…

Толстяк пробурчал что-то нечленораздельное и повернул ключ зажигания. Его живот хорошо сочетался с круглым ангельским личиком. Длинные светлые волосы он зачесывал назад, на

пальце правой руки носил перстень с черепом и скрещенными костями. Рик усмехнулся. Чтобы заставить Толстяка пошевелиться, только и надо, что спросить, не трусит ли он.

— За пиво я заплачу, — предложил Рик.

А почему нет? Как только он поступил в колледж, родители каждую неделю стали выдавать ему приличную сумму, хотя жил он дома. К этим трем парням, что сидели в «шеви», Рик испытывал самые теплые чувства. В Джейси он не встретил никого лучше их. Хулио и Толстяк в июне оканчивали среднюю школу и, если не поступали к колледж, как он в прошлом году, вставали на учет в призывном пункте. Чемп оказался слишком глуп даже для армии: он провалил все тесты.

— Этих гомиков можно без труда распознать по походке, — уверенно заявил Рик. — Выезжай на Эль-Камино, Толстяк…

Паула Холстид повесила трубку и вышла из телефонной будки у автобусной остановки. Ее каблучки-шпильки зацокали по асфальту. Кроме нее, на остановке остался лишь светловолосый молодой человек в дешевом костюме и невыразительном галстуке, с некрасивым, угловатым лицом.

— Вы дозвонились до мужа, мадам?

— Да. Этот медведь заснул в кресле.

Паула могла бы добавить: насосавшись красного вина. Насколько она знала своего Курта, он наверняка выпил его слишком много и спал, свесив голову набок и открыв рот, негромко похрапывая. В сорок три года он уже не столь успешно боролся с сонливостью. И каждый вечер выпивал на один-два стакана больше, чем следовало.

— Вы не хотите, чтобы я подождал, пока он приедет? — спросил блондин.

Тридцатишестилетняя Паула рассмеялась. Она относилась к тем изящным, но фигуристым женщинам, что остаются сексуально привлекательными и в шестьдесят. Не портили картины коротенький прямой нос, широкий рот, пусть и с тонкими губами, и ярко-синие глаза.

— Господи, нет! От нашего дома ему ехать всего десять минут. Но позвольте поблагодарить вас за столь великодушное предложение…

Блондин пожал Пауле руку, поклонился и зашагал вдоль железнодорожных путей. Довольно-таки женственный юноша, клерк в каком-то учреждении округа, женатый, отец маленького ребенка. Они разговорились в автобусе, потому

что каждый держал в руках программку вечернего спектакля Оперного театра Сан-Франциско. Жена не смогла составить ему компанию — она осталась дома с маленьким ребенком.

Старый зеленый «шеви» вырулил на Брюэр-стрит с Эль-Камино, из кабины донеслись смех и веселые крики парней. Паула покачала головой и улыбнулась. Когда она училась в средней школе, на таких развалюхах красовались надписи вроде: «Не смейтесь, мадам, возможно, в этой машине ваша дочь». Тогда они все видели в радужном свете. И любовные ласки на заднем сиденье только возбуждали. Почему же в семейной жизни они стали скорее обузой?

«Шеви» миновал квартал, но вдруг от резкого торможения взвизгнули шины. Послышался крик, далеко разнесшийся в холодном воздухе апрельской ночи. Паула уже бежала к старому «шеви» и четырем фигурам, сгрудившимся вокруг молодого человека, который ехал с ней на автобусе.

— Прекратите! — в ярости она даже не испытывала страха. — Прекратите! Как вы смеете…

Рик завернул руки жертвы за спину, так высоко, что блондин согнулся. Колено Чемпа, словно поршень, трижды врезалось в лицо молодого

человека, находящееся на уровне пряжки ремня Чемпа. При каждом ударе Чемп удовлетворенно хакал.

Толстяк ухватил Чемпа за плечо, в голосе чувствовался страх.

— Скорее, парни! Чемп! Бежим! Кто-то сюда идет…

Пока другие залезали в кабину, Рик поставил ногу на затылок лежащего на земле блондина и покрутил ею, дабы размазать лицо блондина по гравию железнодорожной насыпи. Потом метнулся к машине. Паула подоспела как раз в тот момент, ко1да Рик оказался в свете фонаря.

Мгновение они смотрели друг на друга, а затем Рик нырнул в открытую заднюю дверцу. «Шеви» рванул с места и скрылся за углом. Паула наклонилась над упавшим.

Он тяжело дышал. Паула решительно взялась за его плечо, перевернула. И только тут увидела, что сделали с его лицом и глазами колено нападавшего и гравий железнодорожной насыпи.

Паула ахнула, отступила на несколько шагов, ее вырвало. Позади послышались тяжелые шаги. Паула обернулась. К ней спешил Курт. Он оставил «фольксваген» у автобусной остановки с работающим мотором и открытой дверцей.

— О, слава Богу, — сквозь рыдания вырвалось у Паулы.

ПАУЛА

Понедельник, 21 апреля, — среда, 30 апреля

Глава 1

Красоту Рик Дин унаследовал от матери, а неуемную энергию — от отца. Сидя в кафетерии Джейси в ожидании Дебби Марсден, он внезапно осознал, что ритмично постукивает правой ногой по полу. Расслабься, приказал он себе. Пятница в прошлом, ничего изменить нельзя. Судя по газетным статьям, их никак не могли связать с тем, что произошло с Гарольдом Рокуэллом.

Никак… Да нет, одна зацепка все-таки была.

Ладонью он вытер выступивший на лбу пот. Где же эта Дебби? Разумеется, ей надо доехать сюда из университета после лекции, которая начиналась в девять часов, но он же сказал, что будет ждать ее в кафетерии ровно в половине одиннадцатого. Для того чтобы встретиться с ней, ему пришлось пропустить семинар по истории западной цивилизации. А сейчас не самое лучшее время для прогуливания занятий. Все-таки

первый понедельник после…

Могла Паула Холстид запомнить номер их автомобиля? Было темно, она бежала… Он бы не запаниковал и не стал бы возить этого Рокуэлла мордой по гравию, если бы не ее стучащие по асфальту каблуки. Да кто мог знать, что у парня жена и маленький ребенок? А вся эта газетная болтовня насчет того, что он ослеп… Как можно ослепить человека парой подзатыльников?

Правая нога Рика вновь застучала по покрытому линолеумом полу. Он живо представил себе, как каблук упирается в затылок, а лицо трется о гравий. Рик сбросил столбик пепла в пепельницу. Если он и не спал в этот уик-энд, так от страха, а не от угрызений совести.

Рик резко вскочил и замахал рукой, расплескав кофе по подносу. Девушка его возраста, с длинными, светло-каштановыми, абсолютно прямыми волосами, обрамляющими лицо сердечком, поспешила к столику.

— Извини, что опоздала. Пришлось ждать автобуса…

— Пустяки, Деб. — Он не хотел, чтобы Деб поняла, сколь важен для него предстоящий разговор. В конце концов, Паула Холстад могла опознать его. Не машину и не остальных, но уж его точно

могла. Они сели.

Дебби Марсден, с широко посаженными синими глазами и курносым носом, даже с излишне напомаженными губами выглядела моложе своих девятнадцати лет. А вот фигура у нее уже сформировалась. За те девять месяцев, что Рик не видел ее, она заметно прибавила и в бедрах и в груди.

— По твоему тону, Рик, я поняла, что дело очень важное, — в ее голосе слышалась легкая обида. — Ты мне столько времени не звонил и вдруг…

— Старики не дают мне поднять голову от книг. Мать боится, что меня заберут в армию.

А чего она, собственно, ожидала? Серенад у студенческого общежития? Он был с ней на выпускном вечере, потом они два-три раза встретились, кажется, в июле, ездили купаться на озеро Сирс. Она как следует распалила его на расстеленном на берегу одеяле, а потом оставила с носом. И все-таки, кроме нее, в университете он никого не знал. Рик постарался изгнать из голоса тревогу.

— Слушай, Деб, ты знаешь профессора Холстида?

— Куртиса Холстида? — Она улыбнулась. — Слышала о нем. Он профессор кафедры антро-

пологии. Одна из моих подруг, Синтия, учится у него. В прошлом сентябре, на факультетском чаепитии, я встречалась с его женой.

Рик заставил себя помешать в чашке остывший кофе. Это же надо, какая удача!

— Ты не можешь… достать мне его домашний адрес?

— Конечно, могу, Рик. Для этого достаточно заглянуть в телефонный справочник.

Черт! Эта женщина, эта Паула, похоже, лишила его разума. Он и сам мог подумать о справочнике! Перед его мысленным взором вновь возникла Паула, застывшая, словно муха в янтаре: блестящие светлые волосы, ярко-синие глаза, высокие скулы, чуть раскрытые губы…

— Что случилось, Рик? У тебя такое странное лицо…

Он посмотрел на Дебби, словно увидел ее впервые. А ведь она действительно расцвела за эти месяцы. Он не собирался упоминать Паулу, хотел поговорить только о Холстаде, поскольку Деб могла прочитать в газетах о случившемся с Рокуэллом, свидетельницей чего стала Паула. Но он помнил еще со школы, что Дебби интересовали лишь международные дела. Точно так же и его отец просматривал только биржевые страницы.

Она думает, что его что-то тревожит, так? Он вскинул голову, изобразил смущение.

— Видишь ли, Деб, тут вышла такая история…

— Рик, у тебя неприятности? — Ее глаза засверкали. Она взяла его руку в свои, нежно, словно хрупкую вазу. Губы раскрылись. Черт, и как он мог забыть о ней. Они жили на соседних улицах, и он всегда ей нравился.

— Не то чтобы неприятности, Деб, просто… — На выдумки он был мастак, особенно с девушками. — Ты помнишь «триумф», который отец подарил мне на окончание школы? Помнишь, он предупреждал, что я могу попасть в аварию, если сяду за руль выпивши?

— Рик, ты не разбил свою машину?

— Нет, нет, ничего такого. Видишь ли, вчера я выпил пару банок пива и, выезжая со стоянки у бара в Файв-Пойнт, чуть задел крыло другого автомобиля.

— Автомобиль, на котором ездит профессор Холстид?

— Не профессор, его жена. — Тут уж он дал волю воображению. И буквально увидел, как красивая, стройная женщина вылезает из автомобиля… разумеется, «мерседеса». Обтянутая нейлоновым чулком нога, ослепительная улыбка… — Утром я

подумал, что она может обратиться в страховую компанию и, если это дойдет до отца…

Он замолчал, не сводя глаз с ее лица. Женщины обычно ничего не понимали насчет автомобилей и страховки, а Деб знала, что его отец — брокер.

— Но… чем я могу помочь, Рик?

— Как ты думаешь, сможешь ты выяснить, когда она дома одна? Понимаешь, не могу же я просить ее в присутствии мужа о том, чтобы она не обращалась в страховую компанию и просто позволила мне заплатить за ремонт. Профессор может этого не понять.

Мужчины так дорожат своей гордостью, подумала Дебби. Уже на первом курсе она поняла, что достаточно на лекции мужчины-профессора широко раскрыть глаза от изумления, чтобы гарантировать себе хорошую оценку. Особенно хорошо эта маленькая хитрость срабатывала с профессорами, перевалившими тридцатилетний рубеж. Но ее радовало, что Рик обратился к ней за помощью. Она очень тосковала прошлым летом, после того, как он бросил ее. А ведь она позволила ему куда больше, чем кому бы то ни было.

— Хорошо. — Дебби улыбнулась. Зубы белые, ровные, а Рик помнил, когда она ходила с корректирующими пластинами. — Я могу прикинуться,

будто беру у него интервью для студенческой газеты. Я немного опоздаю на репетицию хора, но ты можешь позвонить мне завтра в Форрест-Холл.

Уходя, она гадала, а в том ли причина его звонка, что он хотел уладить инцидент с автомобилем. Может, когда он позвонит завтра… Интересно, тусуется ли он с этими парнями… Хулио, от одного вида которого у нее по коже бежали мурашки, Толстяком, которого скорее всего вышибут из школы до экзаменов, Чемпом. Именно их регулярно приглашали в кабинет директора для выволочки.

Наблюдая за уходящей Дебби, Рик подумал, что она стала очень хорошенькой. Изменила прическу, прибавила в нужных местах. И тут, внезапно, перед ним возник образ Паулы Холстид. Синие глаза на загорелом лице. Может, если бы он пошел к ней один, рассказал, как это случилось, она и согласилась бы не рассказывать о нем копам. А может, он с ней…

Да ты ошизел, одернул он себя. Просто ошизел. Она для тебя опасна. Очень опасна. Она же спросит, за что вы ослепили этого парня? А они-то хотели лишь позабавиться, отвесить ему пару тумаков, точно так же, как отвешивали их школь-

никам младших классов, зажимая их в углу, чтобы отнять карманные деньги. И вместо того, чтобы представлять себя и Паулу Холстид в постели, ему следует позаботиться о том, чтобы она не смогла опознать его. Если она его не опознает, он в полной безопасности. Если опознает…

Что ж, надо сделать так, чтобы она ни при каких обстоятельствах не опознала бы его. То есть надо найти способ запугать ее.

Но какой? Может, попросить старушку Дебби помочь ему. В его голове начал формироваться план. Она, естественно, не должна знать, что в действительности он задумал.

А когда все закончится, может, ему вновь начать встречаться с Дебби? Классная ведь девчонка.

Глава 2

— Хорошо, хорошо, — пробурчал Курт Холстид, завязывая узел галстука, уже облачившись в серые брюки и старый пиджак спортивного покроя с кожаными «заплатами» на локтях. — Ты вновь пойдешь в полицейский участок и опять будешь просматривать фотографии. Зачем?

— Потому что они ослепили этого мальчика, —

ледяным тоном ответила Паула.

Она стояла на пороге ванной, прислонившись к дверному косяку и сложив руки на груди, на втором этаже одинокого дома, на отшибе, в котором они жили с той поры, как Курт поступил на работу в университет Сан-Фелиса. Окна спальни выходили на университетское поле для гольфа.

— Я уверен, что они не хотели ослепить его. Возможно, ситуация просто вышла из-под контроля. Неделя уже миновала. Почему ты думаешь, что сможешь узнать их, если увидишь вновь?

— Одного я узнаю, — мрачно ответила Паула.

Курт покончил с галстуком, пробежался расческой по черным, коротко стриженным волосам. Они еще не начали седеть, но уже заметно поредели, особенно на макушке. Он нетерпеливо посмотрел на часы.

— Почему ты всегда затеваешь такие разговоры в пятницу, когда я опаздываю на вечерний семинар?

Она встретила взгляд его карих глаз.

— Потому что хочу, чтобы ты понял мою точку зрения. Я намерена разыскать этого парня. Возить человека лицом по гравию! Какая чудовищная жестокость!

— Я полностью с тобой согласен. Но, возможно,

произошло это случайно…

— Я видела его лицо, — оборвала мужа Паула. — А ты — нет. Зло, абсолютное зло. Я хочу, чтобы его поймали. Я хочу, чтобы он понес заслуженное наказание.

— Будем надеяться, что твое желание осуществится. — Курт заглянул во вторую спальню, переоборудованную им в кабинет, взял брифкейс и в сопровождении Паулы направился к лестнице.

— Когда ждать тебя домой, Курт?

Он скорчил гримасу.

— Я могу задержаться. Чак Белмонт читает сегодня доклад «Взаимоотношения культуры и человеческой эволюции». Блестящая работа! Потом, полагаю, начнется дискуссия.

— Перед тем как лечь спать, я приготовлю тебе бутылку вина, — сухо пообещала Паула.

— Обязательно надо меня зацепить, да? И все потому, что мне нравится пропустить пару стаканчиков… — Фразы он не закончил, покачал головой и спустился по лестнице. Паула не отрывала от мужа взгляда, пока тот пересекал гостиную, но он так и не обернулся. Она вздохнула, сама спустилась вниз и через двойные двери в правой стене прошла в столовую, к которой

примыкала кухня.

Может, Курт прав? Может, напрасно она постоянно набрасывается на него? Но с того момента, как избили Рокуэлла, она живет в каком-то странном… Нет, возбуждении — это чересчур сильно. Может, предчувствии чего-то. Ожидании. Не слишком ли она увлеклась поисками этих хулиганов, требуя от полиции активизации расследования. Может, Курт прав?

На кухне Паула огляделась. Нержавеющая сталь мойки и шкафчиков, виниловое покрытие столиков. Чисто, удобно, красиво. Автоматически она начала собирать грязную посуду, загрузила ее в моечную машину, насыпала мыльного порошка, пустила воду.

Может, напрасно она так тревожится из-за этих подростков. Они просто хотели поразвлечься, но не рассчитали, и развлечение вылилось в трагедию. Может, неудовлетворенность личной жизнью, замужеством, заставляет ее искать хоть какой-то выход переполняющему ее раздражению?

Нет. Она прекрасно запомнила выражение лица этого парня. Рядом со страхом соседствовало удовольствие. И глубокая удовлетворенность. Та самая удовлетворенность, которую, если верить

женским журналам, можно обрести только в сексе.

Паула вытерла посуду, убрала ее, поставила бутылку вина на кофейный столик, рядом с любимым креслом Курта. Затем вышла на крыльцо, чуть ли не полностью скрытое густой листвой росших перед домом дубов, вслушалась в квакание лягушек в канаве, разделяющей шоссе и поле для гольфа.

Неожиданно приобрел особую важность ответ на вопрос: действительно ли она использует нападение на Гарольда Рокуэлла с тем, чтобы дать выход накопившемуся раздражению? Познай себя, как… кто это сказал? Она улыбнулась. Платон, Сократ, Пифагор, кто-то еще?

Ее всегда забавляло, что никто не знал, чьим он или она пользуется советом.

Так каким же должен быть ответ? Еще один роман? Первый случился пять лет назад, с заезжим английским профессором, в своих ухаживаниях разительно отличавшимся от медвежеподобного Курта. Ужин при свечах, цветы, страстные поэмы… А чем все закончилось? Той же имитацией оргазма, что и с Куртом, ради того, чтобы не разочаровывать партнера. Все удовольствие вновь досталось мужчине. Нет, от романа толку

не будет.

Сквозь кусты она увидела фары приближающегося автомобиля. Их свет выхватил из темноты девушку в желтом свитере, идущую по обочине от университета. Странно, подумала Паула. Одинокая девушка, ночью, на пустынной дороге. И девушка вроде бы симпатичная. С длинными светло-каштановыми волосами. Машина проехала, дорога погрузилась в темноту. Затем Паула услышала, как хлопнула алюминиевая дверь телефонной будки напротив их дома. Тут она все поняла. Слишком настойчивый кавалер, пощечина, телефонный звонок родителям. Но свет в будке зажегся лишь на секунду, осветив девушку, затем дверь открылась.

Словно кино, подумала Паула. Фигуры перемещаются, происходит какое-то действо, не имеющее никакого отношения к твоей жизни.

Не находя покоя, Паула несколько минут разглядывала книжные полки у кирпичного камина. Из головы не выходила фраза Курта. Да, он, несомненно, прав. В ее стремлении обязательно наказать виновных было что-то нездоровое. В понедельник она просмотрит последнюю порцию фотографий, а потом постарается забыть как обезображенное лицо Гарольда Рокуэлла, так и

лицо другого юноши, наслаждающегося насилием. Нападение на Рокуэлла никоим образом с ней не связано.

И ей следует благодарить Курта, а не злиться на него. Он стал старше, его сексуальные запросы уже не столь велики, и, несмотря на мелкие ссоры, они любят друг друга. Что бы там ни писали в журналах, Паула сомневалась, что другие женщины получали больше, выходя замуж. А если ей иногда кажется, что все у нее не так, то причина, скорее всего, в преждевременном приближении климакса. В конце концов, она могла бы оказаться в том же положении, что и Салли Редмонд. Бедная Салли, уверенная, что ее муж допоздна засиживается в химической лаборатории. На самом же деле он нежился в постели какой-нибудь студентки.

Кстати о Салли. Она говорила, что, возможно, заедет вечерком, поскольку Курта не будет дома. Святой Боже, только не это. Салли она сегодня не выдержит.

Паула вздохнула, смирившись с тем, что весь вечер ей придется мучиться обществом подруги.

Глава 3

Они договорились встретиться в закусочной на Эль-Камино, старой дороге, которая когда-то связывала миссионерские поселения в Калифорнии, а теперь соединяла с десяток городков между Сан-Франциско и Сан-Хосе. В пятницу в закусочной было полно людей, почему Рик и выбрал для встречи это место. Свой огненно-красный «триумф» он припарковал в квартале от закусочной: для вечерней операции они решили воспользоваться «шеви» Толстяка.

Чемп Матер прибыл вторым. Рик наблюдал, как он идет между столиками. Загорелое лицо, напоминающее маску, могучая фигура и темные, глубоко посаженные глаза, в которых затаился страх, глаза мышки, постоянно чего-то боящейся.

— Привет, Рик. — Он скользнул в кабинку. — Я не опоздал?

— Нет, ты вовремя. Как сегодня работалось, Чемп?

К работе Чемп относился серьезно. Он отучился два года в девятом классе, потом два — в десятом, второй из них вместе с Риком, а потом уже мог по возрасту выступать за футбольную коман-

ду. Старик Бейли, директор школы, устроил его садовником в поместье Хиллсборо. Жил он в пансионате, расположенном в миле от поместья.

— Сегодня я хорошо поработал, — наконец ответил Чемп. — Я… весна, знаешь ли. Они… Цветы уже распускаются, а деревья надо подкормить… э… а… да, весна — хорошее время, Рик.

Еще в средней школе вокруг Чемпа кружили селекционеры: двести двадцать фунтов мышц производили впечатление. Но потом выяснилось, что ему не хватает ума, чтобы разобраться в схемах защитных порядков профессиональных футбольных команд.

Рик, выглянув в окно, напрягся: «шеви» Толстяка выруливал с Энтрада-уэй.

— Чемп, они приехали. Сматываемся.

Уже стемнело, и Толстяк включил ближний свет. Несмотря на почтенный возраст, «шеви» не мог пожаловаться на здоровье: Толстяк тщательно следил за автомобилем, поддерживая его в отличной форме. Рик и Чемп забрались на заднее сиденье. Хулио сидел рядом с Толстяком.

— Куда теперь? — нервно выкрикнул Толстяк, перекрывая грохот музыки из приемника.

— К университетскому полю для гольфа, Линда Виста-роуд. И выключи это чертово радио. — На-

пряжение чувствовалось и в голосе Рика. — Не гони. Пусть окончательно стемнеет.

Хулио Эскобар, повернувшись, посмотрел на Рика. Тремя годами раньше, до того, как он, вместе с Толстяком и Чемпом, прибился к Рику, его вполне устраивала компания ножа с выкидным лезвием. Иногда, как в этот вечер, ему очень хотелось вновь остаться в одиночестве.

— Ты уверен, что профессора дома не будет, Рик?

— Абсолютно уверен. У него семинар с семи до десяти, а потом он будет пить кофе с кем-нибудь из студентов.

— А если кто-то заметит мою машину? — спросил Толстяк.

В свете фар обогнавшего их автомобиля Рик видел обильный пот, выступивший на шее Толстяка.

— Мы припаркуем ее в четверти мили от дома профессора. — Энтрада-уэй упиралась в Линда Виста-роуд, образуя Т-образный перекресток. Толстяк повернул на юг, к университету.

Чемп нахмурил брови.

— А почему мы должны идти в ее дом?

— Чтобы увидеть, узнает ли она нас.

— А если узнает? — вмешался Толстяк.

— Я знаю, что надо делать, — заверил их Рик.

Но этого-то он и не знал. Да, он продумал, как они подберутся к дому. Представлял себе, как выяснит, узнает их Паула или нет. Но далее все покрывал густой туман. Если узнает, что тогда? Впрочем, одна идея насчет того, как заставить ее замолчать, у него мелькнула. Аккурат в понедельник, по ходу разговора с Дебби. Но он не очень-то полагался на нее. Все-таки Паула Холстид годилась ему в матери, как бы хорошо она ни выглядела.

Он наклонился вперед, положив локти на спинку переднего сиденья. Чего ломать голову. Что-нибудь да получится.

— Сейчас будет еще один Т-образный перекресток, Толстяк. Сворачивай направо, на Лонгакрес-авеню, и я скажу тебе, где остановиться.

Лонгакрес-авеню огибала поле для гольфа с севера. Рик пристально наблюдал за обочиной.

— Съезжай с дороги, — крикнул он. Толстяк сбросил скорость, увидел съезд. — Загоняй машину под деревья и туши огни.

«Шеви» остановился на ковре пожухлых прошлогодних листьев, опавших с кипарисов. Фары и подфарники погасли, раскрылись дверцы, зажглась лампочка в кабине.

Рик посмотрел на часы.

— Уже восемь. Пора.

Один за другим они вылезли из кабины. Рик гордо оглядел их. Его команда, совсем как в фильме о второй мировой войне, который они видели на прошлой неделе. Ему нравились военные фильмы, и он всегда ассоциировал себя с командиром.

Он уже протянул руку к дверце, чтобы захлопнуть ее, как вдруг с дороги донесся какой-то шелест. Мимо проехал велосипедист, повернулся к ним, и они инстинктивно пригнулись.

— Что это за парень? — прошептал Хулио. — На велосипеде?

— Господи, Рик, он нас увидел, — проверещал Толстяк. И даже рыгнул от страха. — Надо уезжать. Мы не можем…

— Мы не можем остановиться на полпути, — осадил его Рик. — Черт, на дворе ночь. Ехал он быстро. И ничего не смог разглядеть.

На какое-то мгновенье казалось, что ситуация выходит из-под контроля. Спас положение Чемп.

— Мы бы давно были в доме, если б вы не спорили с Риком.

Поддержка Чемпа решила дело. Плотной группой они пересекли Лонгакрес и двинулись через

поле для гольфа. Рик, идущий впереди, оглянулся. Они здесь, потому он этого захотел. Другой причины не было. Он — командир. Рик остановился, и они обступили его, преданно глядя в глаза в свете узкого полумесяца.

Рик указал на растущие вдоль поля деревья.

— Видите те огни? Ближайший дом в полумиле. Выходим на подъездную дорожку — и к дому профессора.

— А если она не одна? — Хулио уже не сомневался в необходимости операции, его интересовали возможные осложнения.

— Тогда нам дадут сигнал не соваться в дом, — ответил Рик и двинулся дальше, не дожидаясь вопросов. Упругая, обильно смоченная росой трава заглушала их шаги. Рик представлял себе, что ведет свой отряд по вражеской территории. И жалел лишь о том, что они не закрасили черным лица. Пять минут спустя они подошли к полоске кустарника, отделявшего поле от шоссе и съезда к дому Холстидов.

— Ложись! — внезапно прошипел Рик.

Они попадали на траву. Послышался шум приближающегося автомобиля, фары осветили кусты. Автомобиль проехал, темнота стала еще гуще.

— Рик, — испуганно зашептал Толстяк, — там девушка. Сидит в телефонной будке на другой стороне дороги с открытой дверью и без света. Я видел ее в свете фар!

— Это Дебби. Наша разведчица. Пока дверь открыта, свет в будке не зажигается. Это значит, что к дому никто не идет. Если она закроет дверь, вроде бы собравшись позвонить, мы удерем.

Услышав имя Дебби, Хулио замер, словно охотничья собака, почуявшая зверя. Она училась с Риком, на класс старше, чем он, и всегда полагала, что Хулио Эскобар ей не чета. Участвуя в школьных парадах, она не стеснялась показывать всем свои ножки, но на Хулио даже не смотрела. Паршивая дешевая динамистка.

— Что ж ты не сказал, что наша безопасность будет зависеть от женщины, — От волнения Хулио заговорил с испанскими интонациями.

— Деб не знает, что вы здесь, — ответил Рик. — А когда я позвоню[1] ей, она даже не будет знать, приходил ли я сюда.

Они перебрались через канаву, по извилистой подъездной дорожке прошли под деревья. Перед ними возник массивный силуэт двухэтажного

---

[1] Примечания: 1

Американские телефоны-автоматы обеспечивают двустороннюю связь. *(Здесь и далее прим. перев.)*

дома, построенного не один десяток лет тому назад. Они остановились у деревянных ступенек, ведущих на крыльцо, где совсем недавно стояла Паула.

— Когда я позвоню, спрячьтесь. Она откроет дверь, и я спрошу, как пройти к университету. Если она меня не узнает, мы просто уйдем. Если узнает, все, кроме Толстяка, войдем в дом. Он останется на крыльце и будет следить, не зажжет ли Дебби свет в будке.

Поднявшись на крыльцо, Рик прильнул к стеклянному оконцу в тяжелой дубовой двери. Сердце гулко билось в груди. Паула спиной к нему прохаживалась вдоль книжных полок. Слева он увидел лестницу. Между лестницей и полками — коридор, уходящий в глубь дома.

Рика заворожила грациозная шея Паулы, стройность фигуры, округлость бедер. На мгновение он подумал, что она чувствует его взгляд и сознательно источает сексуальность. Потом он понял, что у нее врожденная грация. Из-под цветастой юбки выглядывали загорелые ноги. Сквозь тонкую блузку проглядывали лямки и застежка бюстгальтера.

Рик нажал на кнопку звонка и отпрянул назад, чтобы, повернувшись, она не увидела его при-

никшего к окошку лица.

Паула открыла дверь со словами: «Салли, я надеялась, что ты заедешь и...» — Она замолчала, увидев перед собой побледневшего симпатичного юношу.

— О, извините, я приняла вас за...

Взгляды их встретились, как и неделю назад на Брюэр-стрит. По изменившемуся выражению синих глаз Рик понял, что его узнали. Он быстро шагнул вперед и с силой ударил кулаком ей в живот. Из груди Паулы вырвался воздух, глаза ее закатились, ноги подогнулись. Рик подхватил ее, прежде чем она упала бы на пол.

— Чемп! — крикнул он. — Скорее! Помоги мне держать ее!

Чемп взбежал на крыльцо, подсунул руку под спину Паулы, и вдвоем они быстро внесли ее в дом. Хулио, закрыв за собой дверь, последовал за ними. Толстяк остался на крыльце. Теплое тело Паулы возбуждало Рика. Как и морщинки, зарождавшиеся у рта и в уголках глаз.

— Ты ее крепко держишь? — Рик тяжело дышал.

— Да.

Пока они тащили Паулу, верхние пуговички блузки расстегнулись, и теперь Рик не мог ото-

рвать глаз от ее бюстгальтера. Чемп без труда удерживал Паулу на одной руке.

— Подержи еще.

Рик прошел в коридор, нашел справа открытую дверь, заглянул в комнату. Реостатный выключатель стоял на минимуме, так что в комнате царил полумрак. Рик различил полки с книгами, кресло с высокой спинкой, вроде того, что стояло у него в гостиной рядом с пианино, диван, маленький стульчик на трех ножках, стол с лампой и электронными часами со светящимися цифрами. На полу лежал толстый ковер.

— Неси ее сюда, Чемп, — распорядился он.

Я это сделаю, решил Рик. Сделаю, сделаю, сделаю. Похоже, он не отступился бы от своего, даже если бы она его не узнала.

Паула медленно приходила в сознание, еще не в силах сопротивляться. Но Чемп тащил ее одной рукой, готовый в любую секунду зажать ей рот второй. Если она вдруг закричит.

— Брось ее на диван. — Рик усмехнулся. — Даже если она и закричит, туг ее никто не услышит.

— Но… что ты собираешься делать, Рик?

Что он собирался делать? А что, собственно, можно делать, когда перед тобой лежит такая женщина.

— Отграхать ее. — Кровь бросилась ему в лицо.

Он вытолкал Чемпа из комнаты, не обращая внимания на голодный взгляд, брошенный здоровяком на Паулу. Закрыл за ним дверь.

В полумраке Рик вернулся к женщине. Подождать, пока она окончательно придет в себя? Или овладеть ею незамедлительно? Будет ли она сопротивляться? Если он подождет, может, она поможет ему? Медленно разденется, разжигая желание. Черт, парни постарше не раз рассказывали, что зрелые женщины только и мечтают о том, чтобы их трахнули.

Как только он наклонился над Паулой, она схватила трехногий стульчик и попыталась ударить его по голове. Рик блокировал удар предплечьем, так что стул вырвался из ее руки и упал на ковер позади Рика.

Возбужденный сопротивлением, Рик двинул ей кулаком в челюсть. Паула завалилась назад. Он накинулся на нее. Бормоча ругательства, разорвал тонкие трусики. Пусть узнает, какая судьба ждет тех, кто смеет перечить Рику Дину.

Глава 4

Они ушли. Паула, свернувшись комочком на диване, не раскрывала глаз и слушала. Лежала она, плотно прижав колени к груди, разорванные трусики валялись на полу у дивана, одна сандалия так и осталась у нее на ноге. Ее уши, словно маленькие зверьки, существующие отдельно от остального тела, ловили каждый звук, каждое слово. Голос того, кого звали Рик, отдавался в ее мозгу.

«Она по-прежнему не знает, кто мы такие. А если и выяснит, то никому не скажет. Не решится, потому что понимает, что мы можем вернуться».

Глупое утверждение, потому что, если она поставит в известность копов, те позаботятся, чтобы они уже не вернулись. По причине, осознать которую Рик, разумеется, не мог, Паула не собиралась заявлять в полицию.

Вновь она прислушалась к голосу памяти. Удаляющиеся шаги — так, наверное, уходили обутые в сапоги нацисты из разгромленного еврейского

магазина в Kristallnacht[2]. Затем, что странно, кто-то начал вертеть диск телефонного аппарата. Рик произнес какие-то слова, обращенные к некой Дебби, наконец закрылась входная дверь.

Уши ловили малейший шорох, требуя подтверждения, что в доме она осталась одна. Тишина. Только снаружи доносился шелест дубовой листвы.

Паула осторожно провела языком по губам. Вкус крови, расшатанные зубы. Так, наверное, ведет себя выходящее из спячки животное, когда тает снег и приходит пора проверить, а как ты перенес зиму.

Плохо, подумала Паула. Очень плохо.

Со стоном она села. Болел низ живота, лицо, шея. Тело, которое предало ее.

Паула инстинктивно прошлась пальцами по волосам, обнаружила, что пластмассовая заколка, сцеплявшая их на затылке, сломалась, и волосы рассыпаны по плечам. Она посмотрела на часы.

9.40. Все того же вечера.

Семинар подходит к концу, Курт собирает бумаги, складывает их в брифкейс, продолжая разговор со студентами.

---

[2] Примечания: 2

Хрустальная ночь, — ночь, когда по всей Германии прокатились еврейские погромы.

Курт, большой, хмурящийся медведь.

— Пожалуйста, приходи быстрей домой, — взмолилась она.

Но в глубине души она знала, что он не придет, не успеет. Паула вздохнула и осторожно встала. Не все так плохо, если говорить о теле. Легкая усталость, боль в мышцах, словно после зимнего перерыва она наигралась в теннис. Как такое могло случиться с ней, если после Рика, в первый раз, она чувствовала только отвращение? Тогда она все еще была Паулой Холстид, она выдохнула: «Нет», — когда он прошествовал к двери, застегивая молнию джинсов, распахнул ее и крикнул: «Следующий». Словно парикмахер, приглашающий в освободившееся кресло.

Может, все началось тогда? В тот самый момент, когда она поняла, что они все перебывают на ней, а Рик останется в комнате и будет наблюдать?

— Извини, Курт, — вырвалось у Паулы. Электронные часы высветили 9.47. Курт все еще в аудитории, за столом. И что-то говорит. Говорить он умеет…

9.51. Одиннадцать минут, чтобы подняться с дивана. Рим строился не в один день. Добрый ста-

рина Джон Хейвуд[3]. Всегда можно обратиться к Хейвуду, если требуется заезженная цитата. Она подняла порванные трусики, нашла сандалию, отброшенную в угол, подняла и ее. Вышла из комнаты.

У лестницы остановилась. Оглядела гостиную. Слева — окна, из них днем открывался вид на подъездную дорожку и деревья, за которыми начиналось поле для гольфа. Под окнами — диван. Ближе к двери, спинкой к Пауле — кресло Курта. Пожалуйста, Курт, приходи быстрей домой. Кофейный столик, на нем бутылка вина, книжки в бумажной обложке. Ковер цвета красного вина. Справа, за двойными дверями — отделанная дубом столовая.

Никаких следов пребывания хищников. О, возможно, отпечатки пальцев. На дверной ручке. Возможно, на телефоне. И, разумеется, на ее душе. Грязные, несмываемые.

Вторым был костлявый, похожий на испанца парень. Горящие глаза, горячие руки, раздвигающие ее колени. Она начала было сопротивляться, но потом заставила себя расслабиться, просто смотреть в потолок, как делала сотни раз под

[3] Примечания: 3

Хейвуд Джон (1497–1580) — английский драматург, автор эпиграмм и пословиц.

Куртом, забыть, что такое происходит с ней, утонченной, интеллигентной Паулой. Три минуты он прыгал на ней, как терьер. А затем, кончая, вскрикнул, словно кролик, которого ударили палкой.

Тогда она еще была в безопасности. Все еще ничего не чувствовала.

Она медленно, едва переставляя ноги, поднялась по лестнице, чтобы набрать в ванну горячей воды. Блузка порвалась, но юбка осталась нетронутой. Комбинации она не носила. Бюстгальтер держался на одном крючке. Она сняла с себя все, бросила в плетеную корзину для грязной одежды, которую купила, когда они ездили в отпуск в Мексику, вылила в ванну чуть больше жидкого мыла, чем обычно.

Горячая вода, соприкасаясь с синяками и ссадинами, заставляла ее вскрикивать, но она решительно опустилась в ванну. Кожа сразу порозовела. Она начала намыливаться.

Напрасно. Такое не смывается.

Толстяк не успел спустить штаны, как уже кончил, еще стоя посреди комнаты. Рик громко загоготал и поспешил к двери, чтобы рассказать всем о конфузе товарища.

Паула встала, намыливая тело, пока вся не

покрылась белой пеной. Предает всегда тело. Она взглянула на свои груди, которые болели при прикосновении, на которых остались красные следы от пальцев, которым со временем предстояло стать фиолетовыми. Припухло и правое плечо, укушенное зубами. Неужели человеческий укус такой же болезненный, как и собачий?

Впрочем, людей среди них не было.

Курт, черт побери, почему тебя не было? Она стряхнула с себя пену. Кого она обманывает? Курт свое отвоевал, четверть века тому назад. А сегодня этот здоровяк справился бы с Куртом одной рукой.

Да, все началось с него, с этого чудовища, причинившего ей боль. Началось с его злобной глупой улыбки, тяжелого дыхания, когда он склонился над ней, железных пальцев, сжавших ее грудь. А когда она закричала от боли, он вошел в нее. Двадцать минут, они оба взмокли от пота. Да уж, какое здесь разглядывание потолка. Потом он прижался мокрым лицом к ее шее, заставив отвернуть голову и, кончив, впился зубами в правое плечо.

И тут ничего бы не произошло, если б она получила передышку. Но Рик, возбужденный этим животным, скачущим на ней, тотчас овладел

ею вновь.

Паула осторожно вытерла загорелое, прекрасное тело огромным махровым полотенцем, лишь промокая синяки. Затем, обнаженная, подошла к лестнице, прислушалась, словно ребенок, испугавшийся, что родители оставили его. Существовало ли более ужасное чувство, чем детский страх? Да. Осознание того, что ты предал себя. Тут уж не оставалось никакой надежды.

10.39.

В спальне она расчесала волосы, надела самую прозрачную из ночных рубашек, сверху — светло-голубой пеньюар с ленточками, завязывающимися у шеи. Села к туалетному столику, чтобы тщательно накраситься. Тени, тушь для ресниц, помада. Аккуратно, неторопливо.

Курт, хотя бы в этот раз оставь студентов и приезжай домой пораньше. Объясни, постарайся убедить, что моей вины в этом нет.

Она покрутила головой, оценивая результат. С губами, конечно, пришлось повозиться, но порезы и укусы были внутри, а помада уменьшила припухлость. На левую руку она надела украшенные драгоценностями часики, подарок Курта на ее тридцатилетие, полюбовалась сверканием камней на фоне загорелой кожи. Одиннадцать

ровно.

Все еще сидя за столиком, закурила, понимая неестественность своего спокойствия, обусловленную частично шоком, а частично той пропастью, что открылась в ее душе.

11.06. Извини, Курт, дорогой. Уже поздно. Слишком поздно.

Она написала предсмертное послание, с классической ссылкой, которую, несомненно, оценит Курт, и липкой лентой прикрепила его к зеркалу. Прошла к аптечке в ванной, вернулась назад, перечитала написанное. Вроде бы придраться не к чему. Поторопись, сказала она себе, пора.

Пора. Она бы сдержала сексуальное возбуждение, пробужденное в ней этим дикарем, если бы все прекратилось. Если б ее оставили в покое. Но Рик овладел ею. Тотчас же.

И она достигла-таки оргазма.

За четырнадцать лет супружеской жизни она ни разу не получила оргазм. Банда подростков добилась успеха там, где провалился Курт, где не помогли свечи и стихи. В жестокости животного совокупления она поднялась на вершину блаженства. Вот, значит, какое чудовище притаилось в глубине души Паулы Холстид, чтобы выглянуть оттуда, сверкнув злобными глазками?

Вот, значит, какая извращенная у нее натура.

Паула содрогнулась от отвращения.

Она положила правую руку на колено, ладонью вверх, а левой, держащей бритву, хладнокровно провела по запястью, почувствовав разве что легкий укол. Уронила бритву, сбросила руку с колена, чтобы легче вытекала кровь. Застыла перед зеркалом, наблюдая, как медленно бледнеет лицо. Извини, Курт, дорогой. Ты хоть не узнаешь, что с тобой мне пришлось имитировать оргазм, а вот…

Она упала лицом вперед на стекло, лежащее на туалетном столике, сбросив с него баночку крема для рук. Баночка упала на ковер и подкатилась к уже безжизненным пальцам ее левой руки.

Часы показывали 11.33. Вены она перерезала четыре минуты тому назад.

Глава 5

Курт посмотрел на часы и быстро допил кофе. Без одной минуты одиннадцать, Паула будет недовольна.

— Еще кофе, сэр?

Курт помялся.

— Честно говоря, мне уже пора…

И тут заговорил сидевший напротив Белмонт, только что вернувшийся в кабинку с вечерним выпуском газеты.

— Я понимаю, что вы имели в виду, доктор, говоря, что социологические науки должны отрицать влияние наследственности на развитие человеческой личности и, наоборот, подчеркивать воздействие окружающей среды.

Официантка налила кофе. Курт со вздохом откинулся назад.

— Знаешь, Чак, я готов пойти дальше. И соглашусь с Эшли Монтегю в том, что человеческая натура есть результат постепенной замены примитивных инстинктов интеллектом. К инстинктам человек обращается все реже и реже, а потому они отмирают.

— Не означает ли это, что через пропасть между нами и нашими родственниками невозможно перекинуть мостик? — спросила Ширли Мейер, невысокого росточка, полненькая, с острым умом девушка.

— Пропасть эту заполняет культура. — Курт наклонился вперед. Сидели они в той самой кабинке закусочной, которую тремя часами раньше занимали Рик и Чемп. — Уникальность современного человека в том, что он освобожден от

фактора инстинктивного поведения.

Белмонт согласно кивнул, но Мейер сочла нужным поправить профессора.

— Инстинкты влияют на поведение, доктор Холстид, но не определяют его. Я думаю, человеку присуща врожденная враждебность, которая толкает его…

— Вот тут ты не права, Ширли, — уверенно оборвал ее Белмонт. — Ребенок не рождается агрессивным. Враждебность его обусловлена раздражением по тому или иному поводу. — Он повернулся к Курту, как бы ища поддержки, — Вы согласны со мной, доктор?

Курт кивнул.

— Джон Диллард в своей классической работе «Раздражение и агрессивность», опубликованной в тысяча девятьсот тридцать девятом году, указывает, что агрессия есть неизбежное следствие раздражения. Он приводит в пример гетто, где негры, доведенные до отчаяния безысходностью, взрываются, словно скопившийся гремучий газ. Но Диллард также указывает, и, возможно, это более важное наблюдение, что агрессии всегда предшествует раздражение. Если б не раздражающие эффекты окружающей среды, не было бы никакой враждебности к себе подобным.

— Вы сказали, что эта книга опубликована в тридцать девятом году, — заметила Ширли Мейер. — Не в тот ли год Гитлер оккупировал Польшу?

— Перестань, Ширл, — махнул рукой Белмонт. — Это же древняя история.

Курт вновь посмотрел на часы. Семнадцать минут двенадцатого. Ему действительно пора. Кашлянув, он выскользнул из кабинки.

— Я лучше поеду, чтобы не будить агрессивность жены. — Он пожал руку Белмонту. — Прекрасный доклад, Чак, — улыбнулся Ширли. — А вам, моя милая, придется переосмыслить некоторые идеи, прежде чем выходить с ними в мир.

Улыбнулась и Ширли.

— Извините, профессор, но я думаю, что вокруг джунгли, а человек по своей природе первый из хищников.

Направляясь к своему автомобилю, Курт глубоко вдохнул. Даже ночью в воздухе чувствовался металлический привкус индустриальной цивилизации. Слава Богу, что есть университеты, островки тишины и покоя в спешащей, толкающейся Америке. Пустив глубокие корни в Лос-Фелисе, Курт считал, что он в полной безопасности. Садясь за руль, он решил, что посвятит

лето работе над книгой о сущности человека.

Он свернул налево, на Энтрада-уэй, доехал до Линда Виста-роуд. Улицы опустели, в некоторых окнах светились телевизионные экраны, кое-где горели лампочки на крыльце: родители заботились о том, чтобы дети, вернувшись домой, без труда попали ключом в замочную скважину.

Эта Ширли Мейер не случайно напомнила о гитлеровской агрессии. Этим она как бы подтверждала, что враждебности предшествует раздражение. Белмонт не уловил связи. Улыбка Курта сползла с лица. А он все понял. Тогда ему было четырнадцать, он учился в Англии, потому что его отец читал лекции в Лондонской экономической школе, и тень войны, несмотря на возвращение Чемберлена из Мюнхена с «миром на все временам, наползала на Европу.

Древняя история, так отозвался о тех временах Чак Белмонт.

Для поколения, без эмоций воспринимавшего свастики, железные кресты, немецкие каски, возможно. Но не для Курта, три года проведшего в английской армии. Конечно, тогда он был совсем другим. Война в пустыне, высадка в Сицилии. С тех пор Курт Холстид разительно изменился.

Он миновал Лонгакрес-авеню, посмотрел на

темное поле для гольфа. Жаль, что он не играл в гольф, живя у самого поля. Может, в воскресенье им с Паулой следует возобновить прогулки по окрестностям. В последнее время они предпочитали играть в теннис. И уже два года не гуляли по лесу.

Курт притормозил, свернул на подъездную дорожку, подъехал к крыльцу. Выключив двигатель, посидел несколько минут, прислушиваясь к потрескиванию остывающего металла и квакань ю лягушек в канаве. Ширли Мейер заставила его вспомнить прошлое. Не такое уж плохое было время. Постоянное общение со студентами способствовало тому, что даже недавнее прошлое быстро забывалось. Молодежи всегда казалось, что их проблемы уникальны в истории человечества, а потому их решение возможно лишь на основе новых идей.

Курт в который уж раз взглянул на часы, почти полночь, вздохнул, вытащил из кармана ключи, поднялся на крыльцо. В гостиной покачал головой, увидев стоящую на кофейном столике бутылку красного вина. Ну что плохого в том, что ему нравится выпить вечером стакан-другой вина. Зря Паула на него сердится. Он прошел в коридорчик, заглянул в библиотеку, где горел свет.

Наполовину свалившееся с дивана покрывало, сдернутый ковер, трехногий стульчик, валяющийся на боку посреди комнаты…

Чертовски странно. Что…

Курт развернулся и осторожно, на цыпочках, двинулся к лестнице. Остановился. Рефлексы, приобретенные четверть века назад долгими часами тренировок, давали себя знать. Но, в конце концов, для сбитого ковра и перевернутого стульчика могло найтись более простое объяснение, и он порадовался, что Паула не увидела ожиревшего Джеймса Бонда, крадущегося по собственному дому.

Тяжело ступая по ступеням, он поднялся на второй этаж. Паулу он увидел у туалетного столика, она наклонилась, чтобы поднять упавшую баночку с кремом для рук.

— Что произошло внизу? Почему…

Кровь. В Пауле было всего-то десять пинт[4] крови, и половина вылилась на пол. Как много крови!

Курт в три прыжка пересек спальню, чтобы поднять Паулу. Тело еще сохраняло тепло, но голова бессильно откинулась назад, на его пред-

---

[4] Примечания: 4
1 пинта — 0,47 л.

плечье. Ее рот приоткрылся, он увидел разбитую нижнюю губу, отколотый передний зуб. На стеклянной поверхности, где лежала ее голова, осталась лужица слюны.

Очень медленно и осторожно Курт вновь положил ее голову на туалетный столик. Это были уже глаза не Паулы, а трупа. Долгое общение со смертью, пусть и много лет тому назад, научило его, что «бренные останки» обладают одной особенностью: перестают быть тем человеком, которого все знали.

Он поднял руки, потер глаза.

Как? Почему?

Курт наклонился, взял руку Паулы, развернул ее ладонью к себе. Долго смотрел на разрез на запястье. Теперь понятно, как. Из груди его вырвалось рыдание. Но почему? Сможет ли он когда-нибудь понять, почему?

Он отвернулся, даже не обратив внимание на прикрепленную к зеркалу записку, спустился вниз, не замечая, что оставляет кровавые следы на полу и ступенях. В гостиной схватил телефонную трубку и тем самым затер отпечатки пальцев, оставленные Риком, когда тот звонил Дебби, сидевшей в телефонной будке на Линда Виста-роуд.

Набрав номер телефонистки, Курт попросил соединить его с шерифом.

Глава 6

Помещение, где убивали, пропиталось запахом крови. Повсюду жужжали мухи, и горячий воздух Северной Африки, казалось, источал заразу. Козы, сгрудившись, блеяли у деревянного пандуса, заканчивающегося дверцей, через которую животные могли пройти только по одной. Другого выхода из загона не было.

— Показываю еще раз, — объявил старший мясник, араб с мягким, интеллигентным лицом.

Он схватил козу за хохолок волос между рогами, повернул голову вверх и влево, продемонстрировав полдюжине мужчин в военной форме ее шею. Коза смотрела на них ничего не выражающим взглядом.

— Шея… так, — продолжил мясник. — Потом нож… так!

Нож с широким, обоюдоострым лезвием сверкнул как молния. По телу козы пробежала дрожь, копыта забарабанили по полу. Араб отступил на шаг, протянул к зрителям руку с ножом. Взгляд козы не изменился, но на них смотрели уже

мертвые глаза.

Никто не выступил вперед, чтобы взять нож. Лейтенант, как и они, мокрый от пота, откашлялся. Но все равно заговорил писклявым голосом.

— Перерезать врагу горло — самый быстрый способ покончить с ним. С манекенами вы все расправляться научились. Вот вам хорошая возможность… гм… показать свое мастерство на практике.

Рядовые молчали, не двигаясь с места. Отреагировали лишь мухи, слетевшись на свежую кровь. Наконец вперед выступил Курт, в семнадцать самый молодой из всех. Почему нет? В бою-то раздумывать не придется. Или ты, или он, не так ли?

— Дайте мне нож.

В помещение запустили другую козу. Курт заглянул в ее спокойные, темные глаза и отвернулся. Схватился за жесткие волосы, задрал голову козы вверх и влево, как показывал араб.

— Хорошо… хорошо… — ободряюще кивал старший мясник.

Курт ударил ножом. Коза, с недорезанной шеей, вырвалась из руки Курта. Кровью из широкой раны окатило всех, Курту горячая соленая струя ударила в рот.

Коза остановилась, опустила голову, ноги ее подогнулись. Затем заблеяла, только звук шел не изо рта, а из горла…

Курт застонал и перекатился на спину, начал тереть рот ладонью. Взмокший от пота, открыл глаза, уставился в потолок кабинета.

Вновь заблеяла коза, нет, зазвенел дверной звонок. Слава тебе, Господи, подумал Курт. Ему уже много лет не снились военные кошмары. Почему Паула не открывает дверь? Почему…

И тут он все вспомнил.

Перекинул ноги через край кушетки. Сел, с трудом подавил подкатившуюся к горлу тошноту. Нога его сшибла пустую бутылку. Ну конечно, он же пил весь день. Пока, должно быть, не отключился.

Опять звякнул звонок. Курт с трудом поднялся, постоял, пока не перестала кружиться голова. Заснул он, не раздевшись, даже не сняв ботинки. Отключился. А Паула умерла.

Паула мертва. Чертов звонок все не унимался. Наверное…

Пошатываясь, он спустился вниз, подошел к двери, распахнул ее. Но пороге стоял высокий мужчина, незнакомец.

— Может, вы помните меня, профессор. Монти

Уорден. В пятницу вечером я приезжал к вам по команде шерифа.

— Ну, конечно. — Курт отступил в сторону, пропуская копа в дом. Постепенно он начал приходить в себя. — Детектив — сержант Уорден, так?

Уорден, понял он, заехал к нему сразу после утренней службы в церкви. В темно-синем костюме в серую полоску, в тщательно подобранном, вероятно, женой, галстуке. Высокий, шесть футов и два дюйма, на четыре дюйма выше Курта, с кулаками-кувалдами, могучей шеей борца. А серые глаза светились грустью и пониманием, при этом все видели и ничего не упускали. Такими глазами смотрели на жизнь солдаты, участвовавшие не в одном сражении. Коп прошел в гостиную.

— Присядьте, сержант. Вчера я выпил слишком много вина и прошлой ночью…

— Да, красное вино может ударить в голову…

Значит, эти наблюдательные глаза заметили бутылку, оставленную Паулой на кофейном столике в пятницу.

— Чай, кофе…

— Если можно, чай.

Устроившись на кушетке, Уорден вытащил из кармана и протянул Курту конверт из плотной

бумаги.

— Ее предсмертная записка. Экспертам она больше не нужна.

Курт унес конверт на кухню, налил в чайник воды, поставил его на плиту, затем развернул записку. В пятницу ему записку не дали. Он отметил, что рука Паулы, в которой она держала ручку, не дрожала.

«Курт, дорогой! Это традиционная записка, с привкусом грусти, приличествующим подобным ситуациям. Пожалуйста, пойми, я делаю это из-за непереносимого для меня лично, вне связи с нашей супружеской жизнью. Я бы хотела обставить все по высшему разряду, как достопочтенный консул Византии, под непринужденный разговор, чтение стихов, но времени нет, ибо я не хочу, чтобы меня вернули с полпути. Это было бы отвратительно. Мы счастливо прожили все эти годы, дорогой, так что постарайся забыть о финале. Паула».

«Из-за непереносимого для меня лично». О чем это? Что такого открыла она в себе за несколько часов его отсутствия, чтобы принять непоправимое решение? Курт покачал головой, поставил на поднос чашки, сахарницу, кувшинчик со сливками, тарелочку с нарезанным лимоном, положил

ложки, салфетки и отнес его в гостиную.

— Вода закипит через несколько минут. — Теперь он уже мог соображать, но голова буквально раскалывалась. Он даже подумал, не сдобрить ли ему чай бренди. — Вы упомянули, что вашим экспертам записка больше не нужна. А что они с ней делали?

— На бумаге остаются отпечатки пальцев, вот мы и смотрели, в чьих руках она побывала. Записки и ручки касалась только ваша жена.

Курт вскинул глаза на копа.

— Вы ожидали найти еще чьи-то отпечатки пальцев? — В голосе слышалось легкое раздражение.

— Вы же сказали, что не видели записку. — Уорден пожал плечами. — Обычная проверка.

— А как насчет бритвы? — с сарказмом спросил Курт. — Почему бы не посмотреть, кто брался за нее, на случай, что я…

— Бритву залила кровь.

— Вы же не думали, что…

— Повторяю, это стандартная обязательная процедура, профессор. — Уорден изучающе смотрел на него. — Самоубийство есть преступление против личности, поэтому случившееся подпадает под юрисдикцию криминального отдела.

Расследование ведет подразделение бюро детективов, занимающееся убийствами. Поскольку в пятницу дежурил я, дело это мне и передали.

Свисток чайника заставил Курта вскочить. На кухне он ополоснул чайник, насыпал заварки, залил ее кипятком. Руки его дрожали: Уорден бередил еще кровоточащую рану, и Курт не понимал, чем это вызвано. Вместе с чаем он принес в гостиную и бутылку бренди.

— Добавить вам бренди, сержант?

Уорден покачал головой. Глаза его не отрывались от Курта, и тот остановился, скрутив пробку лишь наполовину. Черт с тобой, Уорден. Я тоже обойдусь без бренди. Внезапно новая мысль пронзила его, заставив похолодеть.

— Сержант, Паула сама покончила с собой?

Уорден пригубил чай.

— Хороший чай. Крепкий. Да, это самоубийство. Я проработал в бюро детективов десять лет, профессор, и знаю, что женщины обычно предпочитают таблетки. Но ваша жена выбрала бритву… Почему?

— Почему… Потому что… В записке все сказано. Она не хотела, чтобы ее вернули… с полпути…

Курт замолчал. Рука с чашкой дрожала. Лицо превратилось в каменную маску. Полицейские

знают, как надавить на преступников, не потому ли преступники часто сознаются при допросе? Но он не преступник. Паула покончила с собой. Так чего же надо этому Уордену?

— Хорошо, — кивнул детектив, — с бритвой все ясно. Но вот насчет какого-то консула…

Курт не замедлил с ответом, который уводил его от горьких мыслей.

— Консул Византии. Отец Паулы преподавал классическую историю. Она ссылается на «Анналы» Тацита. В одной из книг, не помню какой, упомянут Кай Петроний, консул Византии и мастер развлечений императора Нерона. Когда Петроний впал в немилость, он решил покончить с собой. Сознательно лишь надрезал вены и медленно истекал кровью, беседуя с друзьями, выпивая, закусывая, слушая стихи, пока не умер. Паула… наверное, она полагала, что именно так должен уходить из жизни цивилизованный человек, если уж решился на это.

— Понятно.

— Серые глаза Уордена по-прежнему изучали Курта. — И вот что еще, профессор. Ваша жена не испытывала ни малейших сомнений. Обычно самоубийцы делают не один надрез, прежде чем им хватает духа перерезать вену. Ваша жена не

колебалась.

— Но я же говорил вам… у Паулы… была сильная воля.

— Да, да. Знаете, профессор, мы сделали вскрытие. — Курт вскочил.

— Вскрытие? Вы хотите сказать… Паулы? Но, черт побери, я же не давал разрешения…

— В случае насильственной смерти оно не требуется, профессор.

Курт хотел что-то сказать, но передумал. Какие-то интонации в голосе Уордена остудили его ярость. Детектив сознательно оглушил его сообщением о вскрытии, дабы увидеть его реакцию. И Курт сыграл по правилам Уордена, отдал ему инициативу, подсознательно надеясь на сочувствие детектива.

Что ж, более этого не будет. Паулы нет, устои его жизни рухнули. Но было время, когда Курту приходилось проявлять твердость, чтобы выжить. Может, он способен на такое и нынче. По крайней мере, не позволит этому копу-садисту играть на чувствах. Он сел, вновь наполнил чашки. Его порадовало, что заговорил он ровным, бесстрастным голосом.

— Понятно. И что показало вскрытие, сержант?

Уордену не понравился тон Курта. И он буквально выстрелил следующий вопрос:

— Как давно вы вступали в половые отношения с вашей женой?

— Как давно… — вскинулся Курт, не закончив фразы.

Его реакция Уордена порадовала.

— Перестаньте, профессор. — Коп разве что не подмигнул. — Это не такой уж сложный вопрос. Тем более, что все останется между нами.

— Не помню, сержант. Недели две тому назад.

— Так-так. Как насчет любовника? Был у вашей жены любовник?

Курт на мгновение зажмурился. Такого просто не могло быть. Не прошло и двух дней, как Паула умерла в луже крови, а этот садист… Он заставил себя открыть глаза.

— Муж, насколько я знаю, обо всем узнает последним, не так ли?

— Вроде бы, да. — Такого ответа Уорден, похоже, не ожидал.

— Вы ссорились с женой перед тем, как уйти в пятницу?

— Ссорились? Нет, может, чуть-чуть поцапались.

— Вы не били ее?

— Послушайте, сержант. — В Курте вновь закипела ярость. — Я бы попросил вас…

Но Уорден не дал ему договорить.

— У вашей жены три шатающихся зуба. Не считая того, что обломился при ударе о туалетный столик. Разбитая губа. Синяк на челюсти. Возможно, от удара кулаком. Синяк в нижней части живота, опять же от удара кулаком. В той же области внутреннее кровотечение. Синяки на предплечьях, груди, верхней части живота, внутренней поверхности бедер. Царапины на спине. Укус на правом плече.

— Но… — Курт ничего не понимал. — Но… она…

— Патологоанатом взял также влагалищные мазки и обнаружил слишком большое количество спермы. Вам это что-то говорит, профессор?

Речь детектива напомнила Курту его собственную лекцию об австралопитеке, вырытом из африканской почвы через многие тысячи лет после смерти. Но этот человек говорил о Пауле! Он увидел, как побелели костяшки его пальцев. Чашку он уже поставил на стол.

— Я наконец-то понял, что подразумевают под полицейской жестокостью, Уорден. Теперь вы обходитесь без резиновых дубинок, теперь у вас

более тонкие методы. Смерть Паулы потрясла меня. Я в смятении, не могу понять, почему такое случилось, а…

— Вы это переживете, — отмахнулся Уорден. — В пятницу вечером в вашем доме кто-то учинил групповое изнасилование. Я хочу знать, кто, и хочу знать, почему. С самоубийством вашей жены все ясно. Все улики говорят за то, что она покончила с собой без посторонней помощи. Почему, сказать не могу. Может, ей понравилось то, что они с ней делали. Но…

— Черт бы вас побрал, Уорден! — Курт вскочил. Рукав его зацепил блюдце, и чашка слетела на ковер. Уорден, с чашкой на коленях, даже не шевельнулся. Курта так и подмывало врезать здоровяку-детективу в челюсть, но ему удалось сдержать себя. — Я не собираюсь…

И тут его осенило. Паула, ее фото, имя и фамилия в газетах, ее визиты в полицию для просмотра фотографий. «Почему такая жестокость?» — спрашивала она. А я убеждал ее, что все могло произойти случайно. Похоже, Паула была права. Она столкнулась с жестокостью. Один на один, пока он…

— Если б вы чуть-чуть пораскинули мозгами, то и без меня поняли, кому перешла дорогу Пау-

ла, — ледяным голосом произнес он.

— Может, обратимся к фактам, профессор? — Оскорбления Уордена не трогали.

— В прошлую пятницу некоего Гарольда Рокуэлла избили на Брюэр-стрит в Лос-Фелисе. Он…

— Лос-Фелис — это не наш участок[5]. Там своя полиция. — Но он призадумался. — Паула была свидетельницей, единственной свидетельницей нападения. Совершили его четверо молодых парней. Вам это о чем-нибудь говорит, сержант?

Уорден кивнул.

— Да. Черт побери, мне следовало помнить об этом. Вы, разумеется, не знаете, кто ведет расследование в Лос-Фелисе, не так ли?

— А не пойти ли вам к черту, сержант? — Внезапно Курт почувствовал безмерную усталость. Поднимаясь по ступеням, он услышал, как за спиной хлопнула входная дверь. Курт успел повернуться, чтобы увидеть в окно торопливо сбегающего с крыльца высокого, широкоплечего детектива. Монти Уорден, подумал Курт, не похож на детективов, которых показывают в телесериалах. Выражение сочувствия он посчитал

---

[5] Примечания: 5

В США в основу структуры полиции положен территориальный принцип. Юрисдикция полицейского подразделения ограничивается территорией, на которой оно действует.

за слабость.

В этом-то и причина непонимания, подумал Курт. Он-то полагал, что потеря жены оградит его от вопросов. И пришел в ярость, когда Уорден отказался говорить на пониженных тонах, бормотать соболезнования. Уорден был копом, и лишь выполнял свою работу. И, по ощущениям Курта, довольно хорошим копом пусть и не лишенным человеческих недостатков.

Так что выбранный им и его соседями шериф, похоже, не ошибся, наняв Уордена в полицейские[6].

Глава 7

— Благодарю вас, сэр, — весело воскликнула Дебби Марсден.

Она скользнула в «триумф», на мгновение позволив Рику полюбоваться своей ногой, и улыбнулась, когда он захлопнул дверцу. Как только он позвонил ей, она сразу же согласилась прокатиться с ним. Долго сердиться на таких, как Рик, просто невозможно.

---

[6] Примечания: 6

Должность шерифа выборная. Сотрудников нанимает он сам. И естественно, старается подобрать высококвалифицированных специалистов, чтобы остаться на следующий срок.

Он сел за руль.

— Куда желаете, благородная леди?

— На Эль-Камино, выпить газировки. Завтра вторник, и мне надо готовиться к занятиям.

— Как прикажете.

Ярко-красный «триумф» вырвался с подъездной дорожки у Форрест-Холла, здания, названного в честь седоволосой дамы, портрет которой украшал комнату отдыха.

— Я очень разозлилась на тебя, Рик, из-за прошлой пятницы.

— Извини, крошка. — Он изобразил на лице раскаяние. — Но я же еще по телефону объяснил тебе, что произошло. Я задержался у Хулио, он помогал мне с испанским, а по пути к Холстидам у моей машины спустило колесо. Я позвонил тебе, как только добрался до телефона..

— Мне ужасно не нравится этот Хулио, — ввернула Дебби.

Рик улыбнулся. Теперь-то бояться нечего. Паула Холстид не решится заявить на них, особенно после того угощения, которое он преподнес ей во второй раз. Черт, если б они встретились снова, один на один, он мог бы поспорить на последний доллар, что она позволила бы ему сделать то же самое, потому что эти стареющие кобылки толь-

ко и думают о том, как бы подлезть под молодого жеребца. Такого, как он. И все это знают.

Он искоса посмотрел на Дебби. Ее тоже можно уложить в постель, но после Паулы Холстид блюдо, как говорится, будет пресноватым. И тут импульсивно, даже удивив себя, он чуть наклонился к девушке и пожал ей руку. Старушка Дебби. Она выросла с той поры, как он последний раз приглашал ее на свидание.

— Привет, куколка, — проворковал он.

Удивилась и Дебби.

— Привет, привет, Рик Дин, — и радостно рассмеялась. Ветер развевал ее длинные волосы. Она ответила на рукопожатие. — Пожалуй, вместо газировки тебе придется угощать меня мороженым.

Они выехали на Эль-Камино, и две мили спустя Рик свернул к маленькому кафе.

Когда они устроились в кабинке, Дебби вернулась к прошлой пятнице.

— Я вся дрожала от страха, сидя в темноте и дожидаясь твоего звонка. А потом мимо проехал мальчик, который раньше привозил нам газеты…

Рик чуть не спросил, не говорит ли она про того мальчишку на велосипеде, но сдержался, чтобы

не выдать себя.

— Привозил газеты?

— Он подъехал прямо к будке, словно хотел позвонить. — Глядя на Рика, она почувствовала, как учащенно забилось сердце. Все-таки она неравнодушна к этому красавчику. Ее родители переехали в Сан-Леандро, на другой стороне Залива, лишь после ее выпускного вечера, чтобы ей не пришлось менять школу перед поступлением в институт. — Мимо как раз проезжала машина, и я отчетливо разглядела его. А после того, как я услышала о том, что случилось позже…

Если б только Дебби знала, что случилось позже! Да и чего им волноваться из-за этого засранца-велосипедиста, если Паула Холстид не заявит на них в полицию. Рик пребывал в столь радужном настроении, что даже подмигнул официантке, двадцатипятилетней старухе, когда та принесла их заказы. Рику — чизбургер и шоколадный молочный коктейль, Дебби — «Райское наслаждением — три вида мороженого с орешками, вареньем и шоколадом.

— Будете еще что-нибудь заказывать? — Официантка приготовила карандаш и блокнотик. Рик заметил, что блондинка она крашеная.

— Пока все, мадам, — вежливо ответил он.

Она выписала чек, положила на столик. А поворачиваясь, оказавшись спиной к Дебби, подмигнула Рику.

От этого настроение его улучшилось. Он впился зубами в чизбургер.

— А что случилось потом, Дебби?

— Об этом только и говорят в кампусе. Все-таки профессор Холстад преподает в университете. Газеты-то уделили этому не больше абзаца…

У Рика захолодело внутри. Он положил недоеденный чизбургер на тарелку, не замечая соуса, вытекшего на пальцы.

— Что… что случилось с профессором?

Дебби нравилось сообщать новости.

— О, с ним-то ничего. Если что и случилось, так с миссис Холстид. — Рик даже перестал жевать, опасаясь, что лопнет кожа на висках. — Она покончила с собой. В пятницу вечером. Вскоре после того, как я ушла… — Она не договорила. — Рик, что с тобой? Тебе нехорошо? Что…

Рик с силой сжал зубы в отчаянном усилии подавить приступ тошноты. Покончила с собой? Но она… второй раз ей так понравилось… она не могла… не могла…

— Что с тобой, Рики? — в голосе Дебби звучала тревога. — Рик, ты так побледнел! Что у тебя…

— Я… э… у меня внезапно потемнело в глазах. Я…

— Готова спорить, ты заболеваешь гриппом, дорогой. — «Дорогой» вырвалось у нее автоматически. Рик казался таким ранимым, таким беззащитным, что у нее защемило сердце. — Тебе надо немедленно ехать домой и ложиться в постель.

Словно во сне, Рик заплатил кассирше и отвел Дебби к «триумфу». Она просто не могла этого сделать! Может, профессор вернулся, она все ему рассказала и… Может, он убил ее, а потом обставил все как самоубийство.

И вот тут, после того, как он усадил Дебби в мощный спортивный автомобиль и уже обходил его, чтобы сесть за руль, перед его мысленным взором возникло лицо Паулы: высокие скулы, разбитые губы, глаза, ярко-синие, наполненные презрением к себе. Не к Рику. В нем она видела лишь безликий объект, ставший причиной ее деградации.

Нет. Он отогнал от себя этот образ. Он лично, Рик Дин, возбудил ее. Ей это понравилось, еще как понравилось. Она покончила с собой по другой причине. У нее был рак. А может, какая еще неизлечимая болезнь.

Он заставил себя двинуться дальше, плюхнулся на водительское сиденье, отвез Дебби домой. Не поцеловал на прощание. Даже не заметил, что она этого ждала. А дома, улегшись в кровать, Рик долгие часы ворочался без сна. Потом внезапно сел, словно его ткнули шилом.

Разносчик газет! Он их видел, видел их машину, видел Рика! А если полиция выяснит, что Паула была с мужчиной, — о том, что они ее изнасиловали, он уже не думал, — начнет розыски, выйдет на этого парня…

Тревожась из-за него, Рик как-то забыл о Дебби, которая также лежала без сна в нескольких милях к югу. Лежала и думала о причинах внезапного недомогания Рика, случившегося после того, как она сообщила ему довольно прозаические новости о самоубийстве миссис Холстид. Не может же его болезнь иметь отношение к ее смерти. В конце концов, Рик виделся с этой женщиной лишь однажды, когда помял крыло ее машины на автостоянке у бара на Эль-Камино. Или их встреча произошла при иных обстоятельствах?

КУРТ

Вторник, 13 мая — вторник 17 июня

Глава 8

Курт взглянул на часы, когда в его кабинете в научном корпусе зазвонил телефон. Половина пятого. Он поколебался, брать ли трубку или прикинуться, что он уже ушел. Дорис Ривз, секретарь кафедры антропологии, обладала удивительной способностью отлавливать его в самую последнюю минуту, в конце рабочего дня, чтобы потом он два часа отдувался за заболевшего коллегу. Но чувство долга, как обычно, взяло верх.

— Холстид слушает.

— Добрый день, профессор, это Монти Уорден. Хочу спросить, не могли ли вы подъехать в управление шерифа. Нам необходимо поговорить и лучше не по телефону.

Неужели они нашли насильников? С той ночи, когда она умерла, прошло уже восемнадцать дней. Он чувствовал, что весь дрожит: сказывалось недосыпание. Он трижды в неделю ходил в

спортзал. Эти проклятые кошмары…

Но не стоит показывать Уордену, с каким нетерпением он ждет новостей.

— Нельзя ли отложить нашу встречу до завтра, сержант?

— Конечно, конечно. Нет проблем. Жду вас в три часа дня в управлении шерифа округа. Джефферсон-стрит, дом пятьсот девять. Меня найдете вы в бюро детективов.

Пять минут спустя Курт уже шагал по бетонной дорожке к «фольксвагену», дожидающемуся его на факультетской автостоянке. До экзаменов меньше месяца, а потом целое лето. До смерти Паулы он с нетерпением ждал его, теперь — страшился. Чем он заполнит бесконечные часы?

Над университетом повисли облака, серые, как его настроение, а на западе, над Береговым хребтом, небо уже почернело. Чувствовалось, что дело шло к дождю. Порыв ветра растрепал его волосы, откинул лацкан пиджака. По Университетскому проспекту он въехал в Лос-Фелис, припарковался у счетчика, бросил в него положенное число монет, поднялся в «Спортивный зал Флойда Престона», на втором этаже здания, над отделением «Вестерн юнион». В первый раз он пришел во вторник, на четвертый день после самоубийства

Паулы, потому что с воскресенья, поговорив с Уорденом, не мог уснуть. Где-то он прочитал, что поднятие тяжестей отнимает столько сил, что после часа-другого занятий засыпаешь мгновенно, какие бы тебя ни обуревали проблемы. Конечно, сон у него так и не наладился, но зато удалось сбросить липший вес.

Зал этот когда-то занимала танцевальная студия. Высокий потолок, паркетный пол. Правая стена представляла собой череду окон, начинавшихся с уровня груди и уходящих под потолок. На остальных стенах с промежутком в несколько футов висели зеркала в рост человека. У левой стены между зеркал расположились тренажеры со штангами. У правой, между окнами — тренажеры с гантелями и гирями. Различные тренажеры стояли и в центре зала. А по краям высились два помоста, на которых лежали штанги олимпийского стандарта.

Курт прошел в раздевалку, не поздоровавшись ни с одним из десятка занимающихся в зале. Престона он не заметил, но увидел, что верхняя половина двери в его кабинет распахнут, так что владелец зала мог контролировать ход занятий, не поднимаясь со стула.

Курт достал из шкафчика тренировочный

костюм, разделся, встал на весы. Двести девять фунтов. На тринадцать меньше, чем было, удовлетворенно отметил он. Вздохнул, надевая тренировочный костюм. Он бы совсем иначе строил свою жизнь, если б знал, что Паула… что Паула так внезапно уйдет от него.

Курт скрупулезно следовал указаниям Престона. Сначала приседания, без тяжестей и с ними. Потом упражнения для пресса с гантелями. К середине второй серии упражнений он уже вспотел. К концу третьей покраснел и тяжело дышал.

— В прошлом вы, похоже, хорошо знали возможности своего тела, Холстид.

Курт вздрогнул: Флойд Престон подошел к нему бесшумно, словно кошка. Он напоминал кошку и во многом другом: гибкий, грациозный, не поражающий могучими мышцами, но невероятно сильный. Лицом, широким, угловатым, с квадратным подбородком, он сошел бы за индейца, если бы не светлые, уже поредевшие волосы и ледяные голубые глаза. В тридцать пять лет двигался он с легкостью атлета-подростка.

Курт вытер лоб тыльной стороной ладони.

— По крайней мере, я выгоняю из себя лишний жир.

— Обычно только участники соревнований

по бодибилдингу, готовящиеся к выступлениям, тренируются столь же интенсивно, как вы в последние две недели.

— Я… недавно потерял жену, поэтому… у меня проблемы со сном…

Он замолчал, жалея об уже сказанном. Зачем лишний раз выслушивать соболезнования? С Престоном ему хотелось говорить только о тренажерах, гантелях, штангах.

Но владелец зала удивил его: соболезнований не последовало.

— Должно быть, вам пришлось кардинально менять образ жизни. — Голос у него был глубокий, приятного тембра.

После занятий Курт снял тренировочный костюм, снова взвесился. Трех фунтов как не бывало, в основном, разумеется, воды, вышедшей с потом. Выехав на Эль-Камино, в поисках закусочной, где бы он мог поужинать, Курт задумался о том, что завтра услышит от Уордена. Ему сообщат приметы насильников? Может, даже фамилии? Его охватила ярость. Он хотел, чтобы их осудили, заперли в темнице, а ключ выкинули. Только так общество, вырастившее таких хищников, могло хоть как-то реабилитировать себя перед Паулой и Гарольдом Рокуэллом.

Курт припарковался на извилистой Джеффер-сон-стрит и под ярким майским солнцем зашагал к недавно построенному комплексу административных зданий округа. Управление шерифа располагалось в розовом трехэтажном доме рядом с окружным судом. Курт вошел в холл, увидел указатель, предлагающий пройти налево. Попал в комнату, где за деревянной конторкой стоял рыжеволосый здоровяк в светло-синей рубашке с эмблемой управления шерифа на плече. В правой руке он держал портативный радиоприемник-передатчик, казавшийся совсем крохотным в его огромном кулаке. Выслушав вопрос Курта, он указал на потолок.

— Третий этаж. Криминальный отдел.

Курт поблагодарил его и вошел в лифт. Кабина поднималась величественно, неторопливо. На третьем этаже, выйдя из лифта, он оказался перед столиком, за которым сидела тридцатилетняя, полная, сильно накрашенная блондинка.

— Чем я могу вам помочь, сэр?

— У меня назначена встреча с детективом — сержантом Уорденом.

— Разумеется, сэр. Вы не могли бы подождать, сэр?

С визитной карточкой Курта она скрылась за

дверью прямо за ее столиком. Аккуратно закрыла ее за собой. На матовом стекле чернела надпись: «БЮРО ДЕТЕКТИВОВ».

Секунд через тридцать она вернулась.

— Проходите, мистер Холстид. — По замыслу проектировщиков, помещение, предоставленное детективам, предназначалось исключительно для работы. У дальней стены находились три кабинки для допросов. Свет падал из окон в правой стене. Левая выглядела абсолютно голой, словно череп, лишенный волос. Рядом с дверью, через которую вошел Холстид, находилась другая, с надписью на стеклянной панели: «ЛЕЙТЕНАНТ ДОРСИ». За ней Курт увидел грузного мужчину, который жевал потухшую сигару и что-то сосредоточенно писал, склонившись над обшарпанным столом.

Посередине комнаты в два ряда стояли двенадцать серых металлических столов, разделенных трехфутовым проходом. Каждый стол украшал телефонный аппарат, к столу примыкала тумбочка для пишущей машинки. Самих машинок Холстид насчитал четыре. Помимо телефона непременными атрибутами столов являлись две папки, соответственно, для входящих и исходящих документов, и табличка с фамилией и

званием хозяина стола. За пятью столами работали детективы.

— Сержант Уорден…

— Благодарю вас, мадам, я его вижу.

Уорден занимал четвертый стол в левом ряду. Он поднялся, как только Курт направился к нему. На столе, помимо обязательного набора, стояла фотография усталой женщины и двух мальчишек. Мужчины обменялись рукопожатием, сели.

— Спасибо, что зашли, профессор.

— Я очень признателен вам за то, что вы меня не забываете.

Что-то в этом банальном обмене фразами напоминало уколы рапирами.

— Вы похудели, профессор. Плохо спите, не так ли?

— Я начал ходить в городской спортивный зал, — ответил Курт.

— Да, физические упражнения только на пользу. — Уорден похлопал себя по животу. Звук был такой, словно по дубу постучали бейсбольной битой. — Заглядываете, значит, к Флойду Престону? Крепкий парень этот Престон. Помнится, когда он открыл свой зал, лет десять или двенадцать тому назад, многие завсегдатаи баров пытались затеять с ним ссору. Те, кто все-таки

затеял, потом сожалели об этом, собирая по полу выбитые зубы.

Впервые Курт слышал столь длинный монолог Уордена и даже подумал, что детектив просто не решается перейти к делу.

— Понятно, — кивнул он. — Мне бы хотелось знать, как продвигается расследование.

— Да, конечно. — Уорден уставился в стол, потом поднял глаза на Курта. — Я связался с городской полицией. Насчет нападения на Рокуэлла. Ваша жена действительно была единственной свидетельницей. Хорошего мало. Рокуэлл останется слепым на всю жизнь. Он видел парней, которые набросились на него, но раньше никогда их не встречал. Да и теперь уже не узнает.

— Он хоть сказал, почему они напали на него?

— Нет. Он лишь показал, что нападали подростки. Все продолжалось минуту, может, две. — Он сверился с лежащими перед ним бумагами. — Темно-зеленый «шеви». Пикап. Старая модель… это из показаний вашей жены копам Лос-Фелиса. Рокуэлл не смог сказать и этого. Больше у нас ничего нет. А вот с расследованием изнасилования вашей жены нам повезло больше. Некая миссис Андерсон позвонила нам, беспокоясь за своего сына. Он укатил на озеро Сирс на велосипеде, а

по дороге домой, неподалеку от поля для гольфа, его напугали четверо парней.

— И произошло это в ту пятницу, когда…

— Да. Примерно в восемь часов. Его мать твердила, что с ее мальчиком хотели совершить развратные действия, поэтому мы переговорили с ним. В основном он все выдумал, чтобы его не отлупцевали за позднее возвращение. Но он действительно видел, как четверо парней вылезали из машины к северу от поля для гольфа, на дороге, уходящей от…

— Я знаю это место, — кивнул Курт.

— Земля там покрыта опавшими листьями, снять следы протектора невозможно, тем более доказать, что машина заезжала туда именно в пятницу. Самое интересное, что в кабине горела лампочка, и мальчишка утверждает, что это был «шеви»-пикап выпуска пятьдесят шестого или пятьдесят седьмого года. Он в этом уверен. Разумеется, никаких примет этих парней, просто большие парни, но для десятилетнего большими являются все, старше четырнадцати. Один вроде бы толстый, второй — невысокий. Более ничего.

Курт насупился.

— Они приехали, когда стемнело, потом пересекли поле для гольфа и вышли на нашу

подъездную дорожку…

— Совершенно верно. Прошли по траве. Опять же никаких четких отпечатков, лишь место, где прошли несколько человек, возможно, четверо. — Уорден наклонился вперед, посмотрел на свои огромные кулаки. — В одном нам повезло. Совершенно случайно я попросил экспертов поискать отпечатки пальцев в библиотеке, где, как мы предполагаем, все и произошло. И они нашли отпечатки трех пальцев и половины ладони, принадлежащих одной руке. На стене над диваном, об которую он мог опереться, когда…

Курт с шумом выдохнул.

— Похоже, вы немалого добились, сержант. И что теперь намерены делать дальше?

Уорден поерзал на стуле. Начал вертеть в руках шариковую ручку. Когда же пауза слишком затянулась, вновь посмотрел на Курта.

— Более ничего. — И добавил, увидев, как потемнели глаза Курта: — Нет, мы не закрываем дело. Но расследование считаем законченным.

— Но вы же не можете… просто поставить точку!

На него обернулись, но лишь на секунду. В бюро детективов привыкли к крикам.

— Неужели вы думаете, что мне этого хочет-

ся? — Уорден пристально смотрел на него. — Я делю людей на две категории: черви и человеческие существа. Нарушающие закон и законопослушные. Эти четверо мерзавцев — черви. Я хотел бы провести с каждым из них пять минут в темном переулке. После этого они бы и близко не подошли к женщине. Если же я их арестую, профессор, мне не удастся посадить их в камеру.

— Что вы такое говорите? — взвился Курт. — Почему не удастся? Они же напали на человека и ослепили его. Моя жена их видела, поэтому они ворвались в мой дом и... — Он осекся, слишком ярко представив себе, что произошло потом. — ...И привело это к тому, что моя жена покончила с собой. И после этого вы утверждаете, что не сможете посадить их в камеру, даже если и арестуете.

— Хорошо, вернемся к нападению на Рокуэлла, профессор. Этот парень слеп. Как он сможет опознать их в суде? По системе Брайля?

— Но...

— Помните, что защиту будет представлять ушлый адвокат. Голоса? Да кого сумели осудить, ссылаясь в качестве улики на голоса, разве что эту французскую дамочку, Жанну д'Арк.

— Но моя жена при этом присутствовала.

Она… — Курт смолк.

— Да. Она мертва. Парнишка на велосипеде? Прекрасный свидетель. Он видел четырех больших парней, выходящих из машины. Да, у нас есть отпечатки пальцев. Вещественная улика. Если их оставил кто-то один из этой банды, если мы все-таки поймаем его, заставим сознаться и назвать остальных, какую это принесет нам пользу? — Он пренебрежительно фыркнул. — Допустим, О-пи[7] доведет дело до суда, предъявив им обвинения в нападении и изнасиловании, и что потом, учитывая, что в нашем штате эти преступления не караются смертной казнью? Это же подростки. После того, как выскажутся все судебные психоаналитики, журналисты и адвокаты, О-пи очень повезет, если эти поганцы получат год условно и будут отпущены на поруки родителей. — Джордан раздраженно отбросил ручки. — Подростки, черт побери!

Курт медленно поднялся. Голова разламывалась, живот подвело.

— Вы хотите сказать, что их едва ли будут судить, если поймают, а если их дело все же попадет в суд, им удастся избежать наказания?

---

[7] Примечания: 7
Окружной прокурор.

Уорден развел громадными ручищами.

— Я солгу, если скажу что-то иное. — Он встал и протянул руку. — Не сердитесь на меня, профессор. Такова жизнь.

Курт посмотрел на руку, потом в глаза Уордена. Пожимать руку он не стал, повернулся и направился к двери. За его спиной Уорден покачал головой, вздохнул и уселся за стол, глубоко задумавшись.

Глава 9

Опять они смотрят эту глупую викторину, подумал Рик. Вопли ведущего и крики зрителей, рвущиеся из телевизора, долетали и до его комнаты. Как можно заниматься в такой обстановке? Он покачал головой. До экзаменов-то три недели. И он должен их сдать, чтобы не загреметь в армию. Даже его отец, служивший в ВВС во время второй мировой войны, говорил, что армейская служба — потеря времени.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ:

1. Основные положения программы немецких либералов 1884 года. Разглядел ли их этот велосипедист? Сможет ли опознать?

2. Какой христианский философ написал «De Consolatione philosophiae»?

В газетных заметках относительно самоубийства Паулы о мальчишке не упоминалось. Означает ли это, что полиция его не нашла?

3. Назовите название книги об истории Англии, написанной преподобным…

Рик захлопнул учебник. Если мальчишка раньше не обратился в полицию, чего ему идти туда сейчас? Может, полиция даже не знает о том, что она трахалась перед тем, как покончить с собой. Может…

Ну почему она это сделала?

Мрачные мысли копошились у него в голове, словно крысы в подвале, но Рик быстро отогнал их прочь. Ее уже нет, и единственная, грозящая им опасность — этот мальчишка. Если его как следует запугать, если он не решится опознать их, тогда им не о чем беспокоиться. Но как его напугать?

Рик забарабанил пальцами по столу. Лучше всего позвонить по телефону. Тогда он их не увидит, а потому не опознает. Разговор по телефону… с угрозами… а не позвонить ли его мамаше… Так будет лучше. Рик хорошо знал, какой заботливой становится мать, если внушить ей, что ее ребенку

грозит опасность.

Он быстро спустился вниз, прошел к телефону в холле. К счастью, его сестер не было дома, а родители уткнулись в телевизор. Они бы учинили скандал, увидев, что он не занимается. Его мать жутко боялась, что он провалит экзамены и загремит в армию.

Отец Толстяка Гандера, работавший на сталеплавильном заводе, перебрался в Калифорнию из Огайо сразу после войны и задешево купил акр земли неподалеку от Миддлфилд-роуд. Гараж он построил достаточно далеко от бунгало, с тем, чтобы при необходимости ремонтировать автомобили. Но после смерти жены свой досуг он стал посвящать исключительно рыбалке. Так что гараж, отделенный от дома полосой заросшей не пойми чем земли, перешел во владения Толстяка. Там он действительно ремонтировал свои «шеви», «рамблер» и «додж» отца. В гараж провел телефон, а окна закрасил черным, чтобы компания могла пить пиво, не опасаясь, что кто-то их увидит.

Субботним утром все четверо собрались в гараже.

— Я же говорил, что нам следует уехать, раз он нас видел, — нервно бросил Толстяк. Его круглую

физиономию перекосило от страха.

— Откуда мы могли знать, что она покончит с собой? — бросил Рик, лидер, призванный показать им, что уж его-то самоубийство не испугало. — Но теперь нам надо позаботиться о том, чтобы сопляк держал язык за зубами.

— Сначала мы должны его найти, — озабоченно ввернул Чемп. Он сидел на стуле, опершись локтями о верстак.

— Он — разносчик газет, — вмешался Хулио, — значит, каждое утро ездит по одному и тому же маршруту. И нам уже известен один дом, мимо которого он проезжает. Я возьму зеленый «рамблер» и выясню, как его зовут и где он живет.

— Мою машину? — вскинулся Толстяк. — Послушайте, парни… — Тут он громко рыгнул, вызвав смех Хулио.

Рик, однако, нахмурился.

— Заткнись, Толстяк. Две машины только у тебя.

Из гаража Рик ушел вместе с Хулио.

— Почему ты вызвался на это дело? У тебя же через две недели экзамены.

— Чемп слишком глуп, а Толстяк трусоват, — Он помолчал. Но вот его глаза заблестели. — Я хочу тебе сказать, Рик, следующее. Мы волнуемся

из-за мальчишки, которому, скорее всего, ничего о нас не известно, а вот Дебби знает, что мы собирались к Холстиду в тот вечер.

Рика захлестнула злость. Что этот недоносок себе позволяет? Тут Рик вспомнил, что Хулио не слишком усердствовал в избиении того чертова педика. А вот лечь на Паулу — дважды упрашивать его не пришлось.

— Дебби сюда не впутывай, Хулио! Говорю тебе, она не знает, что мы там были. Она думает, что у меня спустило колесо по пути от твоего дома и…

— А если она услышит, что женщину изнасиловали?

— Что ты несешь! — Рик нервно огляделся. Две женщины мыли автомобиль на подъездной дорожке на другой стороне улицы. Футах в тридцати от них старик-негр садился в пикап. — От кого она это услышит? Или ты думаешь, что этот профессор разнесет все по университету?.. Дебби верит всему, что я ей говорю.

Хулио пожал плечами.

— Хорошо, Рик. Пока Дебби — твоя забота. Но если она станет опасной, то для нас всех.

Хулио Эскобар припарковался на Эджвуд-драйв, неподалеку от дома, где жил мальчишка, так, чтобы видеть входную дверь. Район этот за-

нимал склон холма, а по названиям извилистых улиц — Сосновая, Платановая, Эвкалиптовая — желающий без труда определил бы, какие деревья растут в округе. Дома отстояли довольно далеко от дороги, лужайки поливали и регулярно выкашивали, тут и там их украшали цветочные клумбы. Уже в среду Хулио знал, в каком доме живет мальчишка, но попытки выяснить фамилию его матери не удались. Впрочем, он узнал, что сына она воспитывает одна. Это обстоятельство играло им на руку. Одинокая женщина, без мужчины, который мог защитить ее саму и ее сына.

Хулио посмотрел в зеркало заднего вида, пригнулся пониже. Найти и выследить мальчишку оказалось куда проще. В три дня он добрался до нужного ему дома. Но дальше дело застопорилось. Потому-то он приехал воскресным утром, надеясь, что женщина уйдет с сыном в церковь. Если нет, придется придумать что-нибудь еще.

Покончив с собой, Паула Холстид причинила ему немало хлопот, но его радовало, что она поступила именно так. Они попользовались ею как шлюхой, а самоубийством она вернула поруганную честь. Его отец много говорил о чести, ей он придавал немалое значение, хотя еды в животе от нее не прибавлялось.

Ей было тридцать шесть. Лишь на год меньше, чем матери Хулио. Что бы сделал он, Хулио, если бы кто-либо обошелся с его матерью так, как они — с Паулой Холстид? Нож автоматически открылся в его руке. Он постучал лезвием по рулевой колонке «рамблера». Хулио бы отомстил. Не то что этот профессор, муж Паулы. Тот в трудную минуту небось спрячется в темный угол, словно кролик.

Нет, Хулио не такой, как профессор. Нож, если знаешь, как им пользоваться, позволял быстро свести счеты с недругом. А уж пользоваться ножом Хулио умел. Дверь открылась, из нее вышел мальчик в костюме, поднял дверь гаража. Тут же из гаража выкатился белый «форд фэалайн», за рулем которого была женщина. Мальчик сел в кабину, «форд» уехал. Хулио выскользнул из «рамблера», с гулко бьющимся сердцем направился к дому. Внезапно его охватил страх. Вдруг ему откроют дверь? И этот человек запомнит его узкие плечи, крючковатый нос?

Он едва не повернул назад, но заставил себя подняться на крыльцо и нажать кнопку звонка. Внутри задребезжал звонок, но дверь не открылась. Он позвонил еще раз, чтобы доказать себе, что не боится привлечь внимание соседей. Он

надеялся, что кто-то заметит его, иначе…

— Эй, парень… — Мужчина вышел из гаража на другой стороне узкого переулка, с зеленым шлангом в руке.

— Э… — Хулио откашлялся. Он добился своего. Не это ли ему и требовалось. — Да, сэр?

Услышав «сэр», мужчина, похоже, успокоился. Не зря в школе внушали, что вежливость окупается сторицей.

— Ты ищешь мисс Андерсон?

Андерсон! Как все просто!

— Я… скорее, мистера Андерсона, сэр.

— Мистера уже года два как нет. — Мужчина добродушно улыбнулся. Круглолицый, в ветровке, белой футболке, джинсах, едва сходящихся на толстом животе, в черной бейсболке с оранжевыми буквами SF над козырьком. — Тут живут только Барбара и мальчик…

— Мне нужен… Френк Андерсон, сэр.

— Нет, ее мужа звали Чарли, пока они не развелись. Думаю, его и сейчас зовут Чарли, но он здесь больше не живет.

Хулио оставил его улыбаться своим же шуткам, а сам вернулся к «рамблеру». Развернулся, по узким улочкам выехал на Эль-Камино, добрался до ближайшего торгового центра. Как обычно,

в воскресное утро он пустовал. Хулио подъехал прямо к телефонным будкам. Пролистал телефонный справочник округа. Да, телефон Барбары Андерсон значился в справочнике. Хулио переписал номер, не доверяя памяти.

— Позволь мне позвонить ей, Рик, — взмолился Чемп. Пальцы его сжимались в кулаки и тут же разжимались.

— Будет справедливо, если мы бросим жребий, — запротестовал Хулио. Как и Рик, он опасался, что Чемп не сможет сказать то, что надо. В гараже Толстяка, где пахло маслом и бензином, они собрались во вторник вечером.

Толстяк потел. Рубашка прилипла к телу.

— Не понимаю, почему мы должны тащить карты, — заверещал он, наблюдая, как Рик тасует колоду. Затем, заметив выражение глаз Рика и Хулио, добавил: — Если Чемп хочет позвонить, пусть он…

— А ты трусишь. Бросим карты, как я и сказал. Звонит тот, кто вытащит меньшую.

— Я тащу первый, — вызвался Чемп.

Рик положил колоду на верстак, под свисающую с потолка лампу. Чемп вытащил карту.

— Черт, семерка. Не самая маленькая карта, так?

Рик молча перемешал колоду. Руки его вспотели. Он знал, что не хочет звонить. Не нравилось ему угрожать мальчишке. Даже если без этого не обойтись. И облегченно выдохнул, вытащив крестового валета. Повернулся к Толстяку.

— Теперь посмотрим, чем порадует нас наш плакса.

Толстяк вытащил десятку. И не пытался скрыть облегчения. Хулио выпала восьмерка.

— Ага! — воскликнул Чемп. — Значит, я выиграл, так?

— Чемп, может, будем тянуть из трех раз… или пяти, — В голосе Рика слышалось сомнение.

Лицо Чемпа сморщилось, как у ребенка, который вот-вот заплачет. На его шее вздулись жилы. Он посмотрел на Хулио, Рика, вновь на Хулио. Убеждать-то предстояло их. Толстяка только радовало, что звонить придется не ему.

— Я понимаю, вы думаете, что мне не хватит ума. Но я смогу это сделать. Я знаю, как. Я уже…

Он уже звонил дважды, оба раза Ненси Эллингтон. Ей было семнадцать и она ходила в особую школу для девочек-католичек. Черные волосы обрамляли ее круглое серьезное личико. Иногда она разговаривала с ним, когда он работал в саду в поместье ее родителей.

Как-то она не пошла в школу по поводу какого-то религиозного праздника, и утром, довольно-таки рано, проходя мимо окна ее спальни, он увидел девушку голой.

— Ты уже что, Чемп? — спросил Хулио.

— Я… э… ничего. Просто… я имею право позвонить…

В ту субботу он позвонил, обмотав микрофон носовым платком, как делали в кинофильмах, лишь для того, чтобы сказать, что он хотел бы с ней сделать, но она расплакалась. Он позвонил и на следующий день, но трубку взял старый мистер Эллингтон и сказал, что полиция обязательно засечет номер, с которого он звонит, чтобы наказать хулигана, и Чемп тут же положил трубку.

Рик вздохнул.

— Хорошо, Чемп, у тебя есть такое право. Мы позвоним прямо сейчас, раз отца Толстяка дома нет.

— От меня? — У Толстяка задрожал подбородок. — А если они вычислят номер и…

— Не вычислят. На станции электронное оборудование. Чтобы узнать, откуда мы звоним, надо заранее установить специальную аппаратуру.

Женщина сняла трубку после третьего звонка.

Потом даже Рик согласился, что к Чемпу претензий нет, более того, к концу двухминутного монолога Чемпа он весь вспотел. А от некоторых обещаний Чем-па, в случае, если мальчишка раззявит рот, ему просто стало нехорошо. Искоса глянув на Хулио, Рик увидел, что и того вот-вот вырвет.

А Толстяк, как только трубка легла на рычаг, едва не запрыгал от радости. Очень уж ему нравилось топтать ногами слабого.

— Что она сказала, Чемп? — не терпелось ему узнать. — Что она сказала, когда…

— Она все-таки расплакалась, — гордо ответил Чемп.

Глава 10

Курт вышел из-под контрастного душа с раскрасневшейся кожей, энергично растерся грубым полотенцем. Чувствовал он себя прекрасно, если брать в расчет только физическое состояние. Впервые за несколько лет он весил меньше двухсот фунтов, а зеркало показывало, что результаты тренировок наконец-то сказались и на его фигуре. Четверг, двенадцатое июля, только-только перевалило за полдень, и теплый летний воз-

дух наполнял шум транспорта, проникающий сквозь окна в раздевалку спортивного зала. Лето. Вот где таилась опасность. В воскресенье будут объявлены итоги учебного года, и что потом ему делать с чертовой прорвой времени? Даже надежда на арест этих насильников больше не поддерживала его.

Одевшись, он через спортивный зал направился к выходу. Престон как раз запирал двери кабинета. Когда он увидел Курта, лицо его осветила улыбка. За семь недель занятий Курта они успели перейти на ты и звали друг друга по именам.

— Эй, старина, как насчет сандвича и пива?

Курт помялся. Ему же надо чем-то заполнять время. А предлагался далеко не худший способ.

— Почему нет, Флойд? Можем поехать в моей машине.

Следуя указаниям Престона, он подъехал к «Свиной коже», маленькому бару-ресторану, рядом с Береговой автострадой. На автостоянке они нашли лишь одну машину.

— На ленч у Эла можно разжиться только сандвичем с салями, — пояснил Престон, открывая тяжелую входную дверь.

Курт постоял на пороге, пока его глаза при-

выкли к полумраку. Дверь вела в маленький зал с двенадцатью столиками под белоснежными скатертями, уже накрытыми к ужину. Через арку в правой стене они прошли в бар с длинной стойкой из красного винила и высокими стульями на хромированных ножках.

— Курт, я хочу познакомить тебя с Элом Феррано. Эл, это Курт Холстид.

Феррано, небольшого росточка, с ярко блестящими глазами на смуглом лице, с первого взгляда выглядел лет на сорок. И лишь присмотревшись, Курт понял, что ему никак не меньше пятидесяти, но он очень следит за своим весом и фигурой. Поверх рубашки и брюк Феррано носил белый фартук.

— Вы, должно быть, ходите в зал Флойда, — заметил Феррано после дружеских рукопожатий.

— Всего лишь несколько недель.

Феррано покачал головой, печально улыбнулся.

— Этот бар отнимает чертовски много времени. Я бываю в зале только два раза в неделю, так что делаю упражнения лишь для рук и плеч.

За разговором он открыл три бутылки ледяного пива, поставил их на стойку и занялся приготовлением сандвичей. Объем его бицепсов внушал

уважение.

— Поверите ли, мне впору выступать в соревнованиях по армреслингу. Среди моих клиентов большинство — строительные рабочие, и после нескольких бутылок пива их так и разбирает помериться силой. — Он всплеснул руками. — Так что мне остается? Если не примешь их вызов, они не будут считать тебя за человека и более сюда не придут. А если все время проигрывать им, они тоже здесь не задержатся. Поэтому я начал ходить в зал Флойда.

Вошли трое мужчин, кивнули Феррано, устроились у дальнего конца стойки. Феррано положил готовые сандвичи перед Куртом и Престоном.

— Теперь благодаря Флойду парни приходят сюда в надежде взять надо мной верх. Что выигрывая, что проигрывая, они заказывают как виски, так и пиво, в итоге торговля процветает. Прошу меня извинить. Пока он обслуживал трех мужчин, в баре появилась блондинка, потом еще двое мужчин. Кто-то включил музыкальный автомат. Курт жевал сандвич, пил пиво. Впервые после смерти Паулы он почувствовал, как оттаивает внутри. Престон спросил, что он преподает в университете, и только тут Курт понял: они практически ничего друг о друге не знают. Открытие

весьма удивило его, поскольку в последнее время спортивный зал стал основой его жизни.

— Антропологию, Флойд. В основном выпускникам. К сожалению. С первыми курсами работать интереснее. Они так и смотрят тебе в рот.

Престон вертел пустую бутылку. Чувствовалось, что его пальцы без труда превратят ее в коричневый порошок.

— А я даже не закончил среднюю школу. Учился в одиннадцатом классе, когда началась война и я записался в добровольцы. А после войны в школу уже не вернулся, — его лицо осветила улыбка. — Решил, что мозгами на жизнь мне не заработать и лучше положиться на руки. — Он соскользнул со стула. — Закажи еще пару пива, Курт. А мне надо облегчиться.

Курт поймал взгляд Феррано, попросил принести еще две бутылки пива, всмотрелся в свое отражение в зеркале. Феррано вот отметил, что он занимается бодибилдингом. А в зеркале ничего такого не видно. Может, его вывод основывался на том, что он приехал с Престоном? Скорее всего.

Его толкнули: кто-то сел рядом. Сколько лет прошло с тех пор, как он пил пиво в баре, основными посетителями которого были рабочие? Феррано

принес две бутылки. Дела у него шли неплохо, и это не было для него тайной. Оглянувшись, Курт увидел возвращающегося Престона. Настоящий атлет, в облегающей футболке, сшитых по фигуре брюках, живая реклама его спортивного зала.

Курт искоса глянул на мужчину, который толкнул его, усаживаясь на стул Престона.

— Ничего страшного. — Престон остановил Курта — тот уже хотел было хлопнуть мужчину по плечу. — Я могу и постоять. — Он протиснулся к стойке между Куртом и мужчиной и начал наливать в стакан пиво.

Мужчина резко обернулся.

— Эй, смотри, кого толкаешь, приятель.

Престон добродушно усмехнулся.

— Извините. Не знал, что вы купили бар у Эла.

И повернулся к Курту. Но мужчина положил тяжелую руку ему на плечо. Мужчина развернул Престона лицом к себе. Тот вроде бы и не возражал.

— Я же сказал, смотри, кого толкаешь. — Массивный, черноволосый мужчина, похоже, искал возможности выпустить пар. На стойке рядом с ним лежала пара кожаных рукавиц.

— Нарываетесь на неприятности? — любезно полюбопытствовал Престон.

— Надо еще посмотреть, кто нары…

Престон нанес удар.

Практически без замаха, но мужчина и стул отлетели назад и грохнулись об пол, прервав все разговоры. Мужчина, лежа на полу, тряхнул головой, пытаясь-прийти в себя. Все произошло как в кино. Не хватало лишь официантки с подносом сигарет.

А Престон шагнул к упавшему.

— Хочешь подраться, давай подеремся. Не хочешь, могу угостить тебя пивом.

Но Феррано уже суетился над ним, хлопая по плечу и успокаивая. Мужчина поднялся и, что-то бормоча, вместе со своим напарником пересел подальше от Престона и Курта.

Престон послал им пару пива, поднял стул, взгромоздился на него, повернулся к Курту.

— Если кто-то пристает к тебе, всегда бей первым, — прокомментировал он свои действия. — Если у него толстая шея и нет ни унции жира, будь осторожен. Если он не падает после первого удара — беги.

Курт в изумлении покачал головой.

— Такое случалось с тобой часто?

— Случалось, когда я только открыл спортивный зал. Многие тогда думали, что поднятие

тяжестей и бодибилдинг не более чем забава, и настоящему мужчине ни к чему. А у всех этих тяжелоатлетов мышцы так напряжены, что, кажется, подними они руку выше плеча и мышцы лопнут. — Он покачал головой, широко улыбнулся. — Наверное, и я придерживался того же мнения, пока сам не занялся этим. В армии, в Леонард-Вуд, штат Миссури. Нашу базу мы называли Маленькая Корея.

— Ты сейчас говоришь совсем как антрополог. — Курт рассмеялся, увидев отразившееся на лице Престона недоумение. — Насчет мужчин с толстыми шеями и без унции жира. Ты изучаешь человека, дабы по его внешности судить о его поведении. У антропологии точно такие же цели, только в более широком смысле.

На этом Курт хотел остановиться, но он выпил две бутылки пива, практически не поев после интенсивной тренировки, и плохо спал ночью, так что его понесло. От социальной антропологии, дисциплины, которую он преподавал в университете, перешел к личной жизни и рассказал о самоубийстве Паулы и событиях, ему предшествующих. Возможно, причиной послужила та легкость, с которой Престон осадил грубияна. Но Курт говорил, говорил, говорил…

И выговорился около трех часов дня, закончив фразой: «… и сержант Уорден утверждает, что нет возможности наказать их по закону, даже если полиция найдет тех, кто это сделал».

Престон как-то странно посмотрел на него.

— Да, знакомое противоречие. Тебе самому нужны одни доказательства, судьям и присяжным — совсем другие, — он помолчал. — По твоему тону можно подумать, что ты хотел бы сам отловить их.

— Я? — Курт искренне удивился. — Господи, нет, только не я, Флойд. Я понятия не имею, где их искать. Да и что с ними делать, если я их найду. Я… Наверно, еще не настолько их ненавижу.

— Да? А я-то подумал… — Престон не договорил, потянулся, соскочил со стула. — Мне пора в зал, Курт. Даже по четвергам кое-кто приходит к четырем часам.

Курт высадил Престона у спортивного зала, а сам поехал домой. От хорошего настроения не осталось и следа. Он чувствовал, что никому не нужен, ни на что не способен. А ведь он всегда гордился тем, что хорошо вписался в общественную жизнь Америки. В университете одобрял полезные перемены, способствовал использованию новых форм обучения. С пониманием относился

к участию студентов в борьбе за гражданские права, в антивоенной кампании. И ему казалось, что он держит руку на пульсе страны.

Однако в этот день он ощутил пропасть, разделяющую его и остальных посетителей бара. Почувствовал свою отстраненность. Словно его мысли, действия, реакция на то или иное событие отличались от общепринятых. Сколько его коллег высмеяли бы Флойда Престона за то, что он держал спортивный зал. И тем не менее в обыденных ситуациях тот действовал столь решительно, что ему хотелось подражать Престону. «Если кто-то пристает к тебе, всегда бей первым», — вспомнились слова Престона. Престон не находил ничего дурного, если Курт сам отомстит насильникам.

Курт прошел в библиотеку, где все и случилось. Уборщица каждый понедельник прибиралась там, но Курт зашел сюда впервые после того вечера. И вновь перед его мысленным взором возникли сползшее покрывало, сбитый ковер, перевернутый стул. По телу пробежала дрожь.

Паула… одна… некуда бежать… некого позвать на помощь…

Паулу все четырнадцать лет их совместной жизни он видел только с гордо поднятой головой, и вот теперь она унижена, растоптана, уничто-

жение…

Господи, ну почему он в тот вечер не вернулся пораньше?

Глава 11

Дебби шумно выдохнула и вырвалась из объятий Рика.

— Дорогой… пожалуйста. Не надо. Мне пора идти.

— Еще немного, — молил он. Его рука ласкала грудь Дебби через чашечку бюстгальтера.

— Нет, пожалуйста, Рик. Я просто… ты знаешь, я не…

Рик в притворном смирении убрал руку. Раскрасневшаяся Дебби быстро застегнула три пуговички блузки, с которыми уже справились его пальцы. Ее руки заметно дрожали. Рик понимающе улыбнулся и выскочил из «триумфа». Когда же Дебби оправила юбку, влез под брезентовый верх.

— Главное, чтоб ты на меня не сердилась.

Он обошел машину, открыл ей дверцу.

— Ты же знаешь, что я не сержусь, дорогой, — ответила Дебби.

И ее улыбка обещала ему в дальнейшем такое

наслаждение, что у Рика перехватило дыхание. Она вылезла из машины, позволив ему полюбоваться ее ногами. «Вот уж чем хорош «триумф», — подумал он. Тут тебе покажут все, что хочешь. Он обнял Дебби за талию, и вместе они зашагали к Форрест-Холл.

Он хотел подняться с ней и по ступеням, но Дебби утянула его в тень колонны.

— Так ты не забудешь меня до следующего раза, Рики?

Она подняла голову, губы их встретились, ее язычок на мгновение нырнул в его рот. Наконец она оторвалась от него, тяжело дыша.

— Значит, до завтра, Деб? — спросил Рик.

— Я должна провести уик-энд с родителями. Они еще не знают, что я записалась в летнюю школу. Занятия начнутся на следующей неделе, так что нам лучше подождать до пятницы.

— Значит, в пятницу, здесь, в восемь вечера, так?

— Хорошо, — Она чмокнула его в губы и, прежде чем он успел обнять ее, взлетела по ступенькам. Наверху остановилась, послала ему воздушный поцелуй и скрылась за дверью, придержав ее, чтобы она не хлопнула. В безопасности холла прислонилась к стене, чтобы перевести дух. Гос-

поди! Ноги не хотели держать ее!

Пятница. Она выторговала неделю, чтобы прийти в себя. Дебби подошла к двери, выглянула наружу. Рик садился в «триумф». Да, это лето она запомнит надолго. Разумеется, она не могла сказать родителям, что записалась в летнюю школу, потому что не хотела проводить все лето на другой стороне залива, в Сан-Леандро. Где не было Рики.

Дебби направилась к своей комнате. В общежитии остались лишь студентки старшего курса, в воскресенье оканчивающие университет. Занятия в летней школе начинались только в среду.

Она начала раздеваться. Ей пришлось выдержать нешуточную схватку с собой, чтобы не дать воли Рику: от его прикосновений она просто таяла. И все-таки хорошо, что она будет учиться. К занятиям она относилась серьезно и полагала, что ори не позволят ей совсем уж потерять голову. Она почти уступила ему прошлым июлем на озере Сирс, когда он снял с нее блузку и уже задрал бюстгальтер на шею. А в результате чуть не потеряла его. Он забыл о ней на долгих девять месяцев, пока не позвонил, чтобы узнать адрес профессора Холстида.

Забавно однако. Все началось с профессора Хол-

стида, а теперь жена его мертва, и он живет один в большом доме у поля для гольфа. На той вечеринке она хорошо запомнила Паулу: блондинка с превосходной, несмотря на возраст, фигурой. Дебби могла поспорить, что профессору очень ее не хватает. Даже Рики, который едва знал ее, так отреагировал на ее самоубийство.

Дебби замерла с платьем на голове. Паула Холстид и… Рики? Глупо, конечно, но… Вот и объяснение тому, что волновало ее в последние недели. Странная причина, которой он объяснил необходимость встречи наедине. Огорчение из-за ее смерти.

Он мог встретиться с ней в городе… или в баре. Дебби знала, что иногда он бывал в барах. Рик показывал ей фальшивое удостоверение личности, которое где-то добыл ему Толстяк Гандер.

Она сняла-таки платье, скинула бюстгальтер и трусики, облачилась в пижаму. Что, если… Дебби села на кровать, обхватила руками колени. Может, Паула покончила с собой потому что… Рик не приехал к ней в ту пятницу? В этом случае многое прояснялось.

Дебби нахмурилась. Неужели она борется за Рика с мертвой женщиной? Зрелой, многое знающей и умеющей женщиной, которая могла

вертеть неопытным Риком… как хотела?

Дебби понимала, что до ослепительной красавицы ей далеко, но она по праву гордилась своей фигурой и… жила. Уж кто-кто, а она могла затмить в глазах Рика образ той старухи.

Отъехав от общежития Дебби, Рик закурил, включил радио и вдавил в пол педаль газа. Ярко-красный автомобиль будто парил над асфальтом.

Ох уж эта Дебби! С чего он решил, что с ней он не получит удовольствия. Когда она сунула ему язык в рот, у колонны, он даже подумал, что кончит в джинсы. Осталось только найти способ забраться ей в трусики. Мотель? Едва ли она согласится. Во всяком случае, сейчас. Коттедж его родителей на берегу океана? Туда она может и поехать. Напрасно он бросил ее прошлым летом. Но тогда она еще не успела расцвести.

Она возбуждала его, эта Дебби. Не так, разумеется, как Паула Холстид, но…

Настроение у него упало. Он выехал на Эль-Камино. Ночью машин стало поменьше. В кабине гремела музыка. Паула Холстид. Он все еще помнил вторую «палку», она извивалась под ним, постанывала от удовольствия. Конечно, он не мог похвастаться богатым опытом по этой части, но с

молодыми девицами такого у него не было.

Черт побери, не его вина, что потом она покончила с собой. Но теперь, запугав до смерти мамашу того мальчишки на велосипеде, они в полной безопасности. Если б он только мог забыть случившееся с Паулой. Такого не могло быть. Просто не могло. Он бы встретился с ней в каком-нибудь баре, один на один… И Рик дал волю своему воображению..

Роскошный коктейль-холл с толстыми коврами и неярким светом, он замечает ее, посылает ей мартини, она подходит к нему, заводит разговор. Муж не удовлетворяет ее, признается она, и приглашает Рика в свой номер в мотеле. А там…

Рик ударил по тормозам, в протестующем визге шин «триумф» чуть ли не боком прополз сто футов по асфальту, едва не врезавшись в бампер идущей впереди машины. Рик выровнял автомобиль, перестроился в правый ряд. Чертов идиот, еле ползет в левом ряду! Его руки чуть дрожали. Чашечку кофе? Почему нет. Надо же прийти в себя. Впереди показалось маленькое кафе, в котором он узнал от Дебби о самоубийстве Паулы. Новость эта буквально потрясла его. Но с другой стороны, он не имеет к Пауле ни малейшего отношения. Даже не подозревал о ее существовании.

Так оно спокойнее.

Рик притормозил, свернул на автостоянку у кафе. Аварийная ситуация, которой ему удалось избежать в самый последний момент, начала забываться, уступая место мыслям о Дебби. С этими молодками просто беда: приходится играть по их правилам. А женщины постарше признают, что хотят этого не меньше, чем мужчины.

Женщины постарше.

Он всмотрелся в освещенное окно кафе. Женщины постарше вроде той официантки, что подмигнула ему в тот вечер. И почему он вспомнил об этом только сейчас. Но вот она подает гамбургер какому-то типу. Крашеная блондинка, двадцать пять лет, может, и все тридцать. Из тех, что дозволяют мужчинам все. Он глянул на себя в зеркало заднего вида, причесался. Дебби-то возбудила его, а потом… пожелала спокойной ночи. Может, эта крошка… а вдруг…

Глава 12

В пятницу Курт проснулся рано утром, в глубокой депрессии, словно в похмелье от выпитого прошлым днем пива. Но причину депрессии следовало искать в эмоциональной, а не физической

сфере, в той беспомощности, которую испытал он, стоя в комнате, где изнасиловали Паулу. Без занятий, без подготовки семинаров он просто не знал, куда себя деть. В два часа дня он еще сидел, тупо глядя в окно на зеленое поле для гольфа.

Четверо мужчин, на таком расстоянии совсем маленькие, этакие оловянные солдатики, катили тележки с клюшками. По этому полю в ту пятницу шли хищники, тоже четверо, укрытые темнотой. Ему вспомнился один из любимых латинских афоризмов Паулы: «Тот, кого вынуждают творить зло, никогда не ищет для этого повода». Те, кто напал в тот вечер на Паулу, искали повод.

Одна из миниатюрных фигурок взмахнула клюшкой. До Курта донесся звук удара дерева по мячику для гольфа. Крошечный шарик взлетел в воздух и приземлился у самой лунки. Хороший удар.

В доме внезапно стало душно. Курт вышел к «фольксвагену», сдвинул парусиновый верх. Идея покупки автомобиля с убирающимся верхом принадлежала Пауле: она хотела наслаждаться солнцем в теплые, ясные дни. Курт завел двигатель, выехал на Линда Виста. Проезжая мимо Лонгакрес-авеню, подумал, что именно здесь разносчик газет видел их, четверых хищников. А он,

Курт, в это время обсуждал мировые проблемы в закусочной.

Но какой толк корить себя? Прошлого не вернешь.

А если такие исследователи человеческой натуры, как Дарт, Лики и Лоуренс, правы? Если человек по-прежнему несет в себе атавистические черты, оставшиеся с первых дней его пребывания на планете Земля, когда он еще не обладал разумом? Если он, Курт, ослабит контроль над собственными инстинктами? Что тогда?

С Энтрада-уэй он вывернул на Эль-Камино, затем на Брюэр-стрит, держа путь к центру Лос-Фелиса. А может, пора расстаться с фантазиями. Он не супермен, а всего лишь законопослушный университетский профессор средних лет, корящий себя за смерть жены. Он попытался переключиться на другое, перестать копаться в себе. В городе полно студентов, для которых воскресенье станет последним днем как в университете, так и в Лос-Фелисе. Их выпустят в свободный полет. Все дороги открыты, выбирай любую. Он, Курт Холстид, прилагал все силы, чтобы подготовить их к самостоятельной жизни. Но как узнать, не пошли ли все усилия прахом. Сколько из выпускников будут потом с благодар-

ностью вспоминать его?

Он заметил, что переезжает железнодорожный путь, рядом с которым напали на Рокуэлла. Остановил машину у прачечной, вернулся назад. Вот здесь лежал Рокуэлл. Тут стояли те, кто его бил. Подростки, вероятно, приехавшие на украденном автомобиле, обкурившиеся или пьяные. Когда читаешь о неспровоцированном насилии, обычно не думаешь, что ты сам или близкий тебе человек окажется жертвой.

Но такое случилось. В тихий, чопорный Лос-Фелис пришло насилие. Старый, зеленый «шеви», скрепя рессорами, повернул на Брюэр-стрит. Подростки, выросшие в трущобах Сан-Франциско, ищущие острых ощущений? Курт посмотрел на запад, на маленькие городки, разбросанные по склонам Берегового хребта. Выросшие в трущобах? Или в больших, ухоженных домах, выстроившихся вдоль тенистых улиц?

Курт вновь сел за руль, тронул «фольксваген» с места. «Я хочу, чтобы этих парней поймали», подумал он. «Я хочу, чтобы они понесли наказание. Паула мертва, и ее насильники не должны выйти сухими из воды. Такие слуги закона, как Монти Уорден, похоже, шпыняют всех, кроме самих хищников. Неужели в этом обществе они

могут бить, не боясь получить сдачи?»

Как жаль, подумал Курт, что он сам не хищник. Поймать бы их и отделать, как полагается, за всех увечных и мертвых, что они оставляют после себя. Пусть узнают, что такое страх и безысходность.

Курт пересек деловой квартал Лос-Фелиса. Впереди высилось серое здание городской библиотеки. Короткая стычка в баре днем раньше напомнила ему прошлое. Когда он служил в армии, все споры решались кулаками, а наутро лейтенант обычно не замечал синяков, ссадин, распухших кулаков. Но происходило это в другой жизни, с другим человеком.

Во всяком случае, — не с Куртом Холстадом, доктором, профессором антропологии.

Посреди квартала Курт заметил свободный счетчик и припарковался у тротуара. Поднялся по широким ступеням и вошел в прохладный холл библиотеки. За столиком консультанта сидела девушка-подросток — вероятно, школьница, подрабатывающая во время летних каникул — в белой нарядной блузке, которая подчеркивала загар ее лица, шеи, рук.

— Подскажите мне, мисс, где найти подшивки газет?

— В зале периодики, сэр. По этому коридору, сэр… — Она показала на коридор, уходящий в глубь здания. — Третья дверь направо. Мимо вы не пройдете.

Когда она наклонилась вперед, Курт непроизвольно заглянул в вырез блузы, на уже налившуюся грудь. Торопливо попятился.

— Я… благодарю вас… мисс.

И поспешил в коридор. «Господи, подумал Курт, да она мне в дочери годится. Неужели я становлюсь похотливым старикашкой?» Он подошел к двери с табличкой: «ЗАЛ ПЕРИОДИКИ». А чего он так застыдился, спросил он себя. В конце концов ему еще нет и сорока пяти, имеет же он право на естественные физиологические желания.

В зале периодики его встретила пожилая дама. Курту она явно обрадовалась, поскольку других любителей газетного чтива в этот день не нашлось.

— Да, сэр, у нас есть апрельские подшивки местных газет. А вот январские, февральские и мартовские номера я вам дать не могу. Они на микрофильмировании.

— Мне нужна только апрельская подшивка, — заверил ее Курт.

Он пролистал номер «Лос-Фелис дейли таймс»

за субботу, двадцать шестое апреля. Сержант Уорден сообщил корреспондентам, что мисс Холстид покончила с собой. В номере за понедельник он нашел некролог, сведения для которого репортер получил у него. Сан-францисские воскресные газеты уделили Пауле по одному абзацу.

Какой мазохистский импульс заставил его ворошить пыль истории? Он же ничего не мог сделать, черт побери. Но раз уж он здесь…

Курт вновь взял подшивку «Дейли таймс», раскрыл номер за девятнадцатое апреля, тоже субботу. Нападение на Гарольда Рокуэлла в отличие от самоубийства Паулы привлекло внимание. На первой странице напечатали фотографию Рокуэлла, вероятно переснятую с фотографии выпускного класса средней школы, фотографию его жены, Катерины, и фотографию Паулы. Последнюю взяли из архива газеты: ее сфотографировали, когда она и жена еще одного преподавателя выиграли первенство факультета по теннису в соревнованиях пар. Статья продолжалась на странице восемь. Там приводилась схема: Брюэр-стрит, железнодорожные пути, отмеченное крестом место, где упал Рокуэлл. О Пауле говорилось, что она «содействует полиции» в поисках хулиганов.

Не столь уж веская причина для того, чтобы подвигнуть хулиганов на второе нападение, уже на Паулу, неделей позже. Или он ошибся? Что, если изнасилование Паулы никак не связано с нападением на Рокуэлла? Вдруг они ворвались в его дом совершенно случайно?

Он вновь склонился над газетой. Передовица понедельника вышла под шапкой «ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА УЛИЦЕ». Первые результаты полицейского расследования также попали на первую страницу. Рокуэлл практически мгновенно лишился зрения. Вновь упоминалась Паула. Цитировались ее слова о том, что она сможет опознать одного из нападавших, так как хорошо разглядела его и автомобиль, на котором приехала банда. Да, вот это уже серьезно. Они не могли не выяснить, действительно ли она сможет опознать одного из них. А если да, требовалось найти способ заставить ее молчать. Все могло начаться с простого избиения. Несколько ударов кулаком могли гарантировать молчание… потом же они возбудились и…

Курт закрыл газету. Общество, которое взращивает хищников, должно за это ответить. Должно ли? Внезапно ему опротивела вся эта социологическая галиматья, которой он потчевал студентов. Общество не виновно в ослеплении

Рокуэлла и изнасиловании Паулы. Неважно, какими мотивами руководствовались хищники, но сделали это именно они, и никто больше.

И требовался другой хищник, в той же мере способный на насилие.

Курт отдал подшивки, прошел по коридору в холл. Его юная искусительница по-прежнему сидела за столиком. Но теперь он видел, что это всего лишь девушка-подросток, почитающая высшим шиком выскочить из дома, не надев под блузку бюстгальтера. Спускаясь по ступеням к «фольксвагену», Курт думал совсем не о ней.

Нужен хищник, но его нет. Значит, предсмертная агония Паулы останется неотомщенной, и та же участь может поджидать других.

Курт уже сожалел, что остановился на железнодорожном переезде, заглянул в библиотеку. Прошлое ожило с новой силой, так что несколько бессонных ночей ему гарантированы.

Глава 13

— Чертова дорога, — раз за разом повторял старший сержант.

Они тряслись в джипе по пустыне, направляясь к немецкому аэродрому неподалеку от побере-

жья. Первая операция, в которой участвовал Курт. На джипе не было ни ветрового стекла, ни брезентового верха. Сзади, по бортам, даже на капоте крепились канистры с бензином и водой. Сдвоенные пулеметы «виккерс» нацелились в звездную ночь.

Джип летел по песку, а если одно из колес попадало в яму, воздух оглашали проклятья.

— Лучше бы нас сбросили на планере, — вещал сержант. — Чертова дорога. Я уже бывал на этих аэродромах, парни. — Лиц сидящих рядом Курт не различал, только смутные очертания голов. Несколько охранников, редкие патрули, колючая проволока, иногда дот…

Им предстояло разрезать проволоку, проскользнуть мимо часовых и патрулей, прикрепить взрывчатки к самолетам. Особая конструкция взрывателей обеспечивала получасовую задержку, позволяя им уйти в пустыню на милю-другую.

Чертова дорога.

Наконец джип остановился. Дальше они пошли пешком. Добрались до проволоки. Разрезали ее. В дюжине ярдов Курт увидел красный огонек сигареты часового. Всего-то от него требовалось повернуться, заметить движущиеся тени, вы-

стрелить или закричать…

В «Руководстве по рукопашному бою» подробно объяснялось, как вывести часового из строя, чтобы он не поднял тревоги. Подходишь сзади, вгоняешь нож в правую почку, левой рукой зажимаешь рот. Затем выдергиваешь нож и перерезаешь часовому горло. Согласно «Руководству» противник в ходе этих манипуляций вел себя, как мешок с зерном.

Курт коснулся плеча сержанта и пополз к часовому. Беззвучно, неторопливо, не сводя глаз с красной точки.

Их разделяло уже восемь ярдов. До Курта доносился запах горящего табака. Пять ярдов. Нож он уже держал в правой руке.

Красная точка опустилась вниз, полетели искры: часовой загасил окурок о приклад. Теперь уже Курт различал его силуэт. Часовой вздохнул, потянулся, что-то пробормотал по-немецки. Курт метнулся к нему.

Левая рука обхватила рот и нос часового, правой он вонзил нож в его бок. Ноги их переплелись, они повалились на землю. Как того требовало «Руководство».

Но часовой пытался закричать, укусить Курта, оторвать его пальцы от своего лица. Тело его

напряглось, он попытался скинуть с себя Курта. А несколько мгновений спустя казавшиеся железными, мышцы часового обмякли. Более он не отрывал пальцев Курта. Каска скатилась с его головы, и подбородок Курта уперся в голову с коротко остриженными волосами часового. Он уже не дышал, но Курт все еще не отпускал его. Остальные уже бежали к самолетам. Напряжение спало, Курта едва не стошнило.

Прошло пять минут.

Он едва не заснул. Удовлетворенный, скатился в темноте с обнаженного тела Паулы, вновь протянул руку к ее твердой груди, округлому бедру, теплому лобку.

— Паула! — чуть слышно прошептал он.

Она не шевельнулась, притворяясь мертвой. Курт хохотнул, ухватился за дальнее от себя плечо, повернул к себе. Ее голова упала на подушку, уставившись на него мертвыми глазами, точно такими же, как у того часового.

Курт выругался, его глаза широко раскрылись. Он отпрянул от Паулы и скатился на пол кабинета, больно ударившись подбородком, едва не прикусив язык. Секунду-другую полежал, приходя в себя, потом сел. Взгляд его все еще бегал по сторонам, болела челюсть. По его телу

прокатилась дрожь отвращения: его член стоял как столб.

Не зажигая света, он дотащился до ванной, плеснул в лицо холодной водой. Взглянул на часы. Начало пятого. Понедельник. Курт выпрямился. Холодная вода потекла на грудь.

В этот самый момент все стало на свои места.

Он будет искать этих парней, что изнасиловали Паулу. Найдет их и уничтожит, морально и физически. Заставит их ползать у своих ног, в ужасе моля о пощаде. Если закон бессилен, придется ему становиться хищником. Почему он пойдет на это, ради себя или Паулы? Кто сможет ответить на этот вопрос? Да и надо ли? К черту мотивы.

Курт вернулся в коридор, открыл дверь, вошел в комнату и не сразу понял, что он в их спальне. Впервые после смерти Паулы. Уборщица поддерживала чистоту, перестилала кровать, но он в спальню не заходил.

Курт шагнул к кровати, отбросил покрывало, лег. Может, причина его душевных мучений в нерешительности? Не ответил он и на этот вопрос, но проспал до девяти утра.

Хорошо, ты хочешь их найти. Ты принял решение. Но с чего начать?

Шестнадцатая авеню находилась в старой

части города, неподалеку от железнодорожных путей, в двух милях от делового центра. Вдоль прямой, как стрела, улицы выстроились двухэтажные дома.

Курт припарковал «фольксваген» перед домом 1248, оглядел его. Белая краска уже начала шелушиться, траву на лужайке давно не косили. Железные ворота начали ржаветь. Курт обошел дом, нашел дверь с табличкой 1248В. Квартира занимала первый этаж, в комнаты и днем не проникало солнце.

Впрочем, Гарольда Рокуэлла уже не заботило, темно в его комнате или светло. На его стук дверь открыла молодая женщина. С первого взгляда симпатичная. Приглядевшись, Курт увидел, какая она худенькая. Платье висело на ней как на вешалке. Из больших карих глаз давно исчезла радость.

Она никак не отреагировала, когда Курт сказал, что ищет мистера Рокуэлла.

— Мистер Гарольд Рокуэлл дома? — спросил он.

Тут она тяжело вздохнула, как бы говоря, а где же еще ему быть. Обручальное колечко и то стало ей велико. Любовь, спасающая при катастрофах иной раз бессильна перед бесконечной, тянущей-

ся изо дня в день трагедии.

— Я его жена, Кэти. Он… не могли бы вы сказать, что привело вас к нему… Он… не совсем здоров.

— Меня зовут Курт Холстид. Моя жена…

Ее лицо мгновенно ожило. Она повернулась, крикнула в крошечную квартирку.

— Гарри, пришел мистер Холстид! — И, не дожидаясь ответа, схватила Курта за руку и потащила за собой. — Входите, входите, он будет рад встретиться с вами!

Стены кухни Кэти Рокуэлл выкрасила ярко-желтой краской. В попытке скрыть нищету. Древний холодильник, такая же газовая плита, линолеум, загибающийся у стен. Через такие квартиры проходят многие молодые пары на пути к собственному дому. Только Рокуэллы, похоже, остались в ней навсегда, словно камни, вмерзшие в ледник.

— Не обращайте внимания на обстановку, мистер Холстид. Эти старые квартиры…

— У меня те же проблемы, — покивал Курт. — Я живу в старом доме.

Гостиная немногим отличалась от кухни. Портативный телевизор на кофейном столике, диван, кресло-качалка, какие появляются в студенческом общежитии после посещения мага-

зинов Армии спасения. Рокуэлл сидел в кресле в потрепанном пиджаке, брюках, дымчатых очках, скрывающих выбитые глаза. Волосы, ему, похоже, давно не стригли.

— Я вот решил заглянуть… — начал Курт, когда Рокуэлл повернулся к нему.

Голова слепого дернулась.

— Зачем? Что вам нужно? Что привело вас сюда?

На войне Курту не раз приходилось сталкиваться с увечными. Так что его не могли не тронуть страдания, выпавшие на долю Рокуэлла.

— Мне нужна кое-какая информация. Моя жена мертва. До того, как она умерла…

— Мы слышали, — вмешалась Кэти. — И очень сожалеем о случившемся. Она… приезжала к Гарри в больницу, после того, как он… как его…

— Не говори, что я сожалею! — выкрикнул Рокуэлл и стукнул кулаком по колену в бессильной ярости. — С чего мне сожалеть? Я слепой! Слепой! Ваша жена хоть умерла! Ей…

— Гарри! — в ужасе воскликнула Кэти. — Гарри, что ты такое говоришь!

— Ничего, миссис Рокуэлл, — успокоил ее Курт. — Я понимаю…

— Понимаете? — взвился Рокуэлл. Он сдернул

очки и запустил их через комнату. Они ударились о подлокотник кресла и упали на ковер, не разбившись. — Вы понимаете? Посмотрите на мое лицо! Приглядитесь как следует! Приглядитесь…

Курт поднял очки и протянул их Кэти Рокуэлл. Изувеченные, ничего не видящие глаза не вызвали у него ни шока, ни отвращения, лишь разозлили его. Злился он на себя за то, что пришел сюда. На Рокуэлла, который медленно уничтожал себя, жену, семью. Но главным образом на хищников, сеющих страдания. Слепой откинулся на спинку кресла и разрыдался. Слезы текли из-под очков, которые надела на него Кэти.

— Я ничего о них не знаю. Я даже не разглядел их, когда они… просто набросились на меня, — Он поднял голову. — Уходите. Пожалуйста, уходите.

И тут из-за закрытой двери спальни донесся крик проснувшегося младенца. Рокуэлл разом повернулся к двери, поднялся, направился к ней. Открыл дверь. На пороге обернулся.

— Оставьте меня в покое.

Он скрылся в спальне, и тут тональность крика изменилась, а вскоре младенец и вовсе замолчал, успокоенный ласковыми голосом и руками отца.

Кэти Рокуэлл бессильно всплеснула руками.

— Гарри… не хотел… Я… вероятно, со временем

он сможет… приспособиться…

— Я уверен, что сможет, миссис Рокуэлл. — Он в это не верил, так же, как и она. — Я сам найду дорогу.

Лишь выйдя из квартиры, Курт понял, что в ней стоит тот же запах, что и в комнатах домов для престарелых. Запах обреченности: живущие там люди смирились с тем, что в их жизни ничего не изменится.

Глава 14

— Нет, — покачал головой сержант Монти Уорден.

— Что значит, нет? — пожелал знать Курт.

Он медленно наливался желчью. Когда он позвонил днем раньше, после визита к Гарольду Рокуэллу, ему сказали, что Уорден в отъезде. А сегодня он ждал целый час, пока Уорден побеседует с лейтенантом, деля свое внимание между очень женственными ножками секретаря и теми фактами, связанными с самоубийством Паулы, которые он хотел уточнить. А теперь…

— Какая вам польза от того, что вы познакомитесь с материалами дела? Наше расследование подтвердило, что ваша жена покончила с собой.

Более смерть вашей жены нас не интересует. Пора ставить точку, профессор.

— А мне кажется, что в этом деле остались кое-какие неясности, — Курт побагровел. — К примеру, изнасилование, нападение на ни в чем не повинного человека и…

— Профессор, на текущий момент у нас нет, повторяю, нет доказательств, подчеркну, доказательств, которые могут быть приняты судом, свидетельствующих о совершении преступления в отношении вашей жены. Что же касается Рокуэлла… мы это уже обсуждали, так что не стоит повторяться.

Курт пытался не повышать голоса. Должен же он иметь отправную точку для поисков хищников.

— Если дело закрыто, сержант, что плохого в том, что вы мне его покажете?

Уорден уперся в стол могучими руками.

— Уж не собираетесь ли вы продолжить поиски, профессор? Официально, с позиции закона, нам без разницы, что было до, во время или после самоубийства вашей жены, потому что она… покончила… с собой. — Каждое из последних слов сопровождалось ударом кулака по столу. — Официально. Но…

— А вот мне очень важно, что произошло до, во время и после, — резко произнес Курт.

— Это ваше дело. Но позвольте сказать, что учреждение, в котором я работаю, призвано собирать информацию, а не делиться ею, и давайте не будем менять заведенного порядка. — Он мерзко улыбнулся. Разумеется, вы можете пожаловаться лейтенанту…

Курт обдумал это предложение. Едва ли он чего-то добьется от лейтенанта Дорси, напоминающего пивную бочку. Курт встал, тяжело вздохнул. Но не удержался от вопроса:

— Надеюсь, я не нарушу закон, если продолжу расследование без вашей помощи?

— То есть наймете частного детектива? Это ваши деньги, друг мой, но не рассчитывайте на содействие полиции. — Он тоже поднялся. — Знаете, профессор, я послал отпечатки ваших пальцев в Вашингтон и Сакраменто. Вы нигде не засветились. Ваших пальчиков нет даже в ФБР. Это означает, что вы не служили в армии…

— Вы не хотите помочь, потому что я не служил в армии? — Уорден и не пытался скрыть, что помогать такому, как Курт, желания у него нет.

— Дело в другом, профессор. Мне представляется, что вы решили стать героем. Захотели

сами найти этих подонков и воздать им по заслугам. — Он коснулся пальцем груди Курта. — Но вы не служили в армии, следовательно, у вас нет навыков, чтобы в случае чего постоять за себя. Вы не найдете их, это ясно, но будете крутиться в тех местах, где собирается молодежь, пытаясь выйти на их след, и выясните, что эти бандиты с цепями в руках совсем не паиньки. Поверьте мне, далеко не паиньки.

— Благодарю за совет, сержант.

Пятнадцать минут спустя он уже поднимался по лестнице в спортивный зал, кипя, как самовар. Черт бы побрал этого Уордена! Впрочем, он дал хороший совет: обратиться к частному детективу.

На верхней площадке он столкнулся с четырьмя тяжелоатлетами, перегородившими проход. Они специализировались в олимпийском троеборье и пауэрлифтинге, но в обычной одежде ничем особо не выделялись и, только раздевшись, превращались в глыбы мышц.

— А грудь широкая, что твой стол.

— Да?

— Да. И руки толщиной с человеческое тело, со своими сердцем и легкими. Он…

— Позвольте мне пройти. Не затруднит ли вас…

Послушайте, мне надо пройти. Я…

Черт бы их всех побрал! Сначала Уорден отказал ему в помощи, теперь эти горы мускулов ведут себя как глухие… И тут один из тяжелоатлетов обхватил сзади другого за пояс, поднял его, весом в двести пятьдесят фунтов, словно десятифунтовый стул, и со смехом швырнул через площадку. Аккурат в Курта.

— Эй! Какого черта…

Тот, кого швырнули, почему-то не рассмеялся. Но схватил попавшийся под руку предмет, чтобы кинуть его в первого тяжелоатлета-весельчака. Так уж получилось, что предметом этим оказался Курт.

Но, едва громадные руки схватились за лацканы его пиджака, тело Курта отреагировало мгновенно, точно так же, как реагировало тысячи раз на занятиях по рукопашной подготовке. Его сомкнутые руки нырнули меж рук противника, отрывая их от лацканов пиджака, чтобы затем нанести удар по переносице. Разумеется, координация движений Курта оставляла желать лучшего, поэтому он лишь разбил тяжелоатлету губы и угодил в подбородок. Но этого оказалось достаточно, чтобы мужчина согнулся и его лицо оказалось в пределах досягаемости колена

Курта.

Однако, прежде чем он смог ударить, чья-то мощная рука обхватила его сзади за шею. Опять же Курт отреагировал мгновенно, попытавшись схватить нападавшего за правое плечо и резким движением тела перебросить через себя.

Но каким-то чудом нападавший не перелетел через голову Курта, а оказался перед ним, на ногах.

— Холстид! — проорал он. — Немедленно прекрати!

Тут Курт понял, что перед ним Престон, и отступил назад.

— Извини, Флойд. — Я… Господи, на минуту я…

Огромный мужчина с курчавыми волосами и в испачканной кровью футболке стоял у стены, прижав руки к губам. Когда их взгляды встретились, Курт увидел в его глазах не злость, а уважение.

— Эй, парень, ты меня почти сделал.

Престон хохотнул.

— Вануччи, тебе бы лучше умыться, а не то ты зальешь кровью весь пол. А я только вчера натирал его, — он обнял Курта за плечо. — Пошли, тигр, тебе надо расслабиться.

В кабинете, посмотрев на диван, заставленный

коробками с банками белкового порошка, которые распаковывал Престон, Курт вновь начал извиняться.

Престон отмахнулся.

— Курт, ты был великолепен. Где ты всему этому научился? — Курт потер лицо руками. От резких движений у него разболелась голова.

— Я… во время второй мировой войны. Я служил в частях коммандос. Совсем мальчишка. Я думал, что все забылось, но некоторые ситуации пробуждают рефлексы… А ты, Флойд? Контрприемам броска через голову не учат в тяжелоатлетических залах.

Престон широко улыбнулся.

— Меня обучали там же. В армии. Я же говорил тебе, что служил в Леонард-Вуд. Там меня отметили и назначили инструктором, сначала по общефизической подготовке, потом по рукопашному бою. Я тренировал новобранцев больше двух лет.

— Слушай… — Тут Курта осенило. — А меня бы ты не мог немного потренировать, после обычных занятий? Может, в женском зале, благо днем там никого нет, а на полу маты…

Престон глубоко задумался. Затем посмотрел на Курта.

— Значит, ты решил их найти, — в голосе не слышалось вопроса.

— В общем-то… — начал Курт, затем пожал плечами. — Да.

— А ты уверен, что тебе этого хочется, Курт?

— О, я знаю, что эти банды опасны. — Курту вспомнилось предупреждение Уордена о цепях. — Если же у меня восстановится реакция, разумеется, только для самозащиты, думаю, что мои шансы возрастут.

— Твои-то да, а вот… — Престон не договорил. — Хорошо, Курт, сегодня и начнем.

Курт уже выходил из кабинета, когда ему в голову пришла еще одна дельная мысль.

— Чуть не забыл, Флойд. А нет ли у тебя знакомого частного детектива?

— Есть. Эндрю Мэтьюз. Он занимается в этом зале. И детектив он неплохой. От клиентов отбоя нет, а берет по пятьдесят баксов в день. Так что, если хочешь…

— Скажи ему, что у меня есть для него работа.

ДЕББИ

Пятница, 4 июля — понедельник, 25 августа

Глава 15

Четвертого июля, когда Рики вез Дебби домой, в Сан-Леандро, она осознала, что влюбилась. Не на лето, а навсегда. Во второй половине дня он заехал к ней: они собирались в Сан-Франциско, посмотреть фейерверк[8]. По этому случаю она надела новые, плотно облегающие розовые брючки, белую блузку и сандалии.

— Мы встретимся с парнями у Толстяка, а потом…

— С парнями. — Какие-то нотки в голосе Дебби заставили его повернуться к ней. — Не нравятся они мне.

— Слушай, они мои друзья, Деб. И никто не должен учить меня, кого мне выбирать в друзья.

— Я и не говорю, что ты мне что-то должен, Рики…

Рик широко улыбнулся и сразу снял напря-

---

[8] Примечания: 8

4 июля — национальный праздник США, День независимости.

жение.

— И, пожалуйста, не зови меня Рики при парнях, хорошо? Они приехали к Толстяку и пересели с «триумфа» в старый «шеви». Толстяк, она и Рик расположились на переднем сиденьи, Хулио и Чемпена заднем. Все парни держали между колен банки с пивом, которые подносили ко рту, лишь оглядевшись по сторонам. Кому хотелось омрачать праздник общением с копами. Несколько раз и она приложилась к банке Рика, отчего заметно осмелела.

— А если твои старики застукают тебя? — спросил Хулио.

— Мой отец прикладывается к спиртному на всех вечеринках, — ответила Дебби, защищая родителей. Они ей полностью доверяли, полагая, что она не сделает того, чего не следует. — Маме пить не разрешают врачи, поэтому она отдает предпочтение этому розовому безалкогольному напитку…

— Ширли Темпл, — ввернул Рик.

— Откуда ты это знаешь? — полюбопытствовал Хулио.

— От зрелых женщин, с которыми он общается, — хихикнула Дебби. Поездка все больше нравилась ей.

— Так оно и есть, детка, — подмигнул ей Рик. — Я высаживаю тебя у общежития и еду развлекаться.

Произнося последнюю фразу, он искоса поглядывал на Дебби. Господи, неужели она прознала про Мэри Дивайс, которую он трахал уже три недели? Нет. Она бы сказала ему об этом наедине, а не при его приятелях. Она просто подначивает его, ничего более.

А вот у Хулио от слов Дебби подвело живот. Она знала, что произошло тем вечером в доме профессора! Как же ему убедить Рика, что Дебби для них смертельно опасна? Пока Рик его слушать не станет. Предчувствия Хулио он в расчет не возьмет, поверит только веским уликам. Следовательно, он, Хулио, должен их добыть. Вы только посмотрите на нее. Вырядилась в эти розовые брючки, как бы говоря им троим: смотрите, парни, какое вам не достанется угощение. Вот так и раньше. Расхаживала на парадах в мини-юбке и не дозволяла к ней прикоснуться. Что ж, он еще с ней разберется.

Толстяк быстро домчал их до Сан-Франциско. Стрелка спидометра как вкопанная стояла на отметке восемьдесят миль в час. С автострады он свернул на Франклин-авеню, улицу с односторон-

ним движением, по которой через Пасифик-Хейтс они выехали к бухте.

— Мне бы хотелось здесь жить, — воскликнула Дебби. — В Паси-фик-Хейтс с видом на бухту.

— А как ты узнала, что это Пасифик-Хейтс? — удивился Чемп.

Он старался не смотреть на нее, потому что она была с Риком, но, когда, повернувшись, она улыбнулась ему, он подумал, что с радостью бы кое-чем с ней занялся, независимо от того, чья она девушка.

— Отец иногда привозил меня сюда. Тут живут некоторые из его клиентов.

Калибан, рыжий, с белой грудкой кот, названный так ее матерью в честь персонажа одной из шекспировских пьес, прыгнул к ней на кровать. Автоматически она почесала ему шею, он выгнул спину и заурчал, как холодильник. Хороший выдался день, лучший день в ее жизни. Кто-то сказал, что на Морском бульваре и около яхт-клуба собрались пятьдесят тысяч человек. Да еще акваторию заполнили сотни лодок и яхт. Слева темнела громада моста Золотые Ворота, ведущего в Морской округ и к захватывающим дух приключениям. За спиной поднимались холмы, на которых широко раскинулся город.

Да, она хотела бы жить в Сан-Франциско. Она залезла под одеяло, и Калибан тут же устроился у ее бедра, все еще довольно мурлыкая. Сан-Франциско. Она и Рики. Ей только девятнадцать, и родители хотели, чтобы она закончила колледж до того, как выйдет замуж, но…

Едва на город опустились сумерки, из-под моста неторопливо выплыл фрегат. С холмов Морского округа в небо взлетели первые ракеты. В домах начали загораться огни. Дебби и Рики сидели на волнорезе, поднимающаяся с приливом вода лишь на ярд не доставала до их ног. Небо раскрасилось фейерверками. Похолодало, и они накрылись одеялом. Рики обнял ее за талию, его пальцы играли с ее грудью. Она не попросила его убрать руку. Ей становилось все труднее в чем-либо ему отказывать. Его она могла не бояться. Между залпами, когда небо темнело, он ее целовал.

И по пути домой она поняла, что влюбилась.

Лежа в постели рядом с Калибаном, она вспомнила, как совсем недавно полулежала на кожаном сиденье «триумфа», щурясь от света машин, идущих навстречу по мосту Сан-Матео. Вопрос сорвался с губ неожиданно для нее самой.

— Рик, как хорошо ты знал Паулу Холстид?

— Как хорошо… — Рик облизал внезапно пересохшие губы. — Дебби, с чего ты взяла, что… я…

Она выложила ему все: ее сомнения в том, что помятое крыло — истинная причина его желания встретиться с Паулой наедине; его странная реакция, вызванная известием о смерти Паулы…

— …Разумеется, ты можешь ничего не говорить мне, если воспоминания так болезненны…

В свете фар его профиль отливал бронзой. Молчал он долго. Они уже съехали с моста, оказались на автостраде Нимица. Встречных машин стало меньше. Когда салон «триумфа» погрузился в темноту, он обратился к девушке.

— Я не хотел говорить тебе об этом, Деб. Поэтому и выдумал эту аварию. Просто… так уж получилось. Мы… встретились в коктейль-холле… совершенно случайно… и…

— Я так и знала! — воскликнула Дебби. — Я чувствовала!

— Она… в семье она не нашла счастья. Ее муж, этот профессор… не удовлетворял ее. Она отвезла меня в номер мотеля: и мы…

Он не договорил, и Дебби не удержалась от вопроса:

— Это… повторилось?

— Нет, Деб, — на этот вопрос он ответил аб-

солютно честно. Они свернули на Восточную автостраду. — Но этим дело не кончилось. Она стала преследовать меня. Звонила домой, поджидала у Джейси… И звала к себе каждую пятницу, когда ее муж вел вечерний семинар.

— Значит, в ту пятницу ты собирался пойти к ней и…

— И сказать, что не хочу больше видеть ее, — закончил фразу Рик. — Но она не знала причины моего прихода. А когда я не пришел, потому что спустило колесо, и не позвонил, она…

Вот тут Дебби и осознала, что любит Рика. Не влюблена, а любит по-настоящему, как любят будущего мужа. Сколько же ему пришлось пережить! Когда «триумф» остановился у дома ее родителей, он крепко прижал ее к себе и долго не отпускал. Она не видела его лица, но могла поспорить, что по щекам текли слезы. Наконец их взгляды встретились.

— Ты должна пообещать мне, Дебби, что никому об этом не скажешь. Профессор не переживет правды. Если он узнает, что побудило ее покончить с собой…

— Я понимаю, дорогой. Обещаю. — Она подставила ему губы для поцелуя. — И я люблю тебя, Рики.

Да, думала она, это был самый счастливый, самый важный день в ее жизни. Облегченно вздохнув, Дебби устроилась поудобнее и протянула руку к выключателю.

Когда в спальне Дебби погас свет, Рик остановил «триумф» перед домом его родителей в Сан-Фелисе. Заглушил двигатель, но из кабины не вылез, перебирая в голове события прошедшего вечера. Ему не хотелось наутро ехать с родителями в коттедж, вернее, летний домик на побережье, хотя он и обещал, что поедет. Но он мог полежать на пляже, подумать. А подумать было о чем.

Убедил ли он Дебби? Выкладывая Дебби эту историю, он руководствовался интуицией, той самой интуицией, что с детства помогала ему избежать мамашиных шлепков и отцовского ремня. Такое романтичное создание, как Дебби, не могла не растрогать столь трагическая история. «Я люблю тебя, Рик». Только мужчине одних слов мало.

Рик выудил из пачки сигарету, нажал на зажигалку, Жаль, что это сигарета, а не «косячок». «Травка» помогала расслабиться. Господи, лучше б им в тот вечер напиться пива или обкуриться «травкой». Тогда б они не отметелили этого гомика. Кому следовало покончить с собой, так этому

мерзавцу.

Смерть Паулы уже начала забываться — и тут Дебби с ее «как хорошо ты знал Паулу Холстид?». Он не хотел бы отвечать на этот вопрос перед судьей, хотя по-прежнему думал, что не зря предложил от-трахать Паулу. Хороший способ заставить женщину молчать. И Хулио с его намеками. Чего он прицепился к Дебби? Хулио не понимает девушек, не знает, как держать их в узде. Не то что он, Рик. Теперь-то Дебби никому ничего не скажет. Она дала слово.

Рик хохотнул. Старушка Дебби. Может, она дала и другое обещание, самой себе, не пускать Рика под юбку? Черт бы ее побрал. Беда в том, что очень уж она хороша. Он просто не мог отказаться от нее. Рик выбросил недокуренную сигарету.

Черт, как же хочется трахнуться… Он посмотрел на часы. Мэри Дивайс, официантка, заканчивала работу через час, в половине третьего. Вот она-то не стала выкобениваться. В первый же вечер, когда он приехал один, она привела его в свою квартиру. Полчаса обнималась с ним на диване в гостиной, при открытой двери в спальню, где мирно посапывала женщина, с которой она снимала квартиру. А потом просто встала и со словами: «Какая же я дура. Связаться с ребен-

ком», — мгновенно разделась и оседлала его, как какой-нибудь чертов жокей жеребца.

Рик решительно повернул ключ зажигания. Ох эта Мэри. Поначалу он даже не понимал, чего она от него хочет, боялся, что причинит ей боль. Но потом до него дошло, что желания женщины надо выполнять, не задавая лишних вопросов. И у нее в квартире всегда была «травка».

Хулио Эскобар лежал на софе в гостиной и смотрел телевизор. Многие старые фильмы ему не нравились, но он часами сидел перед телевизором, даже готовил домашние задания. Звуки, движение, музыка помогали ему сконцентрироваться. Вот и сегодня его занимала только одна проблема — эта сучка, Дебби! На набережной он сидел лишь в двух ярдах от нее и Рика. Он знал, что Рик лапает ее под одеялом. Возможно, он и сейчас занимался тем же самым на кожаном сиденье «триумфа». Черт, будь у него новый автомобиль, она бы не отказала и ему. С первого же раза.

Но куда более заботило его другое: она знала. Знала о Пауле Холстид, возможно, и об этом Рокуэлле. Да, они в полной безопасности, пока она бегает за Риком, но что будет с ними, если они поссорятся? Ему надо собрать компромат на Деб-

би, найти доказательства того, что доверять ей нельзя. Тогда Рик его послушает. Он должен это сделать, даже если придется следить за Дебби.

А потом Рик одобрит план, предложенный им, Хулио. О, они заткнут ей рот, в этом можно не сомневаться. Первый раз все получилось, так что и второй получится наверняка, тем более с такой молоденькой, как Дебби.

Даже от мыслей об этом у Хулио все поплыло перед глазами, вспотели ладони. Он вытер руки о покрывало. Да, он с ней еще посчитается.

Динамистка паршивая!

Глава 16

Бросив взгляд на календарь, Курт нахмурился: половина июля позади, а он ни на шаг не приблизился к хищникам. Эндрю Мэтьюз, частный детектив, пока ничего для него не нашел. Абсолютно ничего.

Курт выдвинул средний ящик стола, достал папку с несколькими листками, на которых Эндрю Мэтьюз изложил результаты пятидневного расследования. В управлении шерифа детективу содействия не оказали, но в остальном он, вероятно, сделал все, что мог. Проверил отчеты

полиции Сан-Фелиса о дорожных происшествиях в ночь нападения на Рокуэлла. Старый «шеви»-пикап не нарушил в городе правил дорожного движения. Так же, как и на автострадах. Последнее следовало из донесений дорожной полиции. Не ремонтировали «шеви» и в круглосуточно работающих гаражах.

Далее, детектив повесил объявление о награде на двери прачечной-автомата, находящейся рядом с тем местом, где напали на Рокуэлла. К нему обратилась только одна женщина. Она показала, что в тот день ушла из прачечной буквально за пять минут до происшествия. Ничего не видела, ничего не слышала, на улице не было ни души.

Мэтьюз поговорил с сотрудниками кафе, закусочных, ресторанов, автозаправок, расположенных вдоль Эль-Камино. Не видели ли они четверых парней в зеленом «шеви», закусывавших или заправлявшихся в ту ночь? Никто ему ничего путного не сообщил. Прошло два месяца, разве упомнишь такие мелочи?

Никто ничего не помнил и о вечере, когда умерла Паула. Мэтьюз вновь прошел по всему кругу: полиция, закусочные, автозаправки. Никто не помнил зеленого «шеви»-пикапа, не видел, чтобы он ехал в направлении дома Курта. Неоднократ-

но заходил Мэтьюз в кафе, дискотеки, магазины, продающие пластинки, бары, пивные, где не слишком приглядываются к возрасту клиентов, то есть туда, где кучковалась молодежь. Смотрел (три «шеви»-пикапа подошли по цвету, но проверка показала, что их владельцы ни при чем), слушал, спрашивал, но не получал нужных ему ответов.

В конце июня он прислал Курту счет и письмо, в котором извещал, что прекращает расследование. Курт поехал к нему в контору. Располагалась она на втором этаже нового административного здания в четырех кварталах от управления шерифа.

— Я бы очень хотел, чтобы вы поймали этих мерзавцев, но, к сожалению... — Высокий, широкоплечий мужчина, курносый, с вьющимися волосами, добродушным взглядом синих глаз пожал плечами.

— Но почему вы прекращаете расследование? Я же готов вам платить...

— Я уже обошелся вам почти в триста долларов, включая расходы, но не нашел ничего нового. Я, разумеется, не отказываюсь от денег, но не могу гарантировать результатов. Более того, скорее я могу гарантировать, что результата не будет.

— Потому что Уорден отказывается показать нам дело?

Мэтьюз покачал головой.

— Напрасно вы взъелись на Уордена. Нам известно все, что есть в деле, за исключением, может быть, фамилии велосипедиста. Конечно, если б вы запомнили ее, я бы с ним поговорил. Но это же десятилетний ребенок. Ехал он в темноте, испуганный, и думал лишь о том, что дома ему всыпят за опоздание. Знаете, Холстид, если бы в деле была хоть какая-то ниточка, Уорден непременно потянул бы за нее, что бы он вам ни говорил насчет О-пи. Он довольно хороший коп и не упустил бы возможности добраться до преступников.

Курт поднялся.

— Тогда… что же получается? Мы ничего не можем сделать?

— Нет, если мы не найдем нового свидетеля, который предоставит нам дополнительную информацию. Иначе вы напрасно потратите деньги и эмоции.

Даже теперь, три недели спустя, Курт помнил охватившее его чувство бессилия. Где же найти этого нового свидетеля? Фамилия мальчишки никак не всплывала в памяти. Много раз он

возвращался к той встрече с Уорденом в бюро детективов, вспоминал, как детектив говорил о звонке матери мальчишки, но только не фамилию.

Холстид отодвинул стул, резко поднялся, спустился вниз, к телефонному аппарату. Оставалось лишь одно: позвонить Уордену и попытаться узнать фамилию мальчишки. Разумеется, не впрямую.

Он набрал номер, и волею судьбы Уорден оказался на месте.

— Это Курт Холстид, сержант. Я хотел узнать…

— Какой Курт? Я… О, извините, профессор. Чем я могу вам помочь?

— Вы не слышали о несчастном случае с тем мальчиком-велосипедистом?

— Мальчиком-велосипедистом?

— Свидетелем, который видел «шеви»-пикап у nojpi для гольфа.

— Послушайте, Холстид, — взорвался Уорден, — я думал, вы угомонились, когда нанятый вами частный детектив признал, что ничего не сможет сделать. Если вы приставали с вопросами к сыну Андерсонов, я…

Курт попытался не выдать радости.

— Я никогда не видел мальчишку, сержант.

Просто до меня дошли слухи…

— Слухи беспочвенные, — отрезал Уорден. — С мальчишкой ничего не случилось и ничего не случится, потому что он никого не сможет опознать. Понимаете, профессор? Никого. Мы выставим их перед ним в ряд, каждого с табличкой, на которой будут указаны имя и фамилия, и он все равно их не опознает. — Он помолчал. — Оставьте эту работу профессионалам, профессор. И не вздумайте ходить на молодежные тусовки, если не хотите, чтобы однажды вас нашли в мусорном контейнере.

Курт положил трубку. Андерсон. Ну, конечно. Он же сказал, что некая миссис Андерсон позвонила насчет своего сына. И тут его радость померкла. С точки зрения профессионалов, Уордена и Мэтьюза, мальчик не сообщил ничего стоящего. И потом, как найти мальчика по фамилии Андерсон?

Курт раскрыл телефонный справочник. Андерсонам, проживающим в округе, была отведена целая страница, четыре колонки. Что теперь? Вновь нанимать Эндрю Мэтьюза? Нет, он полагает, что мальчик не поможет, раз Уорден ничего у него не узнал. Самому объехать сотню Андерсонов?

Но ведь наверняка существует возможность сузить зону поисков. Надо лишь четко сформулировать цель.

Итак, озеро Сирс находится в пяти милях. Мальчик задержался. Заметил хищников на Лонгакрес-авеню. Рядом с Т-образным перекрестком с Линда Виста. Где он мог повернуть на север или на юг.

Если на юг, то он проезжал мимо дома Курта, затем начиналась территория университета и лишь потом жилые кварталы. Впрочем, он мог быть сыном одного из сотрудников университета, проживающим в кампусе или рядом с ним, как Курт. Он решил, что сегодня же справится в отделе кадров, есть ли Андерсоны среди сотрудников университета.

Если на север… От Энтрада-уэй ответвлялось множество улочек с частными домами. Скорее всего он повернул на север. Жилые дома начинались чуть ли не сразу после поворота. Мальчик проехал мимо хищников в восемь вечера, в тот самый час, когда ему следовало уже быть дома. Значит, его дом находился недалеко от Т-образного перекрестка.

Садясь за руль «фольксвагена», Курту приходилось сдерживать свой оптимизм. Он раз за

разом повторял себе, что надежда найти мальчика невелика, а вероятность того, что мальчик скажет ему что-то важное, вообще равна нулю.

Но Курт также понимал, что и лучик надежды куда лучше бесконечной череды дней, отмеченных исключительно раздражением и бездеятельностью.

На следующий день на тренировке Курту впервые удалось бросить Престона через плечо. В раздевалке, встав на весы, он обнаружил, что весит чуть меньше ста девяноста фунтов.

Престон, когда они шли на ленч, покачал головой и произнес в шутливом изумлении:

— Ты становишься не по зубам такому старику, как я, тигр. Собираешься выступить в соревнованиях?

— Собираюсь вновь выйти на охоту, — ответил Курт. — Мне удалось вытянуть из Уордена фамилию мальчишки и теперь… — За сандвичами и молоком он рассказал о своих планах. Я — думаю, он поехал в северном направлении, потому что на юге жилые кварталы находятся довольно-таки далеко, за территорией университета.

— Яс тобой не согласен. Не забывай, Курт, она позвонила в управление шерифа, а не в городскую полицию. А дома к северу от тебя находятся

в черте города.

— Может, она позвонила шерифу, потому что озеро Сирс — вне города.

— А куда бы позвонил ты? Если ребенка нет и родители волнуются, они не размышляют, какая территория подпадает под чью юрисдикцию. Они звонят в то правоохранительное учреждение, на содержание которого платят налоги. — Тут Престону пришла в голову новая мысль: — Если, конечно, отец парня работает в университете…

— Вчера я заходил в отдел кадров. Не работает.

Престон кивнул.

— Логично. Если б она жила в кампусе, то и обратилась бы в полицию кампуса. Пошли, у меня в кабинете есть крупномасштабная карта округа.

Два часа спустя список Андерсонов существенно сократился. Они с Престоном решили, что едва ли мальчик жил более чем в пяти милях от дома Курта. Поэтому в списке остались только Андерсоны, живущие к югу от его дома на территории округа.

Глава 17

В пятницу, 18 июля, Курт остановил «фольксваген» у дома 5202 по Севиль-драйв в округе

Сан-Фелис. Листья на кустах, что росли на лужайке, пожухли, трава пожелтела. Похоже, если их и поливали, то нечасто. У стены лежал трехколесный велосипед, правда, без одного колеса. Курт нажал на кнопку звонка.

Через минуту, а то и больше, дверь открыла чернокожая женщина, ростом на два дюйма выше Курта. В шлепанцах. Ситцевый халатик плотно облегал внушительные бедра.

— Вуди нет дома, — с порога заявила она. Вы насчет закладной на машину?

— Я… — Курт понял, что ему предстоит обучаться новому для него: звонить в дверь к незнакомцам и вести с ними разговор. — Нет, о закладной я ничего не знаю. Вы миссис Андерсон?

Она прислонилась к дверному косяку. Громко рассмеялась.

— Естественно.

Улыбнулся и Курт.

— Мне нужна миссис Андерсон, у которой десятилетний сын.

— Это не я, дорогой, — вновь смех. — Может, его завел Вуди, ничего мне об этом не сказав.

Свернув на Хозина-авеню, Курт остановил «фольксваген» и вычеркнул из списка чету Андерсонов, проживающих в доме 5202 по Се-

виль-драйв.

Далее он поехал к дому 2983 по Монтесито-Корт, где проживал Стенли Андерсон.

Монтесито-Корт, несмотря на большие номера домов, протянулась лишь на один квартал. Дома 2983 Курт не нашел. И рискнул позвонить в дом 2985. Припекало солнце, он весь вспотел.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти пяти.

— Чем я могу вам помочь? — она тщательно выговаривала каждое слово. Чувствовалось, что с утра отдала должное шотландскому.

— Я ищу Стенли Андерсона. Вроде бы он должен жить в доме двадцать девять восемьдесят три по Монтесито-Корт, но я не могу найти этого номера. И подумал…

— Это… — Она пристально всмотрелась в Курта. Вероятно, у нее все плыло перед глазами. — Этот дом принадлежит моей дочери и ее мужу, Франки… — она рыгнула. — Креветочный коктейль, знаете ли. Я из Сиэтла.

— Да, мадам.

— Приехала в гости. — Она взмахнула рукой, отчего чуть не упала с крыльца. — Загляните к мисс… миссис Першинг. Она живет в доме двадцать девять семьдесят девять. Местная сплетница, расскажет вам все, что вас интересует.

Моя дочь Магги говорит, что она знает, сколько прыщей на заднице почтальонши.

— Да, мадам. — Курт, улыбаясь, пятился. — Благодарю вас, мадам.

Он вытер с лица пот, прежде чем направиться к дому 2979. Миссис Першинг уже стояла на крыльце, поглядывая в сторону дома 2985. На вид ей было лет шестьдесят, а серые глаза за стеклами очков, похоже, ничего не упускали.

Поймав взгляд Курта, она рассмеялась.

— Теперь вы знаете, с кем имеете дело, так что прошу в дом. Эта женщина приехала к Френку и Маргарет три недели назад, и я еще ни разу не видела ее трезвой, мистер…

— Холстид. Курт Холстид. Я пытался найти дом двадцать девять восемьдесят три и…

— Там живет Стэнли. Это не дом, а коттедж. Я сдаю его в аренду. Надеюсь, Стэн ничего не натворил?

— Нет, нет, — заверил ее Курт и, вспомнив методы Уордена, добавил: — Обычная проверка, миссис Першинг.

— Зайдите ко мне на несколько минут, — пригласила она Курта в дом. — У меня отличный чай со льдом.

В просторной прохладной гостиной хватило

место и кабинетному роялю и камину. Книги, что на полке, несомненно, читали. Миссис Першинг упорхнула на кухню, оставив Курта в удобном кресле. Вернулась с двумя чашками ледяного чая.

Курт пригубил свою.

— Прекрасный чай, миссис Першинг.

Она наклонилась вперед.

— Наверное, это утомительно, ходить от дома к дому в такой жаркий день, мистер Холстид…

— Разумеется. Я… э… сотрудник департамента образования Калифорнии.

Она покивала.

— Мать Стэнли — профессор Калифорнийского университета, в Лос-Анджелесе. Полагаю, потому-то вы и приехали. Я приглядываю за Стэнли, как за собственным сыном…

Курт, мысленно уже вычеркнув из списка Стэнли Андерсона, для проформы спросил, сколько ему лет.

— О, двадцать четыре, может, двадцать пять. У него очень хорошая работа в компьютерной фирме, но он постоянно запаздывает с оплатой жилья. Все потому, что слишком увлекается девушками.

Из когтей миссис Першинг Курту удалось вы-

рваться лишь через сорок пять минут. После чего он поехал на Сан-Бенито-уэй, где в доме 438 проживал Андерсон, Кент.

Улица эта находилась к юго-западу от университета, и от озера Сирс туда вела более короткая дорога, через Аликанте-роуд. Но…

Дом с примыкающим к нему гаражом практически не отличался от тех, в которых он уже побывал. Оставалось только удивляться, что столько людей живет в домах-близнецах. На подъездной дорожке стоял новый «олдсмобил». Лужайку вовремя поливали и выкашивали. Хозяин, похоже, гордился своим домом и поддерживал в нем идеальный порядок. Дверь открыла светловолосая девочка лет семи.

— Привет, — поздоровался Курт. — Мама дома?

— И мама и папа, — ответила девочка.

Курт подождал, пока она вернется с миниатюрной женщиной, которая постоянно щурилась: ей, несомненно, требовались очки.

— Меня зовут Курт Холстид. Я хотел спросить, есть ли у вас сын лет десяти. Я…

— Да, есть. А… что-то случилось?

— Нет, мадам. Я просто хотел задать ему несколько вопросов.

— Кенни где-то здесь. Я думаю…

— Каких еще вопросов? — За ее спиной возник низкорослый толстяк в черных брюках, белой футболке, босой, с двухдневной щетиной на щеках. Он грубо оттолкнул жену и шагнул к Курту с воинственностью, зачастую свойственной недоумкам. — Не нравится мне твой вид, приятель. Ты хочешь втянуть моего сына в какое-то грязное дельце? Давай вали отсюда.

— Послушай, Кент… — Чувствовалось, что его жена привыкла к подобным сценам.

— А ты заткнись. Я знаю, как вести себя с такими, как этот. — Он вытаращился на Курта. — Ты еще здесь? Вон отсюда. Проваливай.

Курт сдержал поднимающуюся злость, мрачно кивнул и повернулся, чтобы уйти. Все-таки он находился в чужом доме. Придется приехать еще раз, когда не будет мистера Андерсона.

Андерсон, гордый победой, последовал за ним по дорожке, ведущей к улице.

— У меня большое желание дать тебе пинка. Я…

— На вашем месте я бы воздержался. — Выйдя из дома, Курт почувствовал себя куда увереннее, а потому автоматически принял защитную стойку, отработанную за месяцы тренировок с Престоном.

Андерсон сразу понял, что противник ему не по зубам. И остановился как вкопанный.

— Понятно, понятно. Ты небось хочешь прийти, когда меня не будет, — пробормотал он. — Я поставлю в известность шерифа.

— Будете звонить, спросите сержанта Уордена, — рявкнул Курт.

Андерсон разом переменился в лице.

— Вы хотите сказать… послушайте, сержант, я не догадался, кто вы. Я думал…

Так-так. Значит, Андерсон не слышал его, когда он назвал свои имя и фамилию. А копов он боится, потому что у него репутация драчуна и смутьяна.

— Я хочу знать, проезжал ли ваш сын на велосипеде университетское поле для гольфа в восемь часов вечера, когда возвращался с озера Сирс в пятницу, двадцать третьего апреля. А также, звонила ли ваша жена в управление шерифа…

— Только не Кенни. — Андерсон энергично покачал головой. — Да его с места не сдвинешь, не то что заставишь поехать на велосипеде на озеро Сирс. Для него существует только электроника. Сидит в мастерской, обложившись проводами, лампами и старыми радиоприемниками…

Курт поблагодарил его и отбыл до того, как Кент

Андерсон задумался: а с какой стати помощник шерифа разъезжает по городу в небесно-синем «фольксвагене» с убирающимся верхом?

Проехав квартал, Курт остановился, вычеркнул из списка Кента Андерсона и вновь с ужасом отметил, что нынешняя профессия начисто отрезала его от окружающей жизни. Долгие годы он общался только с преподавателями, а разговаривал с умными, целенаправленными, интеллигентными юношами и девушками. И только теперь, звоня в двери разных домов, он начинал понимать, что общество, проповедующее американский образ жизни, куда более многолико.

Андерсон, Барбара. Дом 1791 по Эджвуд-драйв.

Вернувшись в окрестности университета, Курт сверился с картой. Эджвуд-драйв находилась на участке, относящемся к округу и втиснутом между Эль-Камино и Линда Виста-роуд, неподалеку от университетского Медицинского центра. По прямой эта улица расположилась совсем близко от дома Курта, отделенная от него лесом и речкой Сан-Луиза. Но ехать-то надо было вокруг, по Университетскому проспекту, больше пяти миль.

Улочка поднималась в гору. Владельцы домов явно принадлежали к среднему классу, тут и там

сверкали яркими красками детские площадки. По Эль-Камино сплошным потоком шли машины, здесь же царили тишина и покой: жены суетились на кухне, готовя ужин, прибывшие с работы мужья сидели перед телевизором. Курт позвонил в дверь дома 1791, огляделся. Окна гаража закрашены. В гостиной задернуты шторы. Никаких свидетельств того, что в доме есть ребенок. Он позвонил вновь и уже поворачивался, чтобы уйти, когда услышал, как сняли цепочку, отодвинули засов. Дверь приоткрылась.

Он увидел женщину с вьющимися каштановыми волосами. Симпатичное, узкое, как у лисички, лицо, зеленоватые глаза, розовый махровый халат до пола, выглядывающие из-под него розовые мохнатые шлепанцы.

— Я ищу Барбару Андерсон, мадам.

— Я — Барбара Андерсон. — Женщина улыбнулась.

Курт дал бы ей тридцать с небольшим, то есть ее сыну могло бы быть десять лет. Маленький рот, аккуратный подбородок.

— Меня зовут Курт Холстид. Я ищу мальчика по фамилии Андерсон, который вечером, в один из апрельских дней, видел четырех парней, выходящих из старого автомобиля. Его мать позвонила

шерифу…

Он замолчал, потому что Барбара Андерсон уже качала головой. Она плотнее запахнула халат, словно ей стало холодно после горячей ванны. Глаза ее затуманились.

— Полагаю, вам нужна другая Барбара Андерсон, мистер Холстид, — ровный, бесстрастный голос. — Я не замужем, и у меня нет сына. Извините.

— Это вы простите меня за то, что я вытащил вас из ванны. Я…

Он снова замолчал, потому что дверь захлопнулась. Он услышал, как Барбара задвинула засов. Пожал плечами: с чего такая спешка? С другой стороны, когда живешь одна, всякое может случиться. И все-таки она повела себя довольно странно.

Повернув на Уэстпойнт-драйв, по направлению к Медицинскому центру, Курт вспомнил про свой список и вычеркнул из него Барбару Андерсон.

Глава 18

В воскресенье Курт, как и всегда, позавтракал в одиночестве. Относя тарелки к раковине, взглянул на календарь. Десятое августа. Почти месяц

прошел с того дня, как он начал разыскивать этого Андерсона. Да и летние каникулы катились к концу. Осенний семестр вызывал у него исключительно негативные эмоции, поскольку занятия требовали времени, которое он мог бы уделить розыскам мальчишки.

Но что еще мог он предпринять? Он обошел всех Андерсонов. Более того, по предложению Эндрю Мэтьюза просмотрел списки избирателей округа и выудил оттуда еще шестьдесят семь Андерсонов.

Курт поставил на сушку вымытые тарелки. К черту. Сегодня надо постараться обо всем забыть. Он решил, что прогуляется. Прямо сейчас, с утра, потому что днем будет слишком жарко. Память совершенно некстати напомнила ему, что в ту пятницу, когда он нашел Паулу мертвой, он планировал точно такую же прогулку. Курт надел кроссовки, джинсы, легкую рубашку, водрузил на нос солнцезащитные очки. У пересечения подъездной дорожки и улицы помедлил. Куда идти: на юг или на север? Куда ехал этот мальчик, на север или… Хватит, одернул он себя. И зашагал к университету, на юг.

Пересек Линда Виста, прошел мимо телефонной будки с распахнутой дверцей, словно

приглашавшей войти и кому-нибудь позвонить. Звонить Курт никому не собирался, но вошел в будку, сунул палец в окошечко возврата монет. Хохотнул, достав десятицентовик. Хватит на две трети чашечки кофе.

Он старался заставить себя изменить отношение к начинающимся занятиям. Не получалось. В нем зрело убеждение, что никому эти занятия не нужны, ни ему, ни студентам. К примеру, Курт всегда подчеркивал, что поведение человека определяется обществом, в котором он живет. Но он не мог согласиться с тем, что хищники — не более чем роботы, действующие по заданной обществом программе. И их ответственность за творимое ими зло равнозначна ответственности урагана, проносящегося над Флоридой. Нет. Курт такой философии не принимал. Не мог принять. Если человек не несет ответственности, значит, все его действия бессмысленны.

В четверти мили от телефонной будки Курт наткнулся на тропу, рассекающую высокую траву и уходящую от шоссе. Свернул на нее. Вскоре на его брючины налипли семена сорняков. Дождей давно не было, так что земля по твердости не уступала асфальту. А протоптали ее, похоже, еще весной: молодежь всегда ищет путь покороче.

Сан-Луиза давно пересохла, так что тропа вилась вдоль ее русла, ныряя в кусты, в небольшие рощи деревьев. Поднявшись на небольшой холм, Курт вновь вышел к домам. За пересохшей речкой тянулась и полоска асфальта. Курт покачал головой. Несколько лет тому назад никаких домов тут не было.

Он пересек русло, вышел на дорогу, направился к перекрестку в сотне ярдов от него. На перекрестке выяснилось, что поперечная улица называлась Уэстпойнт, а шагал он по Эджвуд-драйв.

Подходящее название, Эджвуд[9]. Постойте, постойте.

Эджвуд. Не там ли…

Ну конечно! Барбара Андерсон. Дом 1791 по Эджвуд-драйв. Значившаяся в первой четверке. Симпатичная женщина с каштановыми волосами, которую он вытащил из ванной. Он ускорил шаг. Мальчишка жил на Эджвуд-драйв, припоздниился, вернулся домой по этой тропе. Всего-то ходу пять минут.

Но она сказала, что не замужем. И детей у нее нет.

Женщины частенько лгут. Когда Курт подошел

---

[9] Примечания: 9
Граница леса (Edgewood).

к дому 1791, он уже не сомневался, что Барбара ему солгала, а потому в нем начало подниматься раздражение. Трава на лужайке пожухла, тут и там валялись обрывки газет, оберточная бумага. Но более всего его поразила табличка с единственным словом: «ПРОДАЕТСЯ». Барбара обманула его! Нельзя же принять за совпадения тропу, внезапный отъезд Андерсонов и близость к дому Курта.

Курт огляделся. Соседи! Надо узнать, был ли у нее сын. И куда она переехала, если переехала.

На другой стороне улицы его внимание привлекли открытые ворота гаража. Автомобиль уже стоял на подъездной дорожке. Из гаража вышел мужчина, таща за собой длинный зеленый поливочный шланг. В бейсболке, белой футболке, шортах до колен.

Курт пересек улицу.

— Я ищу Барбару Андерсон, сэр. Не могли бы вы сказать мне…

— Она переехала, — мужчина задумчиво почесал нос. — Недели три тому назад, совершенно неожиданно. Только-только говорила о том, что надо выкосить лужайку, и вдруг — бах! — собрала вещи и уехала.

Три недели. Практически сразу после разговора

с ним. Он опоздал на три недели!

— Она мисс или миссис?

— Миссис. Разведенка. Сначала я подумал, что она вернулась к Чарли, но на прошлой неделе приехал агент по торговле недвижимостью и поставил вон ту табличку.

Курт кивнул.

— Странно, что она так быстро снялась с места. Все-таки у нее сын. Кажется, ему лет десять?

— Джимми? Да.

Курта осенило.

— Скажите, а вы не помните, чтобы кто-то интересовался миссис Андерсон. Скажем, этой весной?

— Нет. — Тут мужчина нахмурился, поставил ногу на бампер автомобиля. — Хотя как-то в начале мая, в воскресенье утром, сразу после того, как Барб повела сына в церковь, приходил парень школьного возраста. Сказал, что ищет какого-то другого Андерсона, имени я уже не запомнил. А вот парня запомнил, потому что выглядел он как мексиканец. Вы понимаете, смуглая кожа, черные волосы… да, и длинный нос. Нос я запомнил лучше всего.

Каким-то образом они выяснили, где живет мальчик, поговорили с соседями, чтобы вызнать

его имя, потом пригрозили Барбаре, вероятно, по телефону. «И угрозы эти Барбара восприняла серьезно, — подумал Курт, — иначе не сорвалась бы с места, когда он зашел к ней и задал невинный вопрос. Да, все сходится. Не просто же так она даже днем закрывала дверь на засов и цепочку. Разумеется, это все косвенные улики, но…»

— Вы, наверное, не знаете, где найти Барбару, не так ли?

— Разумеется, нет, сэр. Как я и говорил, она уехала внезапно. Не оставила ни адреса, ни телефона. Но думаю, вам не составит труда найти ее.

— Как?

— Через торговца недвижимостью. Или Чарли.

Пятнадцать минут спустя мокрый от пота, Курт входил в дом. Даже не приняв душ, позвонил в «Херитейдж риэлти компани», что находилась в доме 2101 по Армандо-роуд, чтобы узнать, работают ли они по воскресеньям. Как выяснилось, работали. Спустившись же вниз в чистых брюках и тенниске, Курт вновь позвонил в справочную. Новый номер Барбары в справочнике не значился, зато ему дали номер Чарли. Тот проживал на Хоумстид-авеню. После шестого звонка в трубке послышался недовольный голос:

— Слушаю.

— Извините, что беспокою вас, мистер Андерсон, но я хотел бы поговорить с Барбарой. Она…

— Ее номер в телефонном справочнике, черт побери! Дом семнадцать девяносто один по Эджвуд-драйв!

— Она с месяц как переехала, мистер Андерсон.

— Послушай, приятель, — в голосе слышалось нескрываемое раздражение, — мы развелись два года тому назад. Она получила все, дом, счет в банке, а мне оставила разве что левое яйцо. Я не желаю иметь с ней никаких дел, исключая алименты, которые посылаю ей по почте. Я не видел ни ее, ни парня уже с полгода. Если она должна тебе деньги, обратись к кому-то еще, — и он бросил трубку.

«Херитейдж риэлти» делило двухэтажный особнячок с булочной. Стены украшали диаграммы, схематичные изображения одно- и двухэтажных домов, выцветшие фотографии. За деревянной перегородкой стояли четыре стола, заваленные бумагами. За вторым разговаривала по телефону черноволосая, некрасивая женщина, миссис Пиннео, как следовало из таблички, стоящей на столе. Когда она положила трубку, Курт задал интересующий его вопрос.

— Семнадцать девяносто один по Эджвуд-драйв? Прекрасный дом, сэр. Три спальни, две ванные, внутренний дворик, электрическая кухня, новая…

— Я пытаюсь найти хозяйку.

Она пристально посмотрела на него.

— Миссис Андерсон уполномочила нас представлять ее интересы.

— Я понимаю. Она мне нужна по личному делу. Не могли бы вы сообщить мне ее адрес…

— Это невозможно, сэр. — Она нетерпеливо забарабанила по столу карандашом.

— Тогда, может быть, телефон. Я могу и позвонить.

— Ее телефон не занесен в справочник, сэр. До свидания.

— Но я…

— Я сказала, до свидания, сэр. Курт закрыл за собой дверь, постоял под жаркими лучами солнца, Да, к Барбаре он не приблизился ни на шаг, но еще раз убедился в том, что именно она ему и нужна. Не зря же она отгораживает себя и своего сына от кого-то или чего-то. Курт ни на минуту не сомневался, что боится она хищников. Следовало ли из этого, что она или ее сын знает что-то очень важное, неизвестное ему, полиции, Уордену?

Пора Эндрю Мэтьюзу вновь вступать в игру.

Глава 19

— Флойд говорит мне, что вы уже готовы к сдаче экзаменов на получение лицензии частного детектива, — улыбнулся Эндрю Мэтьюз.

— Он преувеличил мои успехи. — Курт хмурился, думая о своем. — Я уверен, что Барбара Андерсон — мать мальчишки, который мне нужен, но толку от этого нет, потому что я не знаю, как ее найти. Когда в воскресенье ваша служба ответов сообщила мне, что вы будете только сегодня, я узнал у ее мужа номер почтового ящика, на который он посылает алименты, и отправил ей письмо. Она не ответила.

В кабинет частного детектива Курт попал лишь в среду. Мэтьюз отъезжал в Ист-Бэй, вернулся двумя часами раньше, после бессонной ночи, и постоянно зевал.

— Как насчет конторы, что продает ее дом? — спросил он Курта.

— У них должен быть ее адрес и телефон, на случай, что появится покупатель.

— Я заходил к ним в воскресенье. Женщина, что сидела там, ничего мне не сказала. — Мэтьюз

вновь зевнул.

— Получается, эта крошка отгородилась от всего мира. Вероятно, сняла квартиру, в стоимость оплаты аренды которой включены все услуги. То есть счета за воду, газ, электричество приходят хозяину дома, — он потянулся за телефонным справочником. — Попробуем самый легкий путь. Как звали женщину из риэлтерской компании?

— Миссис… — Курт напряг память, — миссис Пиннео.

Мэтьюз набрал номер «Херитейдж риэлти», откинулся на спинку обитого дорогой кожей вращающегося стула и уставился в потолок налитыми кровью глазами. У Курта создалось ощущение, яго в такой позе ему доводилось проводить не один час, что-то обдумывая или ожидая звонка.

Мэтьюз резко наклонился вперед.

— Да, миссис Пиннео, пожалуйста. — Голос изменился, стал резким, грубым. — Миссис Пиннео? Это Чарлз Андерсон. Я сегодня приехал к Барбаре и увидел вашу табличку «ПРОДАЕТСЯ» у ее дома на Эджвуд-драйв. — Из трубки донеслись какие-то квакающие звуки. — А какого черта меня не поставили в известность? Если бы моя бывшая жена удосужилась показать вам копию

судебного решения о нашем разводе, вы бы знали, что я имею право на одну четверть суммы, вырученной от продажи… Что? Не вешайте мне лапшу на уши, мадам. Я никому не давал никаких разрешений…

Вновь в трубке заверещало. Мэтьюз поймал взгляд Курта, подмигнул, а затем продолжил, заметно сбавив напор:

— Я ничего вам не запрещаю. Просто я связался бы с ней сам, если б знал ее новый адрес. Кстати, продиктуйте-ка его мне… Что? Как это, не можете… Ладно, адрес, телефон, какая разница? После трех часов, значит?

Он записал телефон на обратной стороне какого-то конверта, положил трубку на рычаг, протянул конверт Курту.

— Ее можно найти по этому телефону, девятьсот восемьдесят два — семьдесят семь — шестьдесят четыре, после трех часов дня. Скорее всего, этого номера нет в справочнике, но она могла дать и рабочий телефон. Сейчас проверим… — Он позвонил на телефонную станцию. Разговор занял не больше тридцати секунд. — Как я и думал. В справочнике номера нет. Узнать его через телефонную станцию практически невозможно. Там не держат сотрудников, которые слишком

вольно обращаются с информацией о таких вот номерах. — Он посмотрел на настенные часы. — Ничего не остается, как ждать до трех.

— Вы чертовски устали, Эндрю, — заметил Курт. — Совсем не обязательно заниматься этим сегодня. Выспитесь, а потом…

Мэтьюз в который раз зевнул, потер небритый подбородок.

— Да, я забежал в контору, чтобы просмотреть почту. И уже шел в спортивный зал, когда вы перехватили меня. Давайте мы встретимся здесь в три часа дня и…

— Если вы позволите мне оплатить вам целый день.

Детектив покачал головой.

— Перестаньте, Курт. Я и так обошелся вам в три сотни, но ничего путного не узнал. Мальчика вы нашли сами. И моя профессиональная честь требует, чтобы я чем-то вам помог. Угостите меня и нашего тяжелоатлета ленчем, и будем считать, что мы в расчете.

В спортивный зал после ленча они вернулись без пяти минут три Мэтьюз сел за стол и начал что-то писать на листке бумаги.

— Разрабатываю «легенду», — пояснил он. — Надо так построить разговор, чтобы ни один их

вопрос не остался без убедительного ответа.

Когда он начал накручивать диск, Курт напрягся, как струна. Он чувствовал, что именно Барбара и ее сын могли указать ему путь к хищникам.

— Добрый день, — занудный, скучный голос. — Телефон по-прежнему барахлит? — Он слушал, изредка кивая. — Понятно. Помехи, значит? Это номер девятьсот восемьдесят два — семьдесят семь — шестьдесят четыре? М-м-м. Интересно. Видите ли, я-то набрал триста шестьдесят два — сорок восемь — семьдесят два. Совершенно верно. По терминологии, принятой в телефонной компании, это называется «электронная инверсия». Причина в дефекте самого провода, нарушении изоляции, а иногда и в неправильном соединении. И всякий раз приходится «прозванивать» всю линию… — Да, мадам, вы совершенно правы. Лайнман Честер Драмм, удостоверение номер триста восемьдесят четыре, Служба ремонта телефонов. Да. Мне придется начать с вашей распределительной коробки. — Вы проживаете в отдельном доме или квартире? Какой номер? Двенадцать? Отлично, мадам. Буду у вас через час, если это удобно… О, чуть не забыл. Вы же не назвали мне адрес, — он хохотнул. — Нет, мадам, ремонтной службе сообщают только номера те-

лефонов. Забота о клиентах. У некоторых номера не указаны в справочнике…

У Курта перехватило дыхание. Но детектив уже что-то торопливо записывал. Наконец он поблагодарил свою собеседницу, положил трубку и шумно выдохнул.

— Очень уж они подозрительные, когда в бегах. Хочется верить, что скрывается она не от налогового инспектора.

— Одного я понять не могу, — подал голос Престон. — Как ты узнал, что у нее не барахлит телефон?

Мэтьюз рассмеялся и встал.

— Я этого не знал. И телефон у нее наверняка в полном порядке. Но, кого не спроси, почему-то все думают, что с телефоном у них не лады. — Он протянул бумажку Курту. — Эрройо Тауэрс, квартира двенадцать, дом четырнадцать восемьдесят два по Роблес-драйв. Она говорит, если ее белый «форд» на стоянке, значит, она дома. Если машины нет, она поехала в супермаркет и тогда ее надо подождать. До того, как звонить в дверь, я бы убедился, что автомобиль на месте. Чтобы она не увидела вас раньше, чем вы ее.

Глава 20

Попав в «час пик», Курт добрался до Эрройо Тауэрс, комплексу многоквартирных зданий, в пятнадцати милях от спортивного зала, Престона, лишь тридцать пять минут пятого. Белый «форд» занимал положенное ему место на стоянке. Когда он нажал кнопку домофона у цифры двенадцать, алюминиевая дверь с панелями из матового стекла открылась, пропуская его в холл.

Лифт поднимался на удивление медленно. Выйдя из кабины, Курт вытер ладони о брюки. Он словно вновь оказался перед раскрытым люком «локхида», рассекающего воздух со скоростью сто двадцать миль в час. Курт знал, что как только красная лампа сменится зеленой, ему не останется ничего иного, как прыгать вниз.

Курт позвонил.

Дверь открыла Барбара Андерсон.

— Мистер Драмм? Я… о?

— Курт Холстид. На этой неделе я отправил вам письмо…

Она начала было закрывать дверь, но передумала, увидев, что он не пытается воспрепятствовать ей. Оранжевое платье с белым передничком

только подчеркивало ее превосходную фигуру. В квартире пахло поставленными в духовку булочками.

— Я… получила ваше письмо. — Ее зеленоватые глаза не отрывались от его лица, голос дрогнул. — Я не ответила вам, потому что… потому что мой сын — не тот мальчик, который вам нужен. Он…

— Мы оба знаем, что это не так, миссис Андерсон, — возразил Курт.

А затем шагнул через порог, и ей пришлось отступить в сторону, чтобы пропустить его. Джо Луис как-то сказал, что увидев брешь в защите соперника, надо бить сразу. Вот и до Курта дошло, что в глазах женщины ужас и она готова закричать, лишь когда он уже сидел в кресле.

— Я бы не отказался от чашки чая, — улыбнулся он. И тут же с кухни донесся гонг. — И я думаю, что вам пора вынимать булочки из духовки.

— Я… — Ужас исчез из ее глаз. — Я… конечно. Булочки.

И она упорхнула на кухню. Курт огляделся. Квартирка новенькая. Акриловый ковер на полу, сдвижная дверь на балкон.

— Где вы работаете, миссис Андерсон? — крикнул он.

— Я… в больнице. Я медицинская сестра.

Вот почему она просила звонить после трех часов. Работа по сменам, с тем, чтобы успеть забрать Джимми из школы, когда начнутся занятия.

Пять минут спустя Барбара Андерсон вернулась с полным подносом. Она успела даже подкраситься. Курт решил, что, как и Паула, она женщина самостоятельная, полагающаяся только на себя. Возможно, это и привело к разводу.

— Как я и объяснял в моем письме, мисс Андерсон, я — профессор университета Лос-Фелиса и живу на Линда Виста-роуд, рядом с полем для гольфа, у которого ваш сын видел четырех ребят, вылезающих из автомобиля.

Барбара нетерпеливо махнула рукой.

— Я знаю, кто вы. Получив письмо, я позвонила в университет. Но кто эти люди? Если они так важны, почему детектив из Управления шерифа сказал, что это «рутинное расследование»? — Она вновь взмахнула рукой. — Вы же знаете, на Джимми они даже не посмотрели. Да и он едва видел их. Он много чего напридумывал, потому что… в этом он дока, мистер Холстид.

Курт отпил чая, крепкого и ароматного. Добавил сахара, молока.

— Не могли бы вы звать меня Курт?

Помявшись, она кивнула.

— Хорошо. А вы меня — Барбара. Но вы все еще не ответили на мои вопросы, Курт.

— Я должен начать с того, что задам вопрос вам. Вы помните, как в прошлом апреле банда подростков напала на мужчину по фамилии Рокуэлл?

— Что-то не при… Ну, конечно! — воскликнула она. — Я тогда не работала в Центральной окружной больнице, но… Его изувечили или… или ослепили?

— Ослепили. Полагаю, произошло это случайно. Но дело в другом. Моя жена возвращалась вместе с ним из оперного театра Сан-Франциско. Они вместе сошли с автобуса и… — К тому времени, как Курт добрался до звонка Мэтьюза, его рубашка взмокла от пота. Выстроенная логическая цепочка событий вызвала очень болезненные воспоминания. Лицо Барбары напоминало посеревшую маску, когда он закончил рассказ и потянулся за чашкой.

— Значит, если бы Джимми мог опознать людей, которых он видел… — Она покачала головой. — Тогда становится понятен тот ужасный телефонный звонок. После развода, два года тому назад, я поступила на работу в Медицинский центр Лос-Фелиса, благо он находился в

нескольких кварталах от моего дома. После того звонка Джимми перестал разносить газеты, а я устроилась в Окружную больницу, потому что в Медицинском центре не могла заканчивать работу в три часа и забирать Джимми из школы. Когда вы впервые пришли ко мне, я решила, что вы один из них, поэтому выставила дом на продажу и перебралась в эту квартиру, неподалеку от Окружной больницы.

— Я-то полагал, что меня не так-то легко принять за подростка.

— Звонил мне не мальчик, а зрелый мужчина, это чувствовалось по голосу… — По ее телу пробежала дрожь, на руках выступили мурашки. — Мой отец работал докером в порту Сан-Франциско, я много лет проработала медицинской сестрой… и думала, что слышала все ругательства. Но этот звонок… Он позвонил во вторник, двадцать седьмого мая. И такого наобещал… Я перепугалась до смерти.

— Вы думаете, он говорил серьезно или… фантазировал?

У нее перекосило лицо.

— Более чем серьезно, — Она невесело рассмеялась. — Поэтому, когда сегодня вы позвонили в дверь…

Курт подумал о том, с каким превеликим трудом, буквально по крупицам собирая информацию, ему удалось добраться до нее.

— Я думаю, вам нет нужды тревожиться из-за хищников.

— Хищников?

— Я их так называю, эту банду.

— Похоже, вы абсолютно правы. Они такие опасные, злобные. Вы уверены…

В дверь позвонили. Барбара посмотрела на часы. Поднялась. Это Джимми. Вернулся из бассейна.

Затем ее зеленые глаза встретились с карими глазами Курта. Курт выругался про себя. Не следовало ему встречаться наедине, говорить. Теперь он знал, что не сможет попросить у нее разрешения поговорить с мальчиком. Она столько пережила, столько ночей не могла заснуть, дрожа от страха. И Курт понимал, что без ее разрешения он не задаст мальчику ни одного вопроса.

Барбара отвела взгляд. В дверь вновь позвонили.

— Я хочу, чтобы вы остались на ужин, Курт. Особого угощения не ждите, но в разговоре он, возможно, вспомнит что — то такое, о чем забыл сказать детективам.

Курт кивнул, облегченно вздохнув.

Ужин действительно не тянул на пир: баночная ветчина, яичница с грибами, жареная картошка. Но Курт давно уже так хорошо не ужинал. Можно сказать, с того вечера, как…

Джимми, худощавый мальчишка с прямыми черными волосами, постоянно падающими на лоб, унаследовал от матери обаятельную улыбку и зеленые глаза. В присутствии незнакомца он сидел тихо, как мышка. За ужином Курт как бы невзначай упомянул тех четырех мужчин у поля для гольфа.

— Вы о тех парнях? — Джимми пренебрежительно хмыкнул. — Честно говоря, я их совсем не испугался. Я сказал, что испугался, потому что… потому что… — Он в тревоге посмотрел на мать.

— Говори, говори, — покивала Барбара. — Я прекрасно знаю, почему ты наплел с три короба. Ты хотел, чтобы я думала, что ты так припоздниился из-за них.

— Ма все равно не может как следует отшлепать меня, — рассмеялся Джимми. — Вообще-то я ничего не видел, кроме «шеви»-пикапа.

За десертом, мороженое и только что испеченные булочки, Курт описал «парня-мексиканца», которого видели на Эджвуд-драйв, но Джимми

никак не отреагировал. Уорден был прав: Джимми не мог сообщить ничего нового. Они перешли в гостиную, оставив Барбару собирать грязную посуду.

— Я собирался позвонить маме из телефона-автомата, — доверительно сообщил Джимми, наклонившись к Курту, — что в будке напротив поля для гольфа, и сказать ей, что у моего велосипеда спустило колесо, — признался он. — Только ей ничего не говорите. Я ведь ей не солгал, только собирался.

— Это останется между нами, — заверил его Курт. Та самая будка на Линда Виста, подумал он, в которой он нашел десятицентовик. — Так почему ты не позвонил, Джимми?

— Выбирайте, Курт, моечная или сушильная машина? — крикнула из кухни Барбара.

— Что? Моечная. — Он встал.

— Я не мог позвонить, потому что в будке сидела девушка.

Курт остановился, словно вкопанный. Почувствовал, как у него на затылке зашевелились волосы. Но почему? Что странного в том, что девушка звонит по телефону-автомату? И тут же понял, что Джимми выразился иначе. Девушка не звонила — сидела в будке.

— То есть телефон был занят?

Мальчик покачал головой.

— Она даже не сняла трубку с рычага. Просто сидела, открыв дверцу и выставив ноги наружу.

— Но было темно, Джимми. Как ты смог разглядеть ее?

— Я подошел к будке вплотную, ведя рядом велосипед, а тут проехала машина, и я отлично разглядел ее в свете фар.

— Ноты ничего не сказал о ней детективу из Управления шерифа.

— Ему? Он вел себя так, словно мне восемь лет, а то и меньше. — Джимми скорчил гримаску.

Восемь. Вместо десяти. Большая разница. Мальчишкам не нравится, когда их принимают за маленьких. Итак, Курт получил новую информацию, которой не владел Уорден. Почему девушка сидела в телефонной будке именно в этот вечер, в темноте, просто сидела. Словно наблюдала за чем-то или сторожила кого-то…

Наблюдала!

Только бы Барбара не позвала его из кухни.

— Э… а ты ничего не можешь вспомнить об этой девушке, Джимми?

— А что вспоминать? Обычная девушка. Старше меня, лет девятнадцати или двадцати. — Он

пожевал губу и внезапно просиял: — Фамилия ее отца Марсден. Я приносил им газеты до того, как они переехали. — Он помолчал, вспоминая. — Большой такой белый дом с каменным фасадом на правой стороне Гленн-уэй. Они выписывали и воскресное приложение. Ее отец как-то подарил мне бейсбольную биту.

Когда Курт возвращался домой, в его сознании вопросы перемешались с сексуальными образами. Дразнящий запах духов Барбары, ее поза при прощании, когда она чуть наклонилась к нему, ее требование позвонить ей, если он что-то выяснит о хищниках. И вопросы. Девушка наблюдала… За кем? Почему? Какая девушка могла помогать банде насиловать невинную женщину?

Курт пересек улицу, вошел в будку, сел на маленькую металлическую скамейку, оглядел Линда Виста. На другой стороне улицы он видел поблескивающий металлом «фольксваген», стоящий у крыльца, а выше — свет в окнах.

Они просто выставили дозорного, который даже в темную ночь мог увидеть человека, идущего по подъездной дорожке. И уж тем более сворачивающий с улицы автомобиль.

С крыльца будки он не увидел. Как же дозорный мог общаться с теми, что вошли в дом? По

телефону? Возможно. А если неправильно набран номер?

По Линда Виста проехала машина, на мгновение высветив пустую будку, открытую дверцу, даже металлическую скамейку.

Ну, конечно. Второй дозорный, на крыльце.

Курт вновь прогулялся к телефонной будке, захлопнул дверцу, вернулся на крыльцо. Идеально. И листва в апреле не такая густая, как теперь, в августе. Дозорный на крыльце не мог не увидеть девушку, если б она встала, захлопнула дверцу, включив тем самым лампочку, и притворилась, что набирает номер. И дозорному оставалось только открыть дверь дома и крикнуть…

Но… девушка?

Да, конечно, вокруг этих рокеров в кожаных куртках, сапогах и нацистских шлемах тоже вьются женщины, но…

Только какие женщины? В которых не осталось ничего человеческого. Такие же хищники. Завтра он с этим разберется. Возобновит поиски. И Эндрю Мэтьюз ему не нужен. Всего-то надо пойти на Гленн-уэй, задать несколько вопросов. Ее родители переехали в прошлом апреле. А она? И известно ему не только название улицы, но и дом, фамилия его бывшего владельца. Марсден.

Хорошо, имени он не знает, но не так это и важно. Он узнает имя, найдет ее, задаст вопросы.

Поднимаясь по лестнице в спальню, он на мгновение остановился. А если она не имеет никакого отношения к банде? Просто поссорилась с кавалером, выскочила из машины, пошла домой пешком, села в телефонной будке, чтобы немного отдохнуть?

Курт отмел эту мысль. Слишком много совпадений. И потом, хищники могли выйти на Джимми Андерсона только с ее помощью. Он узнал ее, так что разумно предположить, что и она узнала его. Завтра…

Только улегшись в кровать и погасив свет, Курт вновь подумал о Барбаре Андерсон. Ее каштановые волосы, зеленые глаза, округлости бедер и груди…

И она попросила, вернее, потребовала, чтобы он позвонил ей. Конечно, ею движило естественное желание узнать побольше о хищниках, которые угрожали ей и ее сыну. Однако…

Может, он тоже заинтересовал ее? И между ними пробежала искорка зарождающегося чувства?

Глава 21

Дебби сдала экзаменационную работу по французскому языку и направилась в общежитие. Занятия в летней школе окончились, да и лето доживало последние дни. Но Дебби не чувствовала грусти, которая вроде бы, если верить словам популярных песен, присуща вхождению в осень. Какая, к черту, грусть, если сегодня Дебби намеревалась ступить на тропу радости, по которой она с Риком будет идти долгие годы. Через полчаса он заедет за ней, и они вместе отправятся в коттедж его стариков на океанском побережье. Вдвоем. Ее, конечно, мучила совесть, все-таки пришлось обмануть родителей, сказав, что проведет уикэнд у Синтии в Сан-Хосе, но ведь она пошла на это ради Рика!

У нее запылали щеки, не от быстрой ходьбы, а от волнения. Этим вечером… Синтия говорила, что не так уж это и плохо в первый раз, если парень нежен.

А Рики будет нежным.

В комнате она собрала дорожную сумку: косметичка, купальник, наполовину использованная

упаковка «C-Quens»[10], полученная от Синтии, отец которой был фармацевтом. Она принимала их уже десять дней, решив, что уступит домоганиям Рики и поедет с ним в коттедж.

Дебби застегнула молнию, подхватила сумку и тут только заметила записку, оставленную у нее на подушке дежурной по этажу. У Дебби перехватило дыхание. Что, если Рики не сможет?… Если она не поедет с ним сегодня, едва ли она уговорит себя еще раз сказать ему «да».

Но ее просили позвонить по внутреннему номеру. Уф. Вероятно, какая-то неувязка с экзаменационной работой или насчет первой репетиции хора в осеннем семестре. А может, из студенческой газеты. Она позвонит в понедельник, когда вернется и…

Но в понедельник будет такая запарка. Надо прибраться в комнате, потому что оставшиеся до занятий дни она обещала провести с родителями. Нет, лучше позвонить тотчас же, пока не приехал Рики. Она спустилась вниз, к телефону-автомату, установленному в небольшой нише, набрала номер университетского коммутатора, продиктовала указанный в записке номер.

---

[10] Примечания: 10
Противозачаточные таблетки.

— Кафедра антропологии, миссис Ривз, — услышала она.

Антропологии? С чего бы это. Антропология не входила в сферу ее интересов.

— Это Дебби Марсден. Меня попросили позвонить по этому телефону…

— Да, да, — прервала ее мисс Ривз. — Соединяю.

— Но…

Но в трубке уже послышался щелчок переключения. Антропология? Кто…

— Добрый день, мисс Марсден. С вами говорит Курт Холстид. Извините, что я послал вам анонимную записку, но я не знал, позвоните ли вы мне, увидев в ней мою фамилию.

— Что значит… не позвоню? — Дебби заметно сникла. Профессор Холстид! Жена которого переспала с Рики, а затем покончила с собой, когда тот не пришел к ней, как обещал, в ту пятницу. Но не об этом же он хочет с ней поговорить. Это невозможно. Она провалится сквозь землю, если он…

Он заговорил о другом.

— Мисс Марсден, мы с вами не знакомы, вы не ходили на мои занятия, так что я боялся, что вы просто выбросите записку в корзину для мусора. — Она вспомнила, что видела профессора

на том вечере для первокурсников. Крупный, полный мужчина с приятной улыбкой. — Видите ли, недавно я потерял жену…

— Я… да, я слышала, я… — Дебби изо всех сил сжала трубку и привалилась к стене, чтобы не осесть на пол. Лицо ее цветом напоминало мел.

— Раз так, не могли бы вы зайти ко мне домой во второй половине дня? Я узнал, что вы сдали последний экзамен и…

К нему домой? Почему? Зачем? Сегодня?

— Но я… профессор, я… в этот уик-энд я…

— Вы заняты? Хорошо, мисс Марсден, тогда я жду вас к чаю в понедельник. Скажем… в два часа дня?

— Но я… я не…

— Вот и прекрасно, мисс Марсден. Дорогу вы, я полагаю, знаете.

В трубке давно слышались гудки отбоя, а Дебби все стояла, приложив ее к уху, словно ожидая, что услышит что-то еще. Гулко билось сердце. Что ему от нее надо? Она заставила себя повесить трубку. Да, странный получился разговор, но… речь же не шла о телефонной будке, вечере в пятницу, самоубийстве. Проблема заключалась в том, что она знала о супружеской неверности Паулы Холстид, а профессор — нет. Может, те-

перь, когда Паула мертва, ему и дальше следует пребывать в неведении?

Поднявшись к себе, Дебби села на кровать в ожидании Рики. Надо бы сказать ему об этом телефонном звонке, он подскажет, как ей себя вести. Он… нет. Это ее трудности, она ничего не должна говорить до встречи с профессором. Как глупо все будет выглядеть, если она придет к нему в понедельник и выяснится, что он хотел поговорить с ней о статье в газете или о предстоящих занятиях. Она не намерена портить свой уик-энд с Рики.

Через открытое окно донесся автомобильный гудок. «Триумф» уже ждал внизу. Она схватила сумку и сбежала по лестнице. Бросила ее в багажник, уселась рядом с Рики, чмокнула его в щеку. Отъезжая, они не заметили зеленый «рамблер», припаркованный в квартале от общежития.

«Рамблер» последовал за ними. За рулем, хмуря брови, сидел Хулио Эскобар.

Коттедж расположился в выходящем к океану глубоком овраге, густо заросшем лесом. Две спальни, гостиная с металлической печкой, маленькая кухня с газовой плитой. На крыше стоял наполненный дождевой водой бак, трубы от ко-

торого шли к раковине на кухне, в туалет, в душ. Из окон гостиной открывался прекрасный вид на океан. Лестница из пятнадцати деревянных ступеней вела на пляж. А за стоярдовой полосой белоснежного песка шумел прибой.

Дебби в восторге захлопала в ладоши.

— Рики, у нас собственный пляж!

Рик подошел к ней сзади, обнял за талию. Она повернулась к нему, поцеловала, затем, смеясь, выскользнула из его объятий.

— Красота! — Она едва не упала в обморок от предчувствия того, что должно произойти: через несколько часов, с наступлением темноты, она отдаст ему самое дорогое. — Мы… пойдем поплаваем, Рики.

— Пойдем, если хочешь, голыми, — голос его чуть дрожал. Он тоже нервничает, подумала Дебби. — Эту бухту с дороги не видно. С тех пор как мой отец купил этот коттедж, сюда при нас никто не забредал.

— Нет уж, я надену купальник. Вдруг приедут твои.

— Я же сказал тебе, Деб, что не приедут. Они думают, что со мной мои приятели. И знают, что мы прекрасно обойдемся без них.

Он звонко шлепнул Дебби по заднице. Та

взвизгнула.

— Пошли переодеваться.

Дебби зашла в спальню, что была по левую руку, закрыла за собой дверь, разделась. Долго изучала свое тело в зеркале. Длинные, стройные ноги, тонкая талия, высокая, торчком грудь.

Поскребывание по стеклу заставило ее повернуться к окну. Она инстинктивно прикрыла руками треугольник волос под животом и грудью, тут же рассмеялась и плюхнулась на кровать. Через стекло на нее таращился бурундук. Он дважды качнул головой, а затем, вильнув хвостом, исчез.

Какой он милый, подумала Дебби, надо положить ему горстку орешков.

Она быстро надела бикини. Страх, смешанный с истомой, охватил ее: скоро Рик узнает все секреты ее тела.

— Эй, хватит любоваться собой в зеркале, — крикнул из-за двери Рик. — Пошли купаться.

— Я не любовалась, — она вышла из спальни. — Этот бурундук…

Она не договорила. Ее купальник состоял из узкой полоски материи, едва закрывавшей соски, и крошечных трусиков, так что не удивительно, что Рик вытаращился на нее. Дебби почувствовала, как краснеет под его жарким взглядом.

Раньше-то он не видел ее даже в шортах, а сейчас она стояла перед ним практически голая.

— Я… я первой добегу до воды! — воскликнула она и помчалась вниз по ступенькам, лишь бы избежать его взгляда и самой не смотреть на мускулистое тело Рика.

В воду они влетели практически одновременно, с радостными воплями Рика и повизгиваниями Дебби. Начали брызгаться, потом Рик, естественно, «макнул» Дебби, они торопливо поцеловались и поспешили к берегу, на прожаренный солнцем песок, где улеглись на полотенца за дюной, прячась от прохладного ветерка.

Хулио из своего укрытия более не видел их. Он негромко выругался и поплелся вверх по усыпанной гравием дороге, обошел запертые ворота и продолжил подъем к «рамблеру», который оставил на обзорной площадке.

Паршивый лгун, притворялся, что не трахается с Дебби! Как бы не так, небось уже улегся на нее. Надо только позаботиться о том, чтобы они его не увидели. Никто не станет упрекать его в том, что он следит за Дебби, дабы уличить ее в предательстве. Но его не поймут, узнав, что он следил за ней и тогда, когда она была с Риком.

Он развернулся и поехал в Сан-Конрадо, бли-

жайший городок в десяти милях к северу. Да, вот сегодня он поехал зря. Похоже, у него что-то не так с головой. Тем более что он решил вернуться после наступления темноты, чтобы попытаться увидеть, что они делают в постели. В предательстве он ее так и не уличил, зато уже знал, как себя, каждую позу, каждый поворот головы. Из-за нее он просто не находил себе места. Соглашался даже взять то, что она давала Рику.

Да уж, она разожгла в нем пожар.

С закатом они вернулись в дом, закрыли окна, разожгли печку в гостиной. Дебби поджарила бифштексы и картошку, выложила на тарелку салат, подогрела в духовке французский батон. Ели они в гостиной, усевшись, скрестив ноги, напротив друг друга.

Дебби становилось все более не по себе, она не решалась встретиться с Риком взглядом. Наконец они все съели, Рик потянулся к бутылке «коки», которую она держала в руке, отставил ее в сторону и мягким движением завалил Дебби на ковер. После пляжа они так и не переоделись: Дебби была в купальнике, Рик — в плавках. Он начал целовать ее, его рука скользнула под лифчик.

Она вырвалась, по ее щекам покатились слезы.

— Из… извини, Рики. Я просто… я… пожалуйста,

не торопи меня…

— Не торопи? Какого черта… — Он сел, тяжело дыша, глаза его зло сверкнули. Затем он глубоко вдохнул, кивнул. Встал. — Все нормально, Деб. Я сейчас.

На кухне он достал из холодильника апельсиновый сок, налил в два стакана, добавил водки из бутылки, которую его отец держал в шкафчике под раковиной. Руки его дрожали. Черт бы ее подрал! Потом он напомнил себе, что спешить действительно нет нужды. Она же еще целка. Для нее это событие. Если слишком на нее нажимать, можно ничего не добиться. Целок у него еще не было, а так хотелось трахнуть хотя бы одну. Как те короли в древности, что имели право первой ночи и вовсю пользовались им. Спали только с целками.

В гостиной он весело воскликнул:

— Этот напиток не зря называют «отверткой»[11]. Апельсиновый сок и водка. Водки ты даже не почувствуешь, зато сможешь расслабиться.

— Извини, — пробормотала Дебби. — Я пыталась, действительно пыталась, но…

---

[11] Примечания: 11
От англ., screwdriver.

— Ничего страшного, крошка, — он широко улыбнулся. — Расслабься…

И после трех «отверток», согревших ей желудок, вскруживших голову, ей это удалось. Контроль перешел от рассудка к телу, ощущениям губ, пальцев, языка. Она поцеловала Рика в шею, едва он расстегнул ее лифчик, и приникла к его мускулистому, загорелому телу, когда он начал целовать ее груди.

Потом они перебрались в спальню, и ее охватила страсть. Она развела ноги, а когда член Рика вошел в нее, вскрикнула, один раз, застонала, а затем вновь и вновь шептала его имя, словно заклинание, призванное провести ее через боль к блаженству, которое обещали все учебники по сексуальному воспитанию.

Она приникала к нему, признаваясь в любви, а Рик, лежа на ней, раздуваясь от гордости, долбил и долбил ее, не обращая внимания на ее попискивания. Он чувствовал себя на вершине блаженства: еще бы, ему отдалась девственница.

Когда все кончилось, Дебби поплакала, уткнувшись носом в его шею, каким-то шестым чувством понимая, что несколько минут спустя та же страсть вновь охватит ее. Рик лежал, очень довольный собой. Старушка Деб, думал он, на

первый раз ей досталась боль, а не наслаждение, но чувствовалось, что ей понравилось. Да уж, с ней совсем не так, как с Мэри, для которой в сексе не было тайн.

Скорее она напоминала Паулу Холстид. Черт бы ее побрал! Жаль, что рядом с ним не она, а Дебби. Он бы показал ей кой-чего, чтобы стереть из ее взгляда безмерное презрение, взгляда, который он не сможет ни изменить, ни забыть.

Мысли о Пауле возбудили Рика, и он повернулся к Дебби в тот самый момент, когда за окном вновь зашебаршал бурундучок, которому она оставляла орешки. Дебби тоже услышала это шебаршание, но никак не отреагировала. Кроме Рика, для нее ничего не существовало.

А Хулио спешил к шоссе, бормоча ругательства. Ничего не видя перед собой от раздражения, желания, ненависти.

Мерзкая сучка. О, она свое получит. Придет час, когда он с ней разберется. Она свое получит, и получит сполна.

Глава 22

В понедельник, в три минуты третьего, Дебби позвонила в дверь Курта. Ожидая его, она втяну-

ла и без того плоский живот и выпятила грудь. Я женщина, не без самодовольства подумала она. Рики сделал меня женщиной. И не мне, с моими женскими чарами, бояться профессора Курта Холстида, даже если он и заговорил бы о своей умершей жене.

Дверь открылась, Курт всмотрелся в нее.

— Мисс Марсден? Пожалуйста, заходите. — Курт закрыл за ней дверь. Он-то представлял ее иной. — Хотите чая… или кофе?

— Я… лучше чая.

А она нервничает, отметил Курт.

— Сейчас принесу, мисс Марсден. Или я могу называть вас Дебби?

— Разумеется, сэр.

Она села на диван, сжав колени и не отрывая взгляда от спины Курта, вышедшего в отделанную темным деревом столовую. С того вечера для первокурсников он разительно изменился. В годах, не моложе ее отца, а движения легкие, как у Рика. На мгновение ей стало не по себе: женские чары, на которые она полагалась, могли не пробить броню такого, как он.

Курт вернулся с полным подносом. Точно так же он угощал и Монти Уордена в то первое утро. Но девушка так молода, так свежа. Однако он дол-

жен узнать у нее фамилии. Фамилии хищников.

— Вода закипит через минуту, — он опустил поднос на стол и добавил тем же будничным голосом: — Когда вы вышли из телефонной будки в ту ночь? В ночь, когда Паула покончила с собой?

— Я… что вы хотите сказать… я… не понимаю…

— Вас опознал разносчик газет, Дебби. Вы должны помнить его.

Только тут Дебби осознала, что уже встала, и заставила себя вновь сесть. Увидела, что он смотрит на ее переплетенные пальцы, быстро развела руки, положила их на подушки. Разносчик газет! Естественно, она его помнила. Но как мог узнать о нем профессор? И… и… она не должна признаваться, что была в будке. Она пообещала Рики, что никому не скажет насчет него и Паулы Холстид…

И тут она услышала свой голос, доносящийся издалека, словно он принадлежал другому человеку.

— Я… примерно в половине десятого. Я…

— Паула покончила с собой незадолго до моего возвращения. Где-то без четверти двенадцать. Если б я приехал сразу после окончания семинара, она, возможно, осталась бы в живых, — голос его звучал бесстрастно. Засвистел чайник, и Курт

встал. Направился к дверям в столовую, внезапно обернулся. Уорден показал ему, сколь важно застать допрашиваемого врасплох. — Что вы делали в телефонной будке?

Дебби попыталась отвести удар.

— А что… что обычно делают в телефонной будке?

— Обычно звонят. Вы же никому не звонили.

И он ушел, оставив ее одну. Дебби едва подавила желание броситься к двери. Она не должна ничего говорить. Не должна, не должна, не должна! Помни, сказала она себе, если бы жена профессора не приставала к Рики, ничего бы и не произошло. Вина ее, а не Дебби или Рика.

Курт вернулся, разлил чай, добавил молока в свою чашку, насыпал пару ложечек сахара. Дебби положила в свою ломтик лимона. Возможно ли, что она не имеет никакого отношения к случившемуся? Но ее руки, державшие чашку, дрожали, и она не решалась встретиться с ним взглядом.

— Ну? Так что вы делали в этой будке?

Дебби расплескала чай, почувствовала, что теряет контроль над собой, как бывало в средней школе, когда ее начинала распекать строгая учительница. Курт пристально наблюдал за ней.

— Я… Ри… приятель попросил меня… Пожалуй-

ста, не смотрите на меня так, словно я… это… во всем виновата ваша жена. Если б она оставила… оставила его в покое…

— Неужели? — Он отошел к камину, облокотился на каминную доску. — Оставила в покое кого?

Дебби покачала головой, изо всех сил сдерживая готовые брызнуть слезы. Она не должна говорить!

Курт, почувствовав, что уперся в стену, предпринял обходной маневр.

— Вот мой носовой платок. Берите. Так что сделала ему Паула?

— Хорошо! — вскричала она, уткнувшись в носовой платок. — Хорошо! Ваша драгоценная жена пристала к нему в баре мотеля, завлекла в свой номер и… соблазнила его! Ему еще нет двадцати, а ей… ей было…

— Тридцать шесть. — Естественно, совсем старуха для девятнадцатилетнего. — Название мотеля? В каком месяце? В какой день?

— Я ничего не знаю. — Рики оставил ее совершенно беззащитной. Таких вопросов она не ожидала. Впрочем, виновата она сама. Она же не сказала Рики о звонке профессора Холстида. Она продолжала, уже сдержав слезы: — Но это не все. Она названивала ему домой, поджидала

около Джей… около того места… где он работает. Не оставляла его в покое. Она… она была ненасытной.

Она ожидала, что после этого слова он сломается, потрясенный неверностью жены. Но он все так же внимательно слушал. Где же та боль, которую испытала бы она, узнав, что Рики… Может, в старости эмоции притупляются. А может, она его не удивила.

— Так вы оказались в телефонной будке по просьбе приятеля?

Теперь, когда худшее осталось позади, Дебби заговорила куда свободнее.

— Ри… он собирался приехать к ней в ту пятницу и потребовать, чтобы она отстала от него, но у его машины спустило колесо и…

— И Паула в отчаянии покончила с собой? — закончил фразу Курт. Если только девушка не талантливейшая актриса, она действительно ничего не знает о нападении на Паулу, подумал он. Ее дружок, назовем его Икс, чертовски умно использовал ее любовь, во всяком случае то, что считается любовью у девятнадцатилетних, к нему, скормив ей историю, в которую той хотелось поверить. Трагическую историю, которая только возвысила его в ее глазах. Слишком вы-

чурно для девятнадцатилетнего? Пожалуй, нет, если тренироваться в детстве и отрочестве на любящей матери да на одной или двух сестрах.

— Вы были его дозорным, так, Дебби? Чтобы его не застали у нее врасплох… и не скомпрометировали?

Она кивнула.

— Только он заботился о ее репутации, а не о своей.

Курт покивал, сдерживая охватившую его злость.

— Вот что удивляет меня, Дебби. Если он собирался прийти сюда, потому что его попросила об этом Паула, зачем ему понадобился часовой? Если б кто-то позвонил в дверь, она могла бы просто не открывать ее.

— Я… не… — Дебби собралась с мыслями. — Может, он боялся, что вы вернетесь домой…

— Вы слышали, что случилось с неким Гарольдом Рокуэллом?

— Я… нет, сэр, — она действительно не понимала, о чем речь. — Он — еще один ее… я хотела…

— Еще один любовник Паулы? — Курт криво усмехнулся. Да уж, этот Икс поработал на славу. — Нет. За неделю до самоубийства моей жены Гарольда Рокуэлла избили на одной из улиц

Сан-Фелиса. Да так, что в результате он ослеп. Сделали это четыре подростка, Дебби. Которые ездят в темно-зеленом «шевроле» — пикапе.

Он пристально наблюдал за ней. Этот «шеви» что-то для нее значил, тут сомнений быть не могло. Но она откинула назад голову, еще не сломленная.

— Я не понимаю, при чем тут… это.

— Паула была свидетельницей избиения. Единственной свидетельницей. Потому что ослепший Рокуэлл уже не мог опознать нападавших. Неделей позже, тоже в пятницу, когда Паула покончила с собой, в мой дом ворвались четверо подростков. Вернее, четверо хищников. В восемь вечера, когда вы сидели в телефонной будке, они припарковали темно-зеленый «шеви» — пикап к северу от поля для гольфа и перешли его. Вы держали дверь будки открытой, подавая сигнал, что путь свободен…

— Нет! — воскликнула она, начиная понимать, куда он клонит.

— Когда Паула открыла дверь, они ударили ее в живот, затем затащили в библиотеку… — Он показал на коридорчик. — Вон туда. Там есть диван.

Дебби, закрыв глаза, отчаянно мотала головой,

уже понимая, что последует дальше. Курт знал, что тут бы ему остановиться, но не смог совладать с собой. Слишком часто он представлял все это, чтобы молчать.

— А потом они изнасиловали ее, один за другим. Может, и по два раза, потому что женщина она была красивая. Но один из них постоянно находился на крыльце, наблюдая за телефонной будкой.

— Прекратите, — она зарыдала. — Пожалуйста, прекратите…

— Через час, через два после их ухода, точного времени нам не узнать, Паула поднялась наверх и перерезала себе вены, — он двинулся к Дебби, бросил ей в лицо грубую фразу Монти Уордена: — Как по-вашему, почему она это сделала, Дебби? Не из-за того ли, что ей понравилось?

Он навис над ней, тяжело дыша, взмокнув от пота. Дебби сидела, обхватив себя руками. Подняла голову. Лицо ее перекосилось от ужаса.

— Если вы думаете, что я… что я помогала кому-то в…

Курт отступил на шаг, покачал головой.

— Нет, Дебби, я так не думаю. Я полагаю, что вас, ничего не подозревавшую, ловко использовали.

Но он слишком надавил на нее. Загнал в угол,

откуда ей приходилось вырываться любой ценой.

— Я… — Губы ее так пересохли, что ей пришлось замолчать и облизать их, но она упрямо вскинула подбородок и смотрела ему в глаза. — Неужели вы рассчитываете, что я поверю, будто Ри… будто мой… что он может такое сделать? Я… его знаю. Я…

Курт понимал, что отбивается она автоматически, что ее разум просто отказывается воспринять эту чудовищную правду, но все-таки в его душу закралось сомнение. А если он ошибся? Если все это лишь цепь ужасных совпадений? Вдруг у Паулы действительно был роман с девятнадцатилетним дружком Дебби?

Он вздохнул.

— Дебби, все произошло, как я вам и сказал. Если вы уверены, что ваш приятель ни при чем, скажите мне, кто он. Позвольте мне переговорить с ним, чтобы я убедился в вашей правоте, — еще произнося эти слова, он знал, что проку не будет.

Дебби встала, едва вновь не плюхнувшись на диван: ноги отказывались ей служить.

— Я хочу уйти отсюда.

— Я отвезу вас в университет.

— Мне лучше пройтись.

Она уже направилась к двери, когда Курт внезапно схватил с каминной доски конверт с предсмертной запиской Паулы. Слова давно уже намертво впечатались в его память. У двери он сунул конверт в руки Дебби. Она подняла на него глаза, не понимая, что все это значит.

— Прочтите. Это ее предсмертная записка. Паулы. Если у вас возникнут вопросы, позвоните мне. Назовите его фамилию. Больше мне ничего не нужно. И скажите вашему приятелю, что насчет полиции он может не беспокоиться. Ему никто ничего не сделает, имеет он отношение к упомянутым мною событиям или нет.

Дебби, как в тумане, вышла на крыльцо, спустилась по ступеням, зашагала по подъездной дорожке, сжимая в руке конверт. И уже на Линда Виста достала из конверта записку Паулы и прочитала ее. Замерла, потрясенная.

«…Я делаю это из-за непереносимого для меня лично…»

Настроение Дебби начало меняться. Ну конечно. Старая женщина не могла жить без Рики. «Непереносимое для меня лично». Да, стыд заставил ее покончить с собой. Она вновь перечитала записку. Старые женщины, ищущие более молодых любовников, от стыда кончают жизнь

самоубийством.

Что до остального, насчет Гарольда Рокуэлла, она не сомневалась, что все произошло, как и говорил профессор, но Рик или его друзья никоим боком к этому не причастны. Впрочем, она бы не удивилась, услышав такое про Хулио. Когда он на нее смотрел, его глаза бесстыдно раздевали ее. От этих взглядов ей становилось нехорошо. Как она могла даже на мгновение усомниться в Рики после проведенного вместе уик-энда?! Она ничего не скажет ему насчет сегодняшнего разговора. Иначе все будет выглядеть так, словно она ему не верит. Их любовь слишком хрупка и прекрасна, чтобы подвергать ее таким испытаниям.

Курт стоял на крыльце, провожая взглядом уходившую по подъездной дорожке девушку. Скоро она затерялась за деревьями и кустами, но он все еще смотрел ей вслед. Значит, расследование продолжается. Придется поговорить с дежурной по общежитию, с родителями Дебби, хотя те могут и не знать ее дружка. Взрослые уделяют все меньше внимания детям, как своим, так и чужим. Тогда он обратится к подругам. В крайнем случае привлечет Эндрю Мэтьюза.

Мимо подъездной дорожки проехал зеленый «рамблер», по направлению к университету. За

листвой Курт не смог разглядеть водителя. Да и не особо стремился.

Все он сделал не так. Слишком сильно надавил на нее, слишком многое и сразу ей рассказал. Не оставил ей другого выхода, кроме как убеждать себя, что все это говорится не про ее дружка. Его также тревожила ее уверенность в невиновности своего приятеля. Может, ему не следовало спешить с этим разговором. Впрочем, он не сказал Дебби о телефонном звонке Барбаре Андерсон. И при следующей встрече этот аргумент поможет ему добиться содействия Дебби.

РИК

Вторник, 26 августа — пятница, 28 августа

Глава 23

Рик глубоко затянулся, красный кончик сигареты осветил его лицо. Он и Хулио в плавках сидели у бассейна, хотя купаться никто не собирался. Зато они могли поговорить без помех, поскольку услышать их могли только на кухне, а Рик предусмотрительно закрыл окна.

— Только не Дебби, — упрямо твердил он. — Я ее знаю.

— Да, парень, Дебби, — не отступал Хулио. — Я следил за ней, а потом ждал, пока она выйдет.

— Какого черта ты за ней следил?

В темноте лицо Хулио превратилось в бледное пятно.

— Помнишь Четвертое июля? Она что-то сказала насчет тебя и зрелых женщин. Я понял, что ей все известно о Пауле Холстид, и стал следить за ней, чтобы вовремя предупредить всех, что она становится опасной, — тут он уловил невыска-

занный вопрос Рика. Хрипло рассмеялся. — Да, и в прошлый уик-энд тоже. Проехался за вами до коттеджа. Не думай, что Хулио глуп и готов поверить в твои россказни, будто ты с ней не трахаешься. И поверят ли тебе остальные, когда ты скажешь, что она не представляет собой угрозы?

Лес защищал дворик от вечернего ветерка, но Рику показалось, что вечер выдался холодным. По его телу пробежала дрожь. Он рассказал Дебби, что Паула Холстид влюбилась в него, а теперь Дебби побывала в доме Холстидов. Неужели она повторила его байку профессору?

Впервые он почувствовал, что под ногами начинает гореть земля. Дебби. Холстид. Толстяк с Чемпом. Хулио.

Если… Он посмотрел на Хулио, светлый силуэт на фоне сгустившейся темноты.

Если Хулио не выдумал все это, чтобы добраться до Дебби. А по какому, собственно, праву он следил за Дебби, зная, что она гуляет с ним? Или Хулио решил, что Рик больше не главный? Это проблема Рика, значит, и решать ее должен Рик Дин. Пора поставить Хулио на место, показать, кто здесь хозяин.

— Так что ты на это скажешь? — гнул свое Хулио. — Не думаешь ли ты, что остальные согла-

сятся со мной в том…

— Я думаю, что из тебя так и прет дерьмо, — осадил его Рик.

У Хулио аж отвалилась челюсть. Вот так всегда: Рик разом меняется, берет командование на себя. А Рик продолжил атаку:

— Я попросил Дебби поговорить с Холстидом, прикинуться, что она берет интервью для очередного номера студенческой газеты, насчет смерти его жены, — не без удовольствия он отметил, как сжался Хулио. — Ты же знаешь, какие у нас с Дебби отношения. Что я ей скажу, то она и сделает, не задавая лишних вопросов. Сделает все, о чем ни попроси. Раз уж ты так перепугался…

— Я не перепугался, — просипел Хулио.

— Повторяю, раз уж ты так перепугался, я спрошу ее, что ей удалось выяснить. Только ради тебя, чтобы по ночам ты спокойно спал. Завтра у меня с ней свидание, в Сан-Леандро. Там я ее и спрошу.

Проводив Хулио, Рик вернулся к бассейну и вновь плюхнулся в парусиновое кресло. Закурил. Конечно, можно сказать Хулио, что он держит все под контролем, но он-то не посылал Дебби к Холстиду. Просто Хулио понятия не имел, как вести себя с телками. Всегда пер напролом. А телки требуют особого отношения, в них надо взращивать

чувство вины, чтобы они постоянно чувствовали, что в чем-то провинились перед тобой.

Он затянулся, наблюдая, как раскаляется кончик сигареты. Завтра среда, двадцать седьмое августа. Да уж, он просто обязан выяснить, что к чему, пока дело не зашло слишком далеко. Главная опасность — этот Рокуэлл. Ладно, оттрахал он жену Холстида, так она сама этого хотела. Теперь-то она мертва, и они уже ничего не докажут. А вот Рокуэлл жив. Господи, да отец сойдет с ума, если его, Рика, арестуют за это. Он прекрасно помнил, как возил этого педика мордой по гравию.

Калибан впрыгнул на диван рядом с Риком, прищурившись, уставился на него. Рыжий, с белой грудкой и розовым носиком, весом под тринадцать фунтов. Рик погладил его по спине, потом, поскольку Дебби еще не вернулась с кухни, рассказывая матери о фильме, толкнул в бок, пытаясь скинуть с дивана. Кот недовольно мяукнул и спрыгнул сам. Собаки нравились Рику больше. Они всегда виляли хвостами. А кошки очень уж себе на уме. Мурлыкают, лишь когда им этого хочется.

Вернулась Дебби, очень сексуальная в короткой юбчонке, чуть ли не до трусиков, и обтягивающей футболке. Да, надо бы повторить поездку в

коттедж, да побыстрее.

— Мама пошла спать, — объявила Дебби.

Рик хмыкнул.

— Дорогая моя, она и не подумает лечь. Будет сидеть и выдумывать причины, по которым могла бы заглянуть в комнату, где мы сидим.

Дебби села рядом с ним, вплотную, но он ограничился тем, что взял ее за руку. Пора прояснять ситуацию. Он откашлялся.

— Послушай, Деб, в понедельник Хулио случайно проезжал по Линда Виста-роуд и… э… вроде бы видел, как ты заходила в дом профессора Холстида.

Дебби вырвала руку.

— Случайно, значит, проезжал? В зеленом «рамблере», который он постоянно берет у Толстяка? Рик, у меня от него мурашки по коже бегут, честное слово. Я постоянно наталкиваюсь на него в кампусе. Когда он смотрит на меня, мне кажется, что я голая, — она покачала головой. — Кто мне нравится, так это Чемп.

Рик вспомнил, что говорил Чемп мамаше того маленького засранца. Если б Дебби только знала!

— Так ты виделась с Холстидом?

— Он позвонил мне в пятницу, и я была у него в понедельник, — она встретилась с ним взгля-

дом. — Ты слышал о человеке, которого зовут Гарольд Рокуэлл?

Рику показалось, что ему с размаху врезали в солнечное сплетение, но невероятным усилием воли он не выдал себя ни выражением лица, ни голосом.

— Рокуэлл? Не тот ли это старикан, что рисует картины?

— Это Норман Рокуэлл, глупыш, — Рик уловил в ее голосе облегчение. Что же такого наговорил ей этот Холстид? Но откуда все это известно Холстиду? А Дебби продолжала: — Прошлой весной, поздно вечером, этого Рокуэлла жестоко избили в Лос-Фелисе, и миссис Холстид была единственной свидетельницей…

Черт побери, на что она намекает? Что он ей наплел?

— Уж не полагаешь ли ты, Дебби, что я имею…

— Нет, конечно, — страхи Дебби уже полностью улетучились, — но хулиганы, избившие Рокуэлла, приехали в таком же «шеви»-пикапе, что у Толстяка, и я подумала… может, тебя с ними не было… это случилось за неделю до самоубийства Паулы Холстид… А потом профессор Холстид сказал, что такой же «шеви» видели в тот вечер у поля для гольфа, и его жену… избили и изнасило-

вали до того, как она покончила с собой. И…

— Перестань, Деб. Вспомни, в тот вечер я был у Хулио. А неделей раньше мы все ездили в кино, — у него сосало под ложечкой, но голос оставался бесстрастным. — У этого профессора не все в порядке с головой. Что еще он тебе наговорил?

С каждым ее словом ему все больше становилось не по себе. Господи, ну до чего все ужасно. Куда хуже, чем он мог предположить. Они все лето били баклуши, а этот говнюк выслеживал их. Но кто же мог подумать… Паршивый учителишка… А теперь у него в руках вся информация: «шеви»-пикап, мальчишка на велосипеде, даже использование лампы в телефонной будке как сигнал тревоги.

— … Так что мне пришлось рассказать ему о тебе и его жене, Рики, хотя я и обещала, что…

Даже это он узнал. Ну и умен же Холстид! Рик откашлялся.

— Э… и что он теперь намерен предпринять?

— Он хотел узнать твою фамилию, встретиться с тобой. Он сказал… — она задумалась, пытаясь припомнить его слова, которые в тот момент едва могла воспринимать. — Он сказал, что тебе нечего бояться, даже если ты один из них, потому что полиция ничего не сможет доказать…

Ну и хитрец! Он, Рик, на его месте сказал бы то же самое. Рик встал, прошелся по комнате. Из телок главное выбить слезу, вызвать сочувствие.

— Это плохо, Дебби! Я хочу сказать, просто ужасно! Мы же подростки, за исключением Чемпа, а у него едва хватает мозгов на то, чтобы работать садовником. Неужели ты думаешь, что нам кто-нибудь поверит, если этот Холстид заявит в полицию, что именно мы напали на его жену и все такое?

— Но, Рики… ты же ничего такого не делал! — воскликнула Дебби.

— И что? Я про другое, Дебби. Теперь он знает, что его жена пристала ко мне в мотеле и переспала со мной. Как, по-твоему, что он сделает, если узнает, кто я? Откуда тебе известно, что он говорил правду? Насчет изнасилования и всего такого? Об этом писали в газетах?

— Нет, — лицо Дебби перекосило, и она заплакала, сокрушенная тем, что натворила. — О, Рики, дорогой, мне так жаль! Я не хотела… я не думала…

Все прошло, как по писаному. Он заткнул ей рот. Теперь она не пойдет к Холстиду, пока он не даст команду. Тут требовалась серьезная подготовка. Этого Холстида голыми руками не возьмешь.

Рик быстренько ретировался, оставив Дебби мучиться угрызениями совести. Господи, подумал он, въехав на мост к Лос-Фелису, все рушилось, и обломки падали на него. На него и ни на кого более. Он ослепил этого паршивого педика, он нашел Паулу Холстид, он предложил изнасиловать ее, чтобы заставить молчать. Опасность грозила только ему, хотя этот трусишка Хулио и дрожал как лист на ветру.

Чего он напустился на Дебби? Кого надо остерегаться, так это Холстида. Они-то думали, полагали, что им ничего не грозит, а этот Холстид все лето по крупице собирал информацию, пока не вышел на Дебби. А раз Холстид вышел на нее, значит, тем же путем может пройти и полиция. Холстид. Спрашивал его фамилию, хотел с ним встретиться.

Встретиться? Рик заплатил за проезд по мосту, поехал дальше, в глубокой задумчивости. Что ж, если этот мерзавец хочет его видеть, может, следует пойти ему навстречу. На условиях, которые выставит он, Рик. И в месте, которое выберет тоже он.

Коттедж на берегу океана. Идеальное место. Вокруг ни души. Никто не помешает.

А ведь неплохая идея. Странно, всего несколько

месяцев назад он бы пришел в ужас от таких мыслей. И виной тому Холстид. Они же не убивали его жену. Всего-то дали ей то, чего она, судя по всему, и хотела. Он мог бы и угомониться. Так нет же. Начал копать. Что ж, придется с ним разобраться.

Миновав мост, он повернул к Лос-Фелису. Даже в полночь машины шли плотным потоком.

И оставалась Дебби.

Она будет сидеть тихо, пока Холстид… не исчезнет. А потом. Черт, только с ее помощью они могут заманить Холстида в коттедж одного. Если же с ним что-то случится, ей хватит ума сложить два и два. Она пойдет в полицию. Пойдет, если только…

Если только он не воспользуется идеей Хулио.

Хулио, несомненно, прав. Это средство сработает. Как сработало раньше. Но… Дебби? Черт, выбирать-то не приходится. Или его друзья попользуются Дебби, или ему прямой путь в тюрьму, да еще его родители и все остальные узнают насчет Рокуэлла и Паулы…

И потом, она уже не целка. Да и была ли она девушкой до прошлого уик-энда в коттедже? Как-то очень быстро уступила, после того как пропустила пару стаканчиков. Черт, женщины

любят вначале поломаться. И прошлым летом, на озере Сирс, она столько ему позволила.

Он повернул на свою улицу, затормозил у закрывшейся весной автозаправки. Его охватила грусть. Как в военном фильме, какие ему очень нравились. Командирам всегда приходилось идти на жертвы. А он, в конце концов, лидер. И его парни знали, что он вызволит их из этой передряги.

Дома, несмотря на поздний час, он набрал номер Хулио.

Глава 24

Часы Курта показывали 7.39, когда он нажал на кнопку звонка квартиры Барбары Андерсон. Поначалу он не думал о встрече. Просто позвонил, чтобы сообщить, как идет розыск хищников. В конце концов она просила держать ее в курсе событий. Но Барбара пожелала услышать все лично от него, а не по телефону, так что они договорились пойти в какой-нибудь бар.

Дверь открылась, Барбара застенчиво улыбнулась ему. Ее нежное лицо, спокойный взгляд зеленых глаз вызвали у Курта прилив желания. Тут же он ощутил укол совести: вроде бы преда-

вал память Паулы. Но чувства взяли верх.

— Вы очаровательны, Барбара.

Она насмешливо поклонилась, отступила в сторону, приглашая его войти. Ее короткое синее платье подчеркивало стройность ног.

— Спасибо за добрые слова, сэр. Я четыре часа приводила себя в порядок. Как насчет на дорожку? У меня есть шотландское.

— Не откажусь, — улыбнулся и Курт.

Спиртное, решил он, поможет снять напряжение. Они стояли на узком балконе, глядя на залитый светом плавательный бассейн, ярко освещенный, синий-синий и очень одинокий.

В стакане Курта звякнули кубики льда.

— А что будет с Джимми в наше отсутствие?

— Он привык к одиночеству. Мне часто приходится дежурить в ночную смену. Мы переносим телевизор в его комнату, и он смотрит его до половины девятого, как сейчас. Потом выключает свет. У него есть телефон управляющего домами, полиции, пожарной команды. Кроме того, я позвоню ему из того заведения, в котором мы останемся, — она скорчила гримаску. — Этого достаточно?

— Извините, что спросил, — Курт вскинул руки.

Да, подумал он, пикируемся, словно подростки на первом свидании.

Они не спеша ехали по Эль-Камино, пока не выбрали коктейль-холл с большими кабинками. Официантка в ажурных чулках приняла заказ. Ходила она медленно, словно у нее болели ноги.

Барбара позвонила Джимми, а вернувшись в кабинку, закурила. Посмотрела на Курта сквозь поднимающийся к потолку дым.

— Скверная привычка, но никак не могу от нее отделаться. А теперь рассказывайте, что вам удалось выяснить.

— К сожалению, хищников я пока не нашел, — Курт печально вздохнул, — но думаю, что цель близка. Помните, Джимми сказал мне, что фамилия той девушки Марсден и ее родители жили в большом особняке с каменным фасадом на Гленн-уэй? Оказалось, что улица эта всего в четыре квартала и лишь два дома соответствовали описанию Джимми.

В одном он нашел бездетную пару по фамилии Мойс, которые жили на Гленн-уэй уже восемь лет. Оставался второй дом, занятый семьей Такеров. Они въехали с год тому назад и не знали, кто жил в этом доме до них.

— Значит, вы опять уперлись в стену, — опеча-

лилась Барбара. — Вы-то искали Марсденов…

Глядя на нее через столик, Курт почувствовал все нарастающее волнение. Какая же она красивая. Ему хотелось наклониться вперед, взять ее за руку, но он не решился.

— Просто удивительно, как много соседи знают друг о друге, — продолжил он. — Я заглянул к тем, кто жил рядом с Такерами.

Марсденов хорошо помнили. На этой улице они прожили много лет, пока в прошлом году не перебрались в Сан-Леандро. Их дочери, Деборе, было девятнадцать лет. Курт позвонил в справочное бюро Сан-Леандро, получил новый адрес Марсденов и поехал на другую сторону Залива поговорить с родителями девушки.

— Вы сказали им, почему хотите с ней встретиться? — спросила Барбара.

— Нет. Ее родители — милые люди, и я не хотел им ничего говорить… не убедившись, что мне нужна именно она. А то, что я услышал от них, еще больше убедило меня, что она никак не могла помогать банде насильников. Дебби, сказали они, отличница, а сейчас сдает экзамены за летний семестр в университете Лос-Фелиса, где, как вы знаете, преподает некий профессор Куртис Холстид…

— О, Курт! — воскликнула Барбара. — Буквально у вас под носом! Если б вы только знали. Потратить столько времени на поиски…

— Пока я не поговорил с Джимми, я понятия не имел, что в этом деле замешана девушка.

— Она замешана?

Курт пожал плечами, дал знак официантке повторить заказ.

— Вот тут полной ясности нет.

Он рассказал о том, как просмотрел списки студентов, узнал ее группу, корпус общежития, в котором она жила, перечень дисциплин, которые изучала, позвонил в общежитие, оставив свой номер телефона, договорился о встрече в понедельник, потому что она уезжала на уик-энд.

Барбара отпила из бокала.

— Если вам надоест преподавать, Курт, полагаю, вы могли бы стать частным детективом.

— Вполне возможно, что мне пора менять профессию. За это лето я узнал о людях и человеческой натуре больше, чем за двадцать лет работы в университете. Но… — он покачал головой, — …хищников я все еще не нашел.

— В понедельник Дебби не пришла?

— Да нет, пришла, — он подробно описал встречу с девушкой, закончившуюся тем, что он сунул

ей предсмертную записку Паулы. — Я надеялся, что эта записка откроет ей глаза. Видите ли, Барбара, я ей поверил. Она ничего не знала о происшедшем в ту ночь и думала, что помогает молодому человеку, я назвал его Икс, который внушил ей, что у него роман с Паулой.

— Это правда? У него был роман с Паулой?

Курт почувствовал, что краснеет.

Барбара накрыла его руку своей.

— Извините, Курт. Не следовало мне задавать этот вопрос.

— Честно говоря, меня это не волнует, — к своему удивлению, Курт понял, что говорит чистую правду. Паулы нет, так чего вспоминать их взаимоотношения. Он продолжил, более чем довольный сделанным открытием. — Паула вполне могла завести любовника. В конце концов, каждый из нас жил своей жизнью. Я в это не верю, но… Дебби абсолютно не сомневалась в том, что ее дружок не способен на насилие.

— Но она не назвала вам его фамилии. Знаете, Курт, дети, даже уже вступающие в мир взрослых, могут искренне заблуждаться, особенно если они влюблены. Если… если вам так важно их найти… дайте Дебби номер моего телефона. Попросите ее позвонить мне, я расскажу, что

услышала от них.

Та же мысль пришла в голову и Курту: использовать Джимми и Барбару для получения информации от Дебби. Но тут же он понял, что не может пойти на такое. Барбара очень хотела ему помочь, но он не мог ставить ее или Джимми под удар. Вдруг хищники доберутся до них раньше, чем он их найдет.

— Это невозможно, Барбара, — он покачал головой.

— Но, Курт, моего номера нет в телефонном справочнике. Даже если они узнают номер от нее, адреса им не заполучить. Если я могу хоть чем-то…

— Нет, Барбара, — он посмотрел на часы. — Почти десять. Нам пора.

Его взгляд ясно говорил, что спорить не о чем.

— Хорошо, Курт, — кивнула Барбара.

Они поехали на север, к Эрройо Тауэрс. На стоянке Курт заглушил двигатель. Барбара повернулась к нему.

— И что вы теперь намерены предпринять, Курт?

— Полагаю, вновь начну задавать вопросы. Ее родителям, учителям, дежурным по общежитию, подругам. Выясню, кто ее дружок… или дружки.

Потом начну разбираться с ними.

— В полицию обращаться не будете?

Курт криво усмехнулся.

— Чтобы они похлопали меня по плечу, похвалили и отправили домой и затем не ударили палец о палец? Обойдусь без полиции.

— А если занятия начнутся до того, как вы найдете ваших… хищников, Курт?

— Тогда они начнутся без меня. Я должен довести это дело до конца, Барбара.

В ее глазах отразилась тревога.

— А вы не задумывались, что произойдет, когда вы их найдете, Курт? Вы — университетский профессор, а не… профессионал рукопашного боя. Они очень жестокие, эти подростки, возможно, у них не все в порядке с головой. Они…

— Я не всегда был учителем, — и он повернулся к Барбаре. — Видите ли, Барбара, вокруг полно людей, которым нравится калечить жизни себе подобным. Старые традиции рушатся, новые не успевают прийти им на смену. И из брешей выползают хищники. Общество в большинстве своем полагает, что заниматься хищниками должна полиция, что они — неизбежное зло происходящих в обществе перемен. Но эти хищники ударили по мне. Моей жене, моему дому. Может,

я слабее других людей, может, испугался больше остальных… Испугался того, что те, кто это сделал, могут остаться безнаказанными. Не знаю. Ноя твердо уверен, что должен найти эту банду. Найти и раздавить, чтобы более они никому не причинили вреда.

По телу Барбары пробежала дрожь.

— Тогда… я все поняла. Решение принято, пути назад нет. Но… будьте осторожны, Курт. Не… совершайте поступков, последствий которых вы не можете предвидеть. Не изменяйтесь… сами.

Она пришла в его объятья, ее жаркие губы надолго сомкнулись с его. Потом выскочила из машины, наклонилась к окошку.

— Если вам понадобится помощь, Курт, я… тоже боюсь больше остальных…

Глава 25

Рик свернул на автозаправку. Его привлекала широкая, залитая асфальтом площадка, у дальнего конца которой стояли четыре телефонных будки. Тут их никто не мог подслушать. Когда он остановил «триумф», Дебби повернулась к нему, не заметив, что ее коротенькая бежевая юбка поднялась, открывая чуть ли не все бедро.

— Рики, я все-таки не понимаю, к чему такая таинственность.

— Я тебе говорил, Деб. Если он подумает, что коттедж снят несколькими девушками на неделю, он не станет выяснять, кто хозяин.

— Но если я просто скажу ему, что ты хочешь с ним поговорить, он…

— Он приведет с собой половину управления шерифа. И, как по-твоему, кому они поверят: мне или университетскому профессору? Надо все сделать так, чтобы у меня оставалась возможность уйти, если он мне не поверит.

Он вылез из машины, обошел ее, открыл дверцу со стороны Дебби. Она вошла в крайнюю из будок, закрыла за собой дверь. Рик встал спиной к ней. Если профессор дома, подумал он, они переходят к реализации намеченного плана. Завтра все и решится.

Как хорошо, что он не смотрит на меня, пронеслось в голове у Дебби. Иначе она нервничала бы еще больше. Она заставила себя бросить в щель десятицентовик, набрала номер, в душе надеясь, что не застанет профессора. Слишком уж быстро все завертелось. Своей глупостью она навлекла на Рика беду. И теперь должна загладить вину, позаботившись о его безопасности.

Трубку сняли на четвертом звонке.

— Профессор Холстид? Это…

— Я рад, что вы позвонили, Дебби, — приятный, добродушный голос. — Вы хотите мне что-то сказать?

— Я… да, сэр. Я… это… хотела бы с вами встретиться. У вас есть карандаш и бумага? — Курт ответил, что да. — Хорошо, вы знаете, где находится Сан-Конрадо?

— Маленький городок к югу от Бухты Полумесяца, не так ли?

— Да, сэр, — оказалось, что все не так уж и сложно. Ведь она помогает профессору Холстиду в его розысках. Он поймет, что напрасно подозревал Рики и его друзей, и переключится на настоящих преступников. — В десяти милях к югу от Сан-Конрадо, по Береговой автостраде, есть съезд направо. Усыпанная гравием дорога уходит в овраг. Она перегорожена высокими деревянными воротами, запертыми замком. В четверти мили от ворот, по этой дороге, находится…

— Ворота будут закрыты или открыты?

— Закрыты. Полагаю, вам придется оставить машину перед воротами и дальше пойти пешком. Мы можем встретиться там завтра в восемь вечера?

— Да, конечно. Но почему завтра? Почему там? Почему вечером?

Ответы на все эти вопросы она отрепетировала с Риком.

— Потому что я не хочу, чтобы мои родители знали, что я все еще встречаюсь с… моим приятелем. Он им не нравится. Мы с подружками арендовали этот коттедж до начала занятий. Едем туда завтра, вечером остальные собираются в кино в Санта-Крус. Я скажу, что у меня разболелась голова, так что в восемь часов буду одна.

— Понятно. А ваш приятель придет?

— Не знаю. Я постараюсь уговорить его… — она чуть не хихикнула: Рик предвидел и этот вопрос. — Он хочет прийти, но боится, что вы ему не поверите, что бы он ни сказал, постараетесь вызнать его фамилию и натравить на него полицию из-за того… что он не отказал вашей жене. Он говорит… О! — внезапно воскликнула она, как и учил ее Рик. — Пришла мама. Завтра, в восемь вечера. До встречи.

Она повесила трубку, распахнула дверь будки. Ее зеленая безрукавка прилипла к спине. Но она гордилась тем, что справилась. Хотя и терпеть не могла лгать.

— Все в порядке, дорогой! Завтра, в восемь ве-

чера, он приедет туда.

— Отлично, Деб, — итак, реализация плана началась. Следующий этап — не подпускать Деб к телефону, исключить контакт с кем бы то ни было, даже с родителями. Благо, Рик знал, что для этого нужно.

— Раз нам придется ждать до завтрашнего вечера, что ты собираешься делать сегодня?

Она лучезарно улыбнулась.

— Надеюсь, ты меня куда-нибудь пригласишь.

— Давай пробудем вместе весь день, Деб. И ночь. Поедем в коттедж, прямо сейчас… только мы, как в прошлый уик-энд. Купальники у нас в багажнике, так что…

— О, Рики, а можно?.. — Ее глаза лучились счастьем. — Я… я позвоню родителям и скажу, что поеду к Синтии на автобусе и…

— …И вернешься завтра во второй половине дня. Хотя, подожди, скажи им, что пробудешь у Синтии весь уик-энд, — Рик знал, что завтра вечером Дебби в коттедже не будет, но она не имела об этом ни малейшего понятия. Утром он найдет предлог привезти ее в Лос-Фелис. Рик напомнил себе, что надо проверить, лежит ли пистолет отца и патроны в нижнем ящике бюро. — Сегодня мы повеселимся от души, дорогая…

Садясь за руль, Рик почувствовал угрызения совести. Сегодня радость и веселье, а завтра… Но иного выхода просто не было. Он посмотрел на Дебби, счастливую, наслаждающуюся жизнью. Жертва… лидер обречен приносить жертвы. Как только они отделаются от Холстида, вопрос станет ребром: они или она…

А уж с Холстидом они разберутся без труда. Хитрый-то он хитрый, но всего лишь университетский профессор, да и староват. Дебби говорила, что ему за сорок. На него плюнешь, он и рассыплется.

Глава 26

Положив трубку, Курт еще добрых тридцать секунд стоял у телефона. Глупость какая-то. Коттедж у океана, в тридцати милях от города… Вроде бы она хотела защитить своего дружка на случай, что Курт постарается навести на него полицию… Странно…

На крупномасштабной карте округа Курт нашел Сан-Конрадо. В десяти милях от городка, в том месте, о котором она говорила, в берег вдавалась маленькая бухта. Берега, должно быть, обрывистые…

Тихое, уединенное место. Очень похожее на западню.

А потому… А потому Курту лучше поехать туда сегодня, прямо сейчас, осмотреть местность, а потом уж делать выводы.

Впрочем, кое-что он мог сказать и теперь.

Первое: Дебби не пыталась заманить его в ловушку, голос ее звучал искренне.

Второе: этот Икс, несомненно, манипулировал ею, как марионеткой.

Третье: шестое чувство подсказывало ему: Икс — один из хищников, что напали на Рокуэлла и изнасиловали Паулу.

Четвертое: если Икс и его дружки виновны, они видят в Курте смертельно опасного врага.

Пятое: коттедж в глубоком овраге больше подходит для нападения, а не переговоров.

Шестое: нападут, с тем чтобы убить.

Но что же тогда будет с Дебби, подумал Курт. Что они задумали сделать с ней после его исчезновения? Но как он мог предугадать ход их мыслей? Подростки, детские мозги в уже созревших телах. Да кто мог знать, что они учудят? Они сами не знают, что будут делать через минуту. Эта банда, если хищники именно они, опасна, как пластиковая взрывчатка. Тем не менее он

должен провести разведку.

Курт взглянул на часы. А чего, собственно, он ждет? Недели и месяцы он только и думал об этой встрече, не так ли? Перед его мысленным взором возникло обеспокоенное лицо Барбары, он услышал ее слова: «Вы же университетский профессор, а не профессионал рукопашного боя. Они очень жестокие, эти подростки, возможно, у них не все в порядке с головой…»

Курт хмыкнул, вышел из дома, сел в «фольксваген».

По Ла-Хонда-роуд выехал на Дорогу 84, которая сквозь густые леса привела его к Сан-Конрадо. По пути он внезапно понял, что, строя планы, полностью упустил из виду такую их составляющую, как собственные эмоции. И испугался. Кто бы ни были эти хищники, почувствовав опасность, они нападают первыми и бьют, не зная жалости. Если дружок Дебби один из них, вероятно, главарь, тогда завтра вечером…

Кого растопчут морально и физически? Кто уцелеет? Даже здоровяк Монти Уорден и тот заявил, что не хотел бы сталкиваться лицом к лицу с бандой разъяренных подростков.

От Сан-Конрадо он поехал на юг по серпантину Береговой автострады. Она то огибала горы, то

взбиралась на склоны. Девять миль спустя он сбавил скорость, начал высматривать усыпанную гравием дорогу. Еще одна проблема волновала его: абсолютная уверенность Дебби в том, что ее дружка он подозревает напрасно. Но, как сказала Барбара, влюбленных так легко обвести вокруг пальца. А согласиться с Дебби — значит признать, что цепочка событий, начавшаяся избиением Рокуэлла, не более чем совпадения.

Курт резко затормозил, увидев с правой стороны деревянные ворота, запертые на большой замок. Затем поехал дальше. В двухстах ярдах автострада круто поворачивала. Ворота давно исчезли из виду. Курт вылез из машины, вернулся к воротам. С одной стороны автостраду ограничивал крутой склон, с другой — обрыв, уходящий к океану.

Густая листва полностью скрывала овраг, коттедж, бухту. Опасный участок, подумал Курт, особенно в туман.

На воротах висела табличка:

«ЧАСТНАЯ ДОРОГА — ВЪЕЗД ВОСПРЕЩЕН».

Курт нырнул в кусты. По обеим сторонам дороги строители предусмотрительно прорыли глубокие канавы — для стока воды. А далее вздымались заросшие кустами склоны оврага. Самое

место для снайпера с винтовкой.

Спускался Курт короткими перебежками, хотя и сомневался, что найдет кого-либо в коттедже. Внизу, спрятавшись за деревом, он постоял, дожидаясь, пока не успокоится сердцебиение. Сердце стучало как паровой молот. Курт улыбнулся: нормальная реакция. Он всегда шел в бой, испуганный донельзя. И хорошо, страх обострял реакцию. Во всяком случае, ему казалось, что это так.

Он внимательно осмотрел поляну, на которой построили коттедж. Слева лес заметно редел, деревья сменяли кусты, за которыми футов на пятьдесят вздымался обрыв. Справа деревья стояли стеной.

Миновав коттедж, Курт, цепляясь за кусты, спустился вниз, к белоснежным дюнам. На пляже никого. Волны мерно накатывались на берег. Буруны белели далеко за устьем, указывая на то, что глубина невелика и дно заросло плотным ковром водорослей.

Превосходная западня. Конечно, на площадку у коттеджа можно попасть и по склону оврага. Хороший пловец мог добраться до бухты с соседнего пляжа. Но нормальный, ничего не подозревающий человек спустился бы по дороге, чтобы

оказаться на мушке у снайпера…

Курт поднялся к коттеджу. Да, никого. Минут десять походил вокруг, заглянул в окна, благо занавески отсутствовали, нашел распределительный щит с пробками. Затем вернулся на автостраду. Обойдя ворота, зашагал к «фольксвагену». Привалившись к крылу, оценил ширину хребта, ограничивающего слева бухту, в которой он только что побывал, внимательно пригляделся к ее правой границе. Человек мог добраться там до океана, а затем с нужным снаряжением: маска, дыхательная трубка, гидрокостюм, ласты — доплыть до песчаного пляжа. В конце концов, в коммандос готовили и к операциям на воде.

Но завтра-то придется спускаться по дороге. Рискованно, но…

Риск, однако, существенно уменьшался, если б его прикрывал напарник.

Настроение Курта улучшилось. Он же сможет нанять Эндрю Мэтьюза! Постой, постой. У Метьюза лицензия. Он наверняка откажется, узнав, что Курт намерен лично разделаться с хищниками. Тогда остается Флойд Престон. Престон, бывший инструктор рукопашного боя, с радостью согласится.

Проезжая мимо ворот, он не заметил следы

шин «триумфа» Рика, перекрывающие отпечатки его ботинок. Рик и Дебби разминулись с ним на какие-то пять минут.

— Это западня, — согласился Престон.

До этого Курт полчаса рассказывал ему о том, что увидел у коттеджа.

— Полной уверенности у меня, Флойд, нет. Если я приду туда завтра вечером, вполне возможно, что найду там только Дебби…

— … или получишь пулю в спину, спускаясь по дороге. Если залечь в лесу с хорошей винтовкой…

— Я не получу пулю, если меня прикроет второй человек.

Престон словно и не услышал предложения Курта. В узких серых брюках, футболке, обтягивающей его мускулистый торс… таким, наверное, представляли подростки супермена.

— Не ходи туда, Курт. А если пойдешь, возьми с собой сержанта Уордена.

— Это невозможно, Флойд. Он уже высказал свое отношение. Раз закон бессилен, то и мне нечего соваться, а не то я наживу себе неприятности. Нет, мы справимся вдвоем. Ты меня прикроешь, позаботишься о том, чтобы мне не выстрелили в спину, и… — он замолчал, увидев,

как изменилось лицо Престона.

— Знаешь, Курт, я с тобой не пойду.

— Но… я думал… — кровь бросилась ему в голову. — Я хочу сказать… тебе же это не…

— Дело в том, Курт, что я не вижу в этом смысла. Если это банда, они играют не в бирюльки. Кого-нибудь изувечат, а то и убьют. Тебя они крепко достали, меня — нет. Я же переквалифицировался в бизнесмены и не хочу больше участвовать в таких делах… — он покачал головой. — У меня есть гидрокостюм, маска и ласты. Ты можешь их взять, если решишь добираться вплавь, но на меня не рассчитывай…

Оставив при себе резкие слова, которые он мог бы обрушить на Флойда, Курт повернулся и вышел из кабинета. Злость так и кипела в нем, пока он ехал до дому. А выходя из «фольксвагена», он мысленно выругал себя за наивность. Почему Престон должен помогать ему в его личной vendetta? Злость ушла, остался только страх.

Все то же противоречие с «Руководством по рукопашному бою». В «Руководстве» ты бросаешь людей через голову, закалываешь их ножом, и противники твои не более чем манекены. В реальности часовой изо всех сил сопротивляется, а на тебя накатывает волна страха и пота. Теорети-

чески ясно, как найти, обезоружить и растоптать хищников. В жизни испуганный сорокатрехлетний мужчина оказывается с ними один на один. Момент истины, и он к нему не готов. В этом необходимо честно признаться.

Курт прошел на кухню, налил стакан красного вина, впервые после смерти Паулы. Вернулся в гостиную, пригубил вино, постоял у окна, глядя на залитое солнцем поле для гольфа.

Какова же альтернатива? Сдаться, как предлагает Престон. Есть ли у него серьезная причина для завтрашней поездки к коттеджу? Нет. Никто, кроме него самого, не хотел, чтобы он вел эти розыски. На следующей неделе он может позвонить Дебби Марсден и сказать… сказать, что полученная им новая информация свидетельствует о непричастности к случившемуся ее дружка. На этом будет поставлена точка. Никто больше не будет втянут в эту историю, не появятся новые изувеченные, новые покойники. Если кто-то и расставлял ему западню, о ней все забудут.

А сегодня? Позвонить Барбаре, чтобы она сказала ему, что он сделал правильный выбор? Нет, звонить он не будет. Но Курт уже знал, что и следующим вечером он никуда не пойдет. Взбодрившись, он отнес практически полный стакан

на кухню и вылил вино в раковину.

Глава 27

Хулио закрыл ворота гаража и заложил их деревянным брусом. Его глаза алчно сверкнули. Толстяк, склонившийся над раскуроченным мотором «форда», поднял голову, посмотрел на него. Автомобиль стоял посреди гаража, без капота, над лужей темного масла. Толстяк вытер руки ветошью, под светом свисающей с потолка лампочки тускло блестел его перстень с черепом и скрещенными костями. Чемп поднялся со стула у верстака.

— Едут, — объявил Хулио.

Они прислушались. Заскрипел гравий под колесами поворачивающего на подъездную дорожку «триумфа», все громче слышалось урчание мотора, скрипнули тормоза, мотор заглох. Хлопнула дверца, вторая. Голос Дебби. Заскрипев, повернулась ручка. В открытую дверь хлынул поток света.

— Как тут темно! — воскликнула Дебби.

Она была в той же одежде, что и вчера: бежевая мини-юбка, зеленая безрукавка, сандалии. Голос Рика звенел, как натянутая струна.

— Господа, представляю вам мисс Дебору Марсден![12]

— Глупый, — Дебби хихикнула. — Я же их всех знаю.

Но Рик продолжал ломать комедию.

— Справа от меня, у верстака, мистер Эрнест «Чемпион» Матер, у которого самые сильные руки и самый маленький мозг во всей Северной Калифорнии. Чемп, поздоровайся с дамой.

Хулио ему все растолковал, но Чемпу все еще казалось, что Дебби — девушка Рика. Однако… он плотоядно улыбнулся, оглядывая ее с головы до ног, поиграл гигантскими бицепсами.

— Рядом с «фордом» не бочка с маслом, а Делмер Толстяк Гандер. Мы находимся на земле, принадлежащей его старику, но этот уик-энд он посвятил рыбалке. Толстяк, поклонись.

Вместо поклона Толстяк, обильно потеющий, громко рыгнул. Хулио залился истерическим смехом. Рик указал на него.

— А это Хулио Эскобар, который заявляет, что из всех парней, учившихся в средней школе Лос-Фелиса, он — единственный, кто не залезал к тебе под юбку. Он говорит…

---

[12] Примечания: 12

В английском языке глагол «give» означает как отдаю, так и представляю (в данном контексте).

— Рик, это же ложь! Я… — Дебби замолчала, покраснев как помидор. Она решила, что Рик подначивает ее, но заметила испарину, выступившую на лице Рика, и внезапно ей стало не по себе. Так что Дебби услышала совсем не то, что имел в виду Рик. — Послушай, возьми нужный тебе инструмент да поедем обратно… если мы хотим провести этот день…

Она не договорила, потому что Рик остановил ее, когда она хотела повернуться к двери, чтобы уйти.

— Задержимся еще на минуту, Деб.

— Но… почему? — Она переводила взгляд с одного лица на другое, в предчувствии неладного.

— Потому что ты якшаешься с профессором Холстадом! — воскликнул Хулио, шагнув к ней. — Потому что из-за тебя нам грозит опасность!

— Из-за меня… опасность… — она уже перепугалась по-настоящему. Может, они накурились травки или нанюхались какой-то дряни, о чем иной раз рассказывали девочки в общежитии. И тут ее осенило. — Так это вы! — выкрикнула она в лицо Хулио. — Вы трое, ты, Толстяк и Чемп, вы… изнасиловали ее? Как профессор и…

— Нам пришлось, Дебби, — ответил ей Рик, не Хулио, и на мгновение он и Дебби застыли, глядя

друг на друга, не видя остальных. И выражение глаз Дебби заставило Рика продолжить: — Она видела меня, когда я пинал этого гомика. А в ту ночь она… сама этого хотела…

Дебби метнулась к двери, застав их врасплох. Ей даже удалось открыть ее, но крикнуть она ничего не успела.

Рик схватил девушку и затащил обратно в гараж.

— Видишь? — прошипел Хулио. — Видишь, какая она? Теперь ты понимаешь, почему ей надо заткнуть рот?

Дебби смотрела на Рика, в его налитые кровью глаза. Мир для нее рухнул. А Рик отшвырнул ее Чемпу. Его пальцы сомкнулись на ее руках, как стальные кандалы.

— Рики… — взмолилась Дебби. — О Господи, пожалуйста, Рики, не…

— Вам бы лучше… сначала заткнуть ей рот, — лицо его стало белым, как мел, в двенадцать секунд он постарел на столько же лет. — И не забудьте связать ее после того… как закончите. Я… буду ждать вас в коттедже.

Горящая рука Толстяка зажала рот Дебби. Ее глаза выкатились из орбит, как у оказавшейся в огненном кольце кобылы, когда она увидела,

что Хулио вытаскивает из-под верстака старый матрац. Он бросил его на пол рядом с «фордом» и начал снимать штаны.

— Я — второй, — донесся из-за спины голос Чемпа.

Она услышала, как за Риком закрылась дверь.

Чьи-то руки грубо швырнули ее на матрац, ей в рот засунули пахнущую маслом ветошь, жадные пальцы расстегнули пояс юбки, сдернули ее, потом трусики…

И прошло много времени, прежде чем она провалилась в небытие.

Проснувшись, Курт едва заставил себя подняться с кровати. Нет сил, внутри пустота. Попытался убедить себя, что этим вечером должен поехать в коттедж, встретиться с Дебби, может, с хищниками, но в душе понимал, что все это пустые разговоры. И никуда он не поедет. Может, дело в том, что ему недоставало ненависти или злости? А может, годы взяли свое. Если даже Престон боится идти с ним…

Начнутся занятия, думал он, он будет читать лекции, вести семинары, с головой уйдет в учебный процесс. Может, возьмется-таки за книгу. Может…

Зазвонил телефон. Часы показывали 1.47 по-

полудни.

— Курт Холстид слушает.

— Не надо туда ехать! Не надо! Они будут вас ждать, все вместе!

Курт сразу узнал слабый, полный душевной боли голос.

— Дебби, что они с вами сделали? Где…

— Они… не остановятся… ни перед чем… — от истерических ноток в ее голосе у него на лице выступил пот. — Тут матрац… они по очереди…

Он постарался говорить как можно спокойнее.

— Дебби, все будет в порядке, не волнуйтесь, только скажите мне, где…

— Рики просто… оставил меня с ними. Он просто… — голос ее сорвался. — Пожалуйста, пожалуйста… помогите мне…

Курт рукой смахнул пот, заливавший глаза, схватил телефонный справочник.

— Дебби, где вы?

— Я… в доме у Толстяка… Они… они…

— Не волнуйтесь, Дебби, все образуется. Говорите, у Толстяка? А как его фамилия?

— Толстяк, — голос стал бесстрастным, лишенным эмоций. — Толстяк Ган дер. Пожалуйста, помогите мне.

— Гандер, — палец Курта бежал по колонке

фамилий, начинающихся с буквы Г. Только один Гандер. Чарлз. — Дебби, это дом триста восемьдесят семь по Куэста-авеню?

Никакого ответа.

— Дебби, дорогая, вы на Куэста-авеню?

Тишина.

Курт быстро принял решение. Положил трубку рядом с телефонным справочником и побежал к машине. Сверился с картой. Куэста. Север. Погнал «фольксваген» к Энтрада, вырулил на Эль-Камино. Только один Гандер в справочнике, значит, второго просто нет. Не должно быть. А если и есть, он, вернее, полиция, найдет Дебби по номеру телефона с помощью телефонной станции. Господи. Они применили тот же прием, теперь он отлично понимал ход их мыслей. В прошлый раз женщина покончила с собой. Теперь же Дебби будет держать рот на замке.

Да еще они немного позабавились. Очень мило позабавились.

Господи. А начало этому положил он, Курт. Теперь он не мог не довести дело до конца. Какой же он все-таки наивный, если вчера вечером решил, что может выйти из игры и поднятая им волна спадет сама по себе? А он-то полагал, что Дебби ничего не грозит…

У самого поворота с Пятой авеню на Куэста он вспомнил, что не вызвал «скорую помощь» и полицию. Может, далее ему незачем действовать в одиночку? Пора привлекать профессионалов: хищники наконец-то подставились. Жертва опознает их и даст нужные показания.

Но Курт даже не сбавил скорость. Как там сказал Уорден? «О-пи крупно повезет, если их приговорят на год условно и выпустят родителям на поруки». Гарольд Рокуэлл: слепой. Паула Холстид: в могиле. Барбара: запугана. Дебби: изнасилована. Нет уж, за это надо отомстить. Отомстить лично. Чтобы они почувствовали, каково быть жертвой.

Непритязательного вида бунгало стояло на заросшем сорняками участке площадью в полакра. Курт оставил «фольксваген» на подъездной дорожке, бросился к дому. Дверь заперта.

Обежал дом, нашел дверь черного хода, вышиб ее ногой, оказался на кухне. Увидел швабру, переломил ее пополам. Получилась увесистая дубинка. Пересек кухню, полную зеленых мух, жужжащих над грязными тарелками. Жена умерла или сбежала, отец и сын чистоту не жаловали. Чарлз Гандер и его сын Толстяк. Отец скорее всего уехал на уик-энд…

Он вышел из дома. Не тот Гандер? Но…

Гараж. Ворота закрыты. Он двинулся дальше. Проведен ли в гараж телефон? Вроде бы да… Он приник ухом к боковой двери. Позвал Дебби.

Изнутри не донеслось ни звука. И окна закрашены черной краской. Дубинкой он разбил одну из панелей. Но все равно ничего не увидел. Отступил на шаг, выбил остальные панели. Посреди гаража стоял полуразобранный «форд». Рядом, у лужи масла, лежал старый, грязный матрац. Ему вспомнились слова Дебби: «Тут матрац… они по очереди…»

Дебби, сжавшись в комок, сидела в дальнем углу, наполовину скрытая верстаком. В руках она все еще держала телефонную трубку, уставившись в никуда.

— Дебби? — Она не повернула головы.

Курт отодвинул задвижку, раскрыл рамы, влез в гараж. Обнаженная грудь Дебби быстро-быстро поднималась и опускалась, единственный признак того, что она не умерла. Ноги стягивала веревка. В какой-то момент, возможно, перед тем как позвонить ему, она нашла перемазанную грязью и кровью мини-юбку и прикрыла ею срам. Теперь, похоже, ей было не до приличий. Несколько пятен крови виднелись и на матраце.

Темные пятна тянулись по бетонному полу, от матраца в угол, где сидела Дебби. Что-то темное покрывало ее запястья, кисти рук, локти.

Курт коротко выругался, шагнул к ней, испугавшись, что она, как Паула, вскрыла вены.

Но нет. На руках ее была не кровь: масло. Масло сделало ее кожу скользкой, и она смогла стянуть с рук веревки, вытащить изо рта эту грязную тряпку, которую они использовали как кляп. Сильный же характер у этой девушки, если, едва не впадая в истерику, она все это сделала. Сколько времени ушло у нее на то, чтобы придумать, как освободиться. Сколько времени она добиралась до телефона, чтобы набрать номер Курта?

Он похвалил себя за то, что не обратился в полицию. Если б она хотела, чтобы вмешались копы, она позвонила бы им, а не ему.

— Дебби, — мягко обратился он к девушке, — я хочу взять трубку. Я возьму только ее, не касаясь тебя. Хорошо?

Она никак не отреагировала на его слова, продолжая смотреть в никуда, но пальцы ее разжались, как только Курт взялся за трубку. Рука упала на грязную юбку.

Осторожно, без резких движений, словно человек, старающийся не испугать дикое животное,

Курт отнес телефон к другому концу верстака. Узнал в справочной нужный ему номер, позвонил, не отрывая глаз от Дебби.

— Центральная окружная больница.

— Пожалуйста, соедините меня с Барбарой Андерсон. Она медицинская сестра. Ее смена заканчивается в три часа дня. К сожалению, я не знаю корпуса и отделения, в котором она работает. Я звоню по очень важному делу, лично касающемуся миссис Андерсон.

Телефонистка больничного коммутатора, похоже, прекрасно знала, как реагировать на подобные просьбы. Не прошло и тридцати секунд, как он услышал взволнованный голос Барбары, желавшей знать, что случилось с Джимми.

— Ничего. Это Курт. Слушайте внимательно, Барбара, повторить я не успею. Теперь они изнасиловали девушку, ту самую, о которой я вам рассказывал, Дебби Марсден. В гараже у дома триста восемьдесят семь по Куэста-авеню. Ка-у-э-эс-т-а. Она жива и в сознании, но находится в ступоре, очень бледная, дыхание учащенное. Кровотечение было, но, похоже, незначительное. Ей нужно…

— Я тотчас же направляю к вам машину «скорой помощи», — оборвала его Барбара.

— Хорошо, — Курт по-прежнему смотрел на Дебби. — Вы сможете до завтра не подпускать к ней полицию?

Последовала пауза.

— Если она в таком состоянии, как вы говорите, доктор наверняка даст ей снотворное и успокаивающее. Но…

— Мне нужен сегодняшний вечер. Я знаю, где они. Они меня ждут. Не хочу их разочаровывать.

— Понятно, — она помолчала. — Вы полагаете…

— Совершенно верно.

Перед Куртом возникло ее лицо. Он заглянул в зеленые глаза.

— Я это сделаю. Буду ждать вас, Курт.

— Хорошо, — и он положил трубку.

Курт распахнул ворота, постоял у гаража, пока не услышал приближающейся сирены, затем зашагал к «фольксвагену». Тронул автомобиль с места, как только увидел повернувшую на Куэста-авеню машину «скорой помощи». Поехал на север, к дому Престона в Редвуд-Сити. Локтем разбил стекло в двери кухни, потратил восемь минут на поиски подводного снаряжения.

Дома обернул фонарь изолентой, чтобы внутрь не попала вода, долго рылся в сундуке в кабинете,

пока не нашел нож, с которым не расставался всю войну. Пятнадцать минут затачивал его. С тонким острием, обоюдоострым лезвием. Он должен зарезать их, одного за другим, как свиней. Сегодня, решил Курт, они умрут или умрет он.

Наконец, он заглянул в календарь. Время восхода луны, начало прилива, захода солнца. Планируя операцию, он начисто забыл о страхе.

Со дня самоубийства Паулы прошло восемнадцать недель.

Глава 28

В тени деревьев, неподалеку от коттеджа, Чемп Матер встал и потянулся, наслаждаясь игрой могучих мышц. Фосфорисцирующие стрелки часов показывали 8.45. Этот Холстид опаздывал чуть ли не на час. Еще немного, и станет так темно, что он не увидит Холстида, если тот появится на дороге. Жаль, Рик так хорошо все спланировал. Чемп — у коттеджа, Хулио — наверху, у ворот. Толстяк — за дверью, готовый открыть ее на стук Холстида.

Чего же он не идет?

Легкий скрип гравия заставил Чемпа присесть. За «триумфом» он с трудом разглядел приближающуюся человеческую фигуру… Ну и умен же

этот Рик, оставил «триумф» на виду, а «шеви» велел спрятать за коттедж.

Холстид наверняка решит, что в коттедже лишь Рик и Дебби, и прямиком направится к двери. А уж внутри они с ним разберутся.

Чемп облизал губы, вспоминая прошедший день. Дебби-то оказалась получше старухи, которую они трахнули весной. Особенно понравился ему ее взгляд. Совсем как у кролика с перебитыми дробью задними ногами — когда подходишь к нему, берешь в руки и начинаешь медленно сворачивать голову, чувствуя, как одна за одной ломаются косточки и хрящи.

Эта Дебби, она с неделю не сможет сдвинуть ноги. Он залезал на нее четырежды. Хулио только раз. Толстяк — два, раздавливая ее своей массой.

— Хороший же ты часовой? Хулио стоял в шаге от него. Черт! С этими воспоминаниями он позабыл, что надо следить за дорогой.

— Эй, Хулио, профессор еще не появился?

— Я думаю, он и не появится. Чего ты смеялся, Чемп?

— Вспоминал, как мы долбили сегодня Дебби.

— А-а, — протянул Хулио. — Пойдем в дом. Уже так темно, что ему понадобится фонарь, чтобы не сбиться с дороги.

— Скоро должна взойти луна.

Хулио повел Чемпа к двери черного хода. «Вспоминал, как мы долбили Дебби». По его телу пробежала дрожь, он едва не перекрестился. Да уж, он никогда этого не забудет. Чудовищная ошибка. В каком-то смысле он завидовал Чемпу. Чемп просто не понимает, что они натворили.

Он постучал. Мгновение спустя из-за двери показалась жирная, испуганная физиономия Толстяка. Его губы блестели от жира: на столе лежал нарезанный хлеб, сыр, стояли открытые банки майонеза и ветчины. Толстяк готовил сандвичи.

— А, это вы, — в голосе его слышалось облегчение. — Думаете, он не придет, так?

— Тебя, похоже, это только радует, — фыркнул Хулио.

Он прошел в гостиную, борясь с приступом тошноты, вызванным внезапно возникшими перед его мысленным взором огромными бледными ягодицами Толстяка, колышущимися между колен Дебби. Рик привалился к стене у двери, сжав рукой автоматический пистолет. Ударить Холстида рукояткой по голове, затем, отключившегося, отнести в бухту и утопить. Все лучше, чем застрелить. Рик и Толстяк, отличные пловцы, отбуксировали бы тело к устью бухты,

где и отправили бы на дно. Если б его и обнаружили, все бы решили, что он упал с обрыва. Такое случается сплошь и рядом. Простенько и без затей. Для реализации плана не хватало самой малости: Холстида.

— Почему вы здесь? — резко спросил Рик.

Может, подумал Хулио, он допустил ошибку, отдав Рику предсмертную записку Паулы, которую нашел в сумочке Дебби.

— Слушай, Рик, он не придет. Во всяком случае, сейчас. А если и придет, мы…

— Он должен прийти! — отрезал Рик. — Не может не прийти!

Хулио пожал плечами.

— Значит, он струсил. Мы все равно доберемся до него. Найдем другой способ.

— Он должен прийти этим вечером! — Рик возвысил голос: — Чемп! Возвращайся на свой пост. — Чемп кивнул.

— Хорошо, Рик. Только сделаю себе сандвич и…

— Иди немедленно! Толстяк принесет тебе сандвич.

— Хорошо, — Чемп признавал за Риком право отдавать приказы. Он знал, что Рик куда умнее его.

Хулио наблюдал, как Рик сел на диван, положил пистолет, кольт тридцать второго калибра[13], рядом с собой. Достал из кармана предсмертную записку Паулы, развернул, вновь перечитал. Хулио охватил страх. Ну почему он не оставил записку в сумочке Дебби? Почему остальные послушались его? А если она сойдет с ума, связанная, с кляпом во рту, с глазами, как у актеров в фильмах ужасов, когда кого-то из них суют в раскаленную печь?

Хулио откашлялся.

— Рик, если этот Холстид не появится, не следует ли кому-то из нас съездить в Лос-Фелис и развязать Дебби? Она все равно никому ничего не скажет, так что…

— Дебби? — По тону чувствовалось, что Рик начисто вычеркнул из памяти Дебби, загнал воспоминания о ней в самые дальние уголки сознания. — С Дебби мы допустили ошибку.

— Об этом я и толкую, Рик. Мы должны…

Нога Рика задергалась.

— Напрасно мы оставили ее в гараже. Следовало привезти ее сюда и утопить вместе с Холстидом.

— Утопить… — у Хулио перехватило дыха-

[13] Примечания: 13

Тридцать второй калибр соответствует патрону диаметром 0,32 дюйма (8 мм).

ние. — Слушай, в кого… в кого мы превращаемся? С каждым шагом мы все глубже увязаем в трясине, вместо того чтобы…

Свет погас.

Чемп резко обернулся. Какого черта? Почему они погасили свет? Оставаться ему на месте? А если Холстид, проскользнув незамеченным, уже в доме? Чемп не хотел пропускать самое интересное. Может…

Темная фигура выскользнула из-за угла коттеджа, пересекла открытое пространство, исчезла за «триумфом». Глаза Чемпа уже приспособились к слабому свету поднявшейся луны.

— Рик? — позвал Чемп. — Хулио? Эй…

Никакого ответа. Пальцы Чемпа сжались в кулаки. Он не знал, что и делать. Это не Толстяк. Толстяк так быстро не бегает. Не Рик, не Хулио.

Значит, Холстид. Чемп направился к «триумфу», не спеша, не скрываясь, словно танк, сметающий все на своем пути. Если это Холстид, Чемп ему врежет. Мало не покажется.

Но у автомобиля он никого не обнаружил. Может, Холстид спрятался под днищем? Чемп наклонился, и в изумлении у него отвисла челюсть. Все четыре колеса проколоты. Какого черта… И где этот…

Шелест листвы на краю поляны заставил его повернуться к обрыву. Темная фигура исчезла среди кустов. Чемп шагнул к обрыву, остановился. Как же Холстид забрался туда? Его нельзя выпускать на дорогу. И надо предупредить Рика. Чемп повернулся к коттеджу.

— Эй, Рик! Сюда! Я его видел! Скорее!

И Чемп побежал через поляну к обрыву. Врезался в кусты, остановился, прислушался.

А в коттедже Толстяк, объяснявший Рику и Хулио, что все дело в выбитых пробках, замолчал на полуслове. Он уже зажег керосиновую лампу, так что они видели друг друга. Услышав крики Чемпа, Рик побледнел и надвинулся на Толстяка.

— Идиот! — проревел он. — Пробки, пробки! Это он! Холстид!

— Пошли! — дернул его за рукав Хулио. — Мы должны помочь Чемпу!..

Но, выбежав из коттеджа, Чемпа они не увидели. Луна, поднявшаяся уже достаточно высоко, заливала поляну ровным светом. Внизу шумели волны, накатывающиеся на скалы, ограждающие устье бухты. Но ни Чемпа, ни Холстида они не обнаружили.

Рик, с фонарем в одной руке и пистолетом в другой, метнулся к автомобилю.

— Всем в тень! — приказал он. — Иначе он перестреляет нас, как цыплят.

Присев рядом с ним, Хулио спросил:

— Ты думаешь, он вооружен?

— А на его месте ты бы пришел сюда без оружия?

— Вон он! — крикнул Толстяк. — Я его вижу! На обрыве!

Темная тень плавно двигалась по обрыву в двадцати футах над кустами. Рик выскочил из-за автомобиля, поднял пистолет, нажал на спусковой крючок. Но спусковой крючок не сдвинулся с места. Рик опустил пистолет, тупо посмотрел на него, сообразил, что забыл снять его с предохранителя, поднял пистолет. И жал и жал на спусковой крючок. При каждом выстреле легкий пистолет отбрасывало вверх и в сторону. После восьмого выстрела Хулио схватил Рика за руку.

— Ради Бога, успокойся. Чемп полез за ним.

Но он и так расстрелял всю обойму. Маленькая фигурка исчезла в тени в сорока футах над поляной. Ниже он увидел фигуру побольше, Чемпа, неторопливо поднимающегося следом.

— Пошли, мы должны ему помочь…

— Нет! — оборвал Рик Хулио. Показал на пистолет. — Я расстрелял всю обойму. Сначала надо

перезарядить пистолет, а потом…

— Но мы не можем оставить Чемпа одного…

— И мы не можем позволить ему перебить нас поодиночке.

— Мы должны проверить машины, — вмешался Толстяк. Лицо его блестело от пота. — Понимаете, если он что-то сделал с машинами…

— Сначала надо перезарядить пистолет! — подвел черту под дискуссией Рик.

— А как же Чемп? — вскричал Хулио. — Он же там, наверху…

В пятидесяти футах над ними железные пальцы Чемпа вцепились в скальный выступ. Он полулежал на узкой тропе у самого гребня. Холстид где-то рядом. Но справа или слева?

Чемп затаил дыхание, прислушался. Далеко внизу, на залитой лунным светом поляне, он видел остальную троицу. Его друзья о чем-то жарко спорили. Он слышал их голоса, но не мог разобрать слов. Затем они повернулись к «триумфу». Чемп буквально раздулся от гордости.

Они оставили ему Холстида! Они уверены, что он не подкачает! Рик знал, как сделать человеку приятное.

Слева что-то зашуршало, словно маленький камушек выскользнул из-под ноги и полетел вниз.

Звук не повторился, но Чемп и так все понял. Холстид! Втянув голову в плечи, набычившись, Чемп осторожно двинулся вперед, к скале, скрывавшей от охотника ничего не подозревающую добычу.

Глава 29

Курт миновал устье бухты при последних лучах заходящего солнца, отражающихся от воды, и наблюдателю заметить что-либо на ее поверхности было крайне затруднительно… Заплыв дался ему нелегко: мешали водоросли, густым слоем устилавшие дно и тянущиеся вверх. Без маски, трубки и ласт, позаимствованных у Престона, он, наверное, не доплыл бы до берега. Гидрокостюм надежно предохранял его от довольно прохладной воды.

Впрочем, за морем никто и не наблюдал. Полоску песка Курт преодолел ползком, хотя никто не выглянул из освещенных окон. Добравшись до кустов, снял гидрокостюм, переоделся в сухую одежду, лежавшую в водонепроницаемом пакете, который он тоже взял у Престона. Черный свитер под горло, черные джинсы, горные башмаки, окованные по ранту металлом. Нож висел у него на поясе за спиной.

Медленно, осторожно поднялся он на поляну, ловя каждый звук. У усыпанной гравием дороги присел, вглядываясь в темноту. Первое дело: обнаружить вражеских снайперов, более всего тревожащих его. Почему они не следили за берегом? Причин могло быть две: или они уже засекли его, или проявили непростительную беззаботность. Впрочем, волнения не отвлекали Курта от главного: определиться с часовыми, а потом вывести из строя «триумф», припаркованный на самом виду, и второй автомобиль, наверняка спрятанный где-то за домом.

Услышав скрип гравия, Курт замер, словно статуя. Хулио прошел от него так близко, что при желании он мог бы протянуть руку и сбить его с ног. Он этого не сделал. Зато выслушал весь разговор Хулио и Чемпа, скрипнув зубами, когда Чемп весело вспоминал о том, как они «долбили» Дебби. Теперь он знал не только, кто они — Рик, Толстяк, Хулио, Чемп, но и где находятся в данный момент. И туг Чемп и Хулио исчезли за углом, предоставив ему возможность заняться «триумфом».

Он подбежал к автомобилю. Не успела еще закрыться дверь кухни, а он уже проткнул одну шину. Он пропорол все четыре, затем обошел дом

с другой стороны. Тут, за елями, он обнаружил «шеви»-пикап. Осторожно поднял капот, перерезал все провода.

Если только Рик, несомненно главарь, не полный идиот, часовой должен вернуться на прежнее место, подумал Курт. И действительно, открылась дверь кухни, из коттеджа вышел Чемп. Курт мог бы тут же перерезать ему горло, но по плану следовало вырубить свет.

Низко согнувшись, чтобы его не увидели из окон, он подобрался к распределительному щиту. Открыл дверцу металлического ящика, выдержал долгую, с минуту, паузу, прокручивая в памяти последующие действия. Луна могла вот-вот выйти из облаков. К тому времени ему хотелось уже укрыться в кустах.

Зажав нож зубами, он сунул в карман запасные пробки, лежавшие на дне ящика. Затем быстро вывернул пробки со щита. В доме тут же погас свет, послышались громкие голоса. Засунув в карман и эти пробки, Курт дважды полоснул ножом по уже обесточенным проводам, вырезав кусок в два фута.

И побежал мимо кухонной двери, через поляну к «триумфу». В двух ярдах от автомобиля упал на землю и откатился в сторону. Теперь «триумф»

был между ним и Чемпом. В кустах он выкинул пробки и затаился.

Чтобы принять решение, Чемпу понадобилось шестьдесят секунд. Он подошел к автомобилю, начал оглядываться. Вероятно, на открытой местности хищники чувствовали себя не столь уж уверенно. Курту пришлось потрясти куст, чтобы привлечь внимание Чемпа. После этого он побежал к обрыву. Да, похоже, подъем не вызовет особых проблем. Он услышал, как Чемп позвал Рика, и начал карабкаться наверх. Опасно, конечно, если у них есть оружие, но Курт знал, сколь сложно целиться в обманчивом лунном свете. А он должен увлечь их за собой, заставить броситься следом.

Курт был уже у самого гребня, когда Рик открыл огонь. Восемь выстрелов, по звуку, из пистолета тридцать второго калибра, ни одна пуля не просвистела поблизости. На гребне он обернулся. Парень с пистолетом стрелял с дальнего края поляны, с расстояния больше чем в пятьдесят ярдов. Стоило ли удивляться, что пули улетели в небо.

Курт посмотрел вниз, преследователь приближался. Здоровяк, которого звали Чемп. Четыре минуты, и он поднимется на гребень. Остальные, сбившись в кучку, направились к коттеджу.

Просто невероятно… хотя, возможно, они хотели перезарядить пистолет. Потом свернули к «триумфу». Фонариком осветили спущенные шины, на время потеряв способность видеть в темноте.

Курту стало не по себе. Хищники. Он готовился встретить леопардов, а наткнулся на гиен. Разумеется, опасных, особенно, если их загнали в угол, но… хищники ли они? Скорее пожиратели падали. Какая, впрочем, разница, сказал он себе. Все равно он убьет их одного за другим, чтобы каждый знал, что расплата неотвратима, и со страхом ждал, когда же придет его черед.

Чуть левее от него огромный валун сужал идущую по гребню тропу до фута с небольшим. Чтобы обогнуть валун, Курту пришлось красться, прижимаясь к нему спиной. Он сразу понял, как использовать валун в своих целях.

Передвижения Чемпа он отслеживал по звукам: скрип подошвы по камню, тяжелый вздох, сдавленное ругательство. Неужели Чемп думал, что поднимается бесшумно и может захватить Курта врасплох? Или, уверенный в своих силах, плевать он хотел, слышит его Курт или нет? По наступившей тишине Курт понял, что Чемп уже на гребне и ждет, когда же он выдаст себя. Значит, Чемп полагал, что Курт не подозревает о его

присутствии! Выждав две минуты, он шевельнул ногой, сбросив вниз камушек.

И приготовился к встрече.

Две минуты спустя из-за валуна показалась левая рука Чемпа. Он повторил маневр Курта, огибая валун спиной к нему.

Пора.

Ударом правой ноги, обутой в подбитый металлом башмак, он раздробил левый локоть Чемпа. От этого удара едва ли не любого сбросило бы с гребня.

Но Чемп обладал рефлексами животного, поэтому метнулся не вперед, а вбок, вскрикнув от боли. Он не свалился вниз, но оказался лицом к лицу с Куртом на пятачке шириной с ярд.

— Ты… ты сломал мне руку! — в изумлении воскликнул Чемп.

И прыгнул на Курта. Тот не ожидал столь резкой атаки и ударился затылком о стену. В глазах потемнело. Голова Чемпа оказалась у него под подбородком, правая рука обхватила талию, кулак уперся в позвоночник.

Широко расставив ноги, Чемп одним движением развернул их обоих, и теперь уже Курт оказался спиной к обрыву. Его левая рука была зажата между телами, правая не находила цели,

потому что Чемп втянул голову в плечи. Курт застонал. Чемп так перегнул его в поясе, что лицо Курта было обращено в небо, а плечи оказались над пропастью. Дважды грудь пронзила боль: треснули два ребра.

Боль привела его в чувство. Все кончено? Ну нет.

Курт ударил левым коленом между ног Чемпа. Здоровяк задрожал всем телом, попытался хоть как-то уберечь яйца от второго удара, но не ослабил хватки.

Курт ударил вновь. Чемп застонал, повернул голову влево, еще сильнее надавил черепом на челюсть Курта. Но одновременно открыл для удара лицо. Как заправский каратист, Курт сжал правую руку в кулак, выставив вперед фалангу среднего пальца, и со всей силой ударил туда, где, по его расчетам, был левый глаз Чемпа.

Он не ошибся.

Чемп громко вскрикнул, поднес правую руку к глазу. Курт с трудом удержал равновесие и едва не свалился вниз. И тут же Чемп, словно раненый бык, бросился на него, ослепленный болью и яростью. Курт вновь воспользовался кованым железом башмаком. На этот раз удар пришелся в пах. Здоровяк рухнул на колени, словно пора-

женный в сердце буйвол, и Курт ударил ребром правой ладони по открытой шее, чтобы перебить позвонки. Ударил он на три дюйма ниже, по лопатке, но так сильно, что Чемпа сбросило с пятачка.

От боли в ребрах Курт согнулся. Он едва дышал, приходя в себя от медвежьих объятий.

Первые несколько футов Чемп падал головой вниз, но затем ухватился правой рукой за скальный выступ и держался за него. Он не разжал пальцы и висел над пропастью на одной руке.

Когда Курт перегнулся через край, он увидел перед собой перекошенное от страха лицо.

— Я… — от ужаса Чемп осип. — Мистер… пожалуйста…

Вот и Дебби простонала в телефонную трубку: «Пожалуйста». Курт наблюдал, как намертво впившиеся в выступ пальцы начинают распрямляться.

— Пожалуйста.

Он не мог не откликнуться. Курт улегся на живот, протянул руку, схватил Чемпа за запястье.

— Попробуй упереться ногой. Попробуй подтянуться…

Пальцы Чемпа распрямились, теперь его удерживала только рука Курта. Но его тело вновь

пронзила боль, он вскрикнул и понял, что рука свободна. От боли его пальцы разжались, выпустив запястье Чемпа.

Чемп перевернулся в воздухе и летел теперь вниз головой. Он даже не вскрикнул. Тяжелое тело пробило ветки кустов и рухнуло на камни у подножия обрыва.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь урчанием далекого прибоя.

Курт поднялся, с посеревшим лицом привалился к валуну. Хищники? Пожалуй, он узнал кое-что и про себя. Хладнокровно он бы этого не сделал. Победа его не радовала. Что же касалось остальных…

Снизу донеслись не стоны: тишину прорезали крики, громкие, резкие. Курт подошел к обрыву, всмотрелся в темноту. После такого падения человек не может остаться в живых, не может…

Ему вспомнился случай, когда они два дня пролежали в пустыне под вражеским огнем. Одного из них, в передовом окопе, ранило, и он девять часов кричал без перерыва. Трое солдат погибли, пытаясь добраться до него. Так что он кричал, пока не умер.

Значит, надо спускаться, подумал Курт. Надо что-то делать. Но… путь вниз оказался невоз-

можным. Во всяком случае, для человека со сломанными ребрами. Тогда вверх? Невозможно. Оставалось только одно: идти по гребню, пока он сольется с оврагом, а уж потом по усыпанной гравием дороге добраться до умирающего.

Курт уже двинулся с места, но остановился как вкопанный. Глаза его обежали поляну. Остальные так и не появились! Свет керосиновой лампы пробивался сквозь зашторенные окна. Они же слышали шум падающего тела, слышали крики. Но ни один не вышел из дома.

По телу Курта пробежала дрожь. Видать, у них совсем нет сердца. И, превозмогая боль, он зашагал вдоль гребня.

Глава 30

Они сидели в гостиной, когда тяжелое тело шмякнулось о камни. Рик вскочил, сжимая в руке пистолет, и побледнел как полотно.

— Что это? — хрипло прошептал он.

Вскочил и Толстяк, кровь бросилась ему в лицо.

— Чемп сбросил его с обрыва!

Хулио направился к двери, но Рик остановил его.

— Если упал Холстид, мы все узнаем по возвращении Чемпа.

— А если это Чемп? Если…

— Тогда мы уже ничем ему не поможем.

Ну и черт с тобой, подумал Хулио. После изнасилования Дебби он как бы начал пробуждаться от кошмарного сна, начавшегося в апреле с избиения Рокуэлла… Сна, в котором он делал не то, что хотел, а то, что ему навязывали извне. Что ж, больше он не будет во всем следовать за Риком.

Еще шаг к двери, и Хулио услышал щелчок предохранителя. Обернулся. Рик целился в него. Безумный взгляд заставил Хулио вернуться к креслу.

И тут начались крики.

Хулио вздрогнул.

— Это голос Чемпа. Он ранен, ему требуется…

— Возможно, это ловушка.

Пистолет по-прежнему смотрел ему в грудь. Хулио застыл. Прошло пятнадцать минут, крики не прекращались. Толстяк, усевшись на диване, ел сандвич. Рик устроился в кресле-качалке у газовой плиты, перебросив правую ногу через подлокотник. Рукоятка пистолета упиралась в его колено.

— Рик, пожалуйста, прислушайся… Чемп…

— Заткнись.

Крики продолжались с час, словно раненому делали операцию без наркоза. Толстяк ел, ел, ел. Заталкивал в рот хлеб, сыр, ветчину.

— Ты пойдешь со мной? — обратился к нему Хулио. — Я больше не могу выносить этих криков.

Толстяк уставился на него, затем громко рыгнул. По подбородку потек жир от ветчины.

— Не… гу, Хул… Ри… ска… ждать.

— Сначала прожуй, паршивая свинья, а потом разевай пасть! — взорвался Хулио.

Толстяк прожевал, проглотил еду, снова рыгнул.

— Рик говорит, что мы должны подождать, — он стрельнул взглядом на Рика, который вновь развернул предсмертную записку Паулы. — Я не трус, кто бы что ни говорил, но я и не дурак. «Триумф» выведен из строя, «шеви», готов спорить, тоже, и я не собираюсь чинить их в темноте. Так что отсюда нам не выбраться. И чего выходить из дома?

Хулио мерил комнату шагами, словно загнанное в клетку животное, вздрагивая при каждом крике Чемпа. Его так и распирало от ярости. Это все Холстид, он сбросил Чемпа с обрыва, он что-то сделал с Риком, как-то воздействовал на него, и в

итоге они сидят здесь, а Чемп кричит там…

Что происходит с Риком? С ними всеми? Рик же не такой трус, как Толстяк, но сегодня его словно ударили мешком по голове. Сидит и смотрит на записку мертвой женщины ее мужу. А может, он тронулся умом, когда передал им Дебби. Такое у него было лицо… Или все началось раньше, весной, с Рокуэлла. Тогда они были группой, единым целым, превосходившей мощью отдельные части. Но Рокуэлл, потом Паула Холстид, Дебби, наконец…

Все равно, что в парке аттракционов сидишь на центрифуге, которая крутится все быстрее и быстрее и, как бы ты ни стремился удержаться на середине, тебя сносит на периферию.

Он должен выбраться отсюда. Хулио остановился перед Риком.

— Ты можешь сидеть, качать ногой и притворяться, что ничего не боишься. Но ты боишься. Ты боишься даже выстрелить, — он повернулся и зашагал к двери, остановился, оглянулся. — Даже в меня. Даже мне в спину.

И двинулся дальше. С побледневшим лицом, посеревшими губами, Рик медленно опустил пистолет на колено. Его левая нога начала непроизвольно подергиваться.

Толстяк потянулся за очередным сандвичем.

Луна опустилась ниже, навстречу клубам сгущающегося предрассветного тумана. Холодный ветер с океана, пробиравший до костей, подбодрил Хулио. Он ожидал получить пулю в спину, но не мог остановить себя. Как это ни странно, Рика он только жалел. С ними все кончено, в этом он уже не сомневался. Они зашли слишком далеко, а ведь могли же остановиться, поставить точку в цепи насилий. Но они переходили от одного этапа к другому, и теперь просто невозможно повернуть вспять. Для них все кончено. Как и для Дебби. Паулы Холстид и Гарольда Рокуэлла. Чемпа.

Чемп закричал вновь. Словно раненое животное в каком-то телефильме о джунглях. Через поляну Хулио зашагал к подножию обрыва, где он ожидал найти бедного изувеченного Чемпа. Но не Холстида. Этот-то давно смылся.

Но в пяти ярдах от кустов он услышал мужской голос. Холстид! Здесь, под обрывом! Хулио присел, в руке у него блеснул нож.

— Мужайся, сынок, — таким тоном наездник успокаивает занервничавшую лошадь. — И мне спуск дался нелегко. Теперь я…

Хулио бросился на него сзади, как хорек на

курицу, целя ножом в почку. Но то ли поспешил, то ли в лунном свете неверно оценил дистанцию. Курт откатился в сторону и тут же вскочил, уже лицом к Хулио. А нож просвистел в воздухе.

Но Холстид по-прежнему в западне, на маленькой полянке, подумал Хулио и, оскалившись, двинулся на него.

— Твой друг изувечен, — голос Холстида звучал очень спокойно. — Я думаю, у него сломан позвоночник. Но он, возможно, выживет, если ему окажут квалифицированную помощь. Давай…

Хулио рассмеялся. Испугался стали этот Холстид. Нож превращает человека в гиганта. Чемп, лежащий в двух ярдах, громко застонал. Облако закрыло луну, и без того тусклый свет померк еще больше. Хулио слышал Курта, но едва ли понял смысл его слов. Он видел, что Курт пятится, а для Хулио это означало только одно: страх.

— Я тебя убью, — просипел Хулио.

Выражение лица отступающего от него человека изменилось, но стало не таким, каким ожидал увидеть его Хулио. На нем отразился… не ужас, скорее удовольствие. Правая рука Холстида нырнула за спину, чтобы вернуться с обоюдоострым ножом.

— И не пытайся, сынок. Я забыл об этом, когда

столкнулся с твоим приятелем на обрыве, но обращаться с ножом я умел, когда ты еще не появился на свет.

В душу Хулио закрался страх, но он прыгнул вперед, размахивая ножом, как принято в уличной драке, когда противник практически всегда не вооружен. Махнул ножом и Курт, целя в костяшки пальцев, чтобы перерезать сухожилия и обезоружить парня. Но в почти полной темноте не мог сказать, достиг ли его удар цели. Или только оцарапал руку.

Внезапно Хулио замер. Потом повернулся к Курту, лицо его закаменело.

— Что…

— Послушай, — оборвал его Курт, — я могу покончить с тобой в любой момент. Давай прекратим…

Хулио шагнул к нему и рухнул лицом вниз. Курт ждал, подозревая, что это ловушка. Другого и быть не могло. Он же только полоснул его по пальцам. Но Хулио не шевелился. А тут в разрыве между облаков показалась луна, и Курт увидел, что нож Хулио лежит в нескольких дюймах от его руки.

Выругавшись, Курт подошел, упал на колено, перевернул Хулио. Черные безжизненные глаза

смотрели в никуда, совсем как глаза Паулы, когда он нашел ее лежащей на туалетном столике, глаза часового из его кошмаров, глаза многих людей во время войны. Курт тяжело вздохнул, встал. Вытер лезвие о свитер, убрал нож.

Вместо костяшек пальцев он попал в запястье, там где лучевая артерия проходит под самой кожей. Тридцать секунд спустя Хулио потерял сознание, через две минуты он умер. И хотя эта бессмысленная смерть вызвала у Курта лишь шок и отвращение, он не мог не подумать: «Холстид, старина, а сноровка у тебя та же, не так ли?»

Мысль эта тут же ушла, оставив во рту привкус тошноты. Он посмотрел на своих жертв: один изувечен, второй мертв. Безумие. И надо прикончить еще двоих? Нет, хватит, хватит. Хищники? Если б он приехал на несколько минут раньше в день нападения на Рокуэлла, если б был в доме, когда они набросились на Паулу, ничего бы этого…

Но, возможно, лишь на долгом, мучительном пути, пройденном им после смерти Паулы, он осознал: угрозе, силе и страху можно противопоставить лишь те же угрозу, силу и страх. Профессор Курт Холстид уговаривал бы, приводил логичные доводы и, скорее всего, был бы уничтожен. Может, только Курт Холстид, зака-

ленный в боях в пустыне, мог…

Он отогнал от себя эти мысли. Все кончено. С двумя оставшимися пусть разбирается Монти Уорден, а с него хватит. Он снял тяжелый свитер, укрыл им Чемпа, пощупал его пульс. Слабый, учащенный, но устойчивый. Возможно, выживет, если быстро связаться с врачами. И лишь в густом тумане добравшись до «фольксвагена», Курт понял, что потерял ключи. Что теперь? Как соединить провода напрямую, он не знал. Где выпали из кармана ключи, не имел ни малейшего понятия. Оставалось только одно.

И он зашагал к Сан-Конрадо, лежащему в десяти милях городку, при каждом вздохе кривясь от боли в треснутых ребрах, дрожа от холода. Он понимал, что туман сводит его шансы поймать попутку до нуля. Следовательно, предстояло пройти пешком все десять миль.

Глава 31

Сидя на жалобно поскрипывающем под его тяжестью старом диване, Толстяк гадал, почему так долго не возвращается Хулио. Да, крики смолкли, но от тишины стало еще страшнее. Доносящиеся снаружи крики означали, что там есть кто-то жи-

вой. Живой! Круглую физиономию перекосило. Толстяк громко рыгнул.

— Слушай, Рик, как ты думаешь, когда вернется Хулио?

Рик медленно повернулся к Толстяку. Его левая нога по-прежнему дергалась.

— Ты знаешь не хуже меня, что он мертв.

Толстяк заерзал на диване, вновь рыгнул. Потянулся за сандвичем, но тарелка уже опустела. Хулио мертв? Или ловит на Береговой автостраде попутную машину?

— Э… я хочу сделать несколько сандвичей. Ты есть будешь?

Рик наблюдал, как Толстяк поднимается с дивана.

— Делай сандвичи, набивай живот. Здесь он нас не достанет.

Толстяк потопал на кухню, при свете двух свечей начал резать хлеб. Что творится с Риком? Он уж подумал, что Рик застрелит Хулио. Возьмет и застрелит. Он намазал ломти толстым слоем майонеза, открыл банку ветчины. При свете он бы выпотрошил «триумф», чтобы привести «шеви» в рабочее состояние. Но он и сейчас мог в темноте прокрасться на автостраду или вплавь добраться до следующей бухты к югу…

Он застыл над банкой с ветчиной.

— Слышь, Рик, а я знаю, как этому Холстиду удалось пробраться сюда незамеченным. Он приплыл сюда из бухты, что примыкает с юга. Всего-то полмили…

— Заткнись! — рявкнул Рик. — Он проскользнул мимо Хулио и Чемпа, прямо по дороге. Эти трусливые тупицы…

Спасаясь от гнева Рика, Толстяк ретировался на кухню. Да, у Рика определенно поехала крыша. Он вновь занялся сандвичами. Если б у него был пистолет, как у Рика, он бы точно пошел к автостраде… Но тут он представил себе извилистую дорогу, усыпанную гравием, стоящие впритык деревья с толстыми стволами, за каждым из которых мог притаиться Холстид. Нет, пожалуй, к автостраде идти не стоит. А вот будь он сейчас на берегу, то мог бы уплыть отсюда. Правда, дверь заперта, а ключ у Рика. Разумеется, можно открыть окно, но…

Толстяк задумался. Туман скроет его как от Рика, так и от Холстида, если тот все еще бродит поблизости. Быстро открыть окно, сбежать к воде, выплыть из бухты. Отправиться в Мексику, где никто его не найдет… Старик по нему тосковать не будет, да и он обойдется без…

Толстяк влез на раковину, через плечо глянул в гостиную. С кресла-качалки Рик не мог видеть, что он делает. Толстяк рывком открыл окно. Холодный воздух ворвался на кухню, загасил свечу.

— Толстяк! Что ты там учудил, Толстяк?

Охваченный паникой, Толстяк сиганул в окно, покатился по земле. Его штаны лопнули на заднице по всей длине. Он вскочил и побежал. Вслед трижды выстрелил пистолет, но он уже несся вниз, надежно укрытый густым туманом. Отбежав на тридцать ярдов, Толстяк оглянулся. Рик закрывал окно. Он в безопасности!

От холодного тумана по коже побежали мурашки, ветер гулял в порванных штанах. Он потрусил к воде. Песок набился в ботинки, гниющие водоросли пахли йодом.

У кромки воды Толстяк остановился. Очень не хотелось ему плыть в темноту, где невидимые волны бились о скалы. Может, лучше подняться к автостраде и попытаться поймать попутку? Но по дороге туда его могла поджидать смерть!

Он скинул ботинки и носки, вздрогнул, когда голые ноги коснулись ледяного песка. Потом снял брюки, рубашку и остался в трусах и футболке. Одежду свернул в узел, положил на голову и закрепил ремнем, пропустив его под подбородком.

Сухая одежда наверняка понадобится ему, когда он доплывет до южной бухты.

Он не вошел в воду и по пояс, как от холода у него застучали зубы. Когда же вода достигла шеи, он не спеша поплыл, держа голову высоко над водой, чтобы не замочить одежду. Поначалу только шум волн, разбивающихся о скалы, указывал, где находится устье. Потом он начал различать буруны, переваливающие через черные скалы. Увлекаемый отливом, через несколько минут он уже доплыл до устья.

Теперь осторожнее, сказал он себе. Лишь бы не потащило на скалы…

Громадная волна отбросила его на черный гранит, невидимый в темноте, протащила спиной, раздирая кожу, по камням. Толкайся сильнее, приказал он себе, толкайся сильнее! От скал ему удалось отплыть, но уже без одежды: в какой-то момент узел соскочил с головы, только ремень остался на шее. Толстяк отбросил его в сторону.

Надо бы возвращаться, подумал он, до южной бухты не доплыть.

Еще одна волна накрыла его, заставив наглотаться соленой воды. Он уже было повернул назад, но отлив вынес его из устья в открытый океан.

Нечего паниковать, решил Толстяк, раз выплыл, надо добираться до берега… И тут же отчаянно замахал руками, яростно борясь за жизнь, потому что склизкие щупальца ухватились за его ноги.

Это же водоросли! Уф. Всего лишь водоросли. Волна подняла его, освободив ноги. И все-таки страх не уходил. Под ним сто футов воды, лес водорослей, в котором водятся бог знает какие чудовища.

Вновь водоросли облепили ему ноги, вновь он вырвался, и тут его тело свело судорогой. Словно гигантский кулак со всего маху врезался ему в живот, и каждая мышца отозвалась болью. Толстяк ушел под воду, вынырнул, но очередная волна накрыла его с головой.

Тело опять свело судорогой, в отчаянии он забарабанил по воде руками, но мышцы отказывались слушаться: Толстяк пошел ко дну.

Кровь, попавшая в воду из порезов на спине, привлекла из открытого океана акулу. Она кружила среди водорослей, осторожно плывя на запах крови. Кровь означала, что кто-то в беде, а следовательно, ей могло перепасть что-то съестное. Она не атаковала, несмотря на дурманящий запах крови. Акулы — хищники осторожные.

Именно осторожность помогла им выжить, нисколько не изменившись за последние триста пятьдесят миллионов лет. В конце концов она, разумеется, приступила к трапезе.

Да кому они нужны, думал Рик, оставшись в коттедже один. Да, ему приходилось каждые несколько минут вставать с кресла, не выпуская пистолета из руки, проверять каждое окно. Но все лучше, чем еще и тревожиться, кто предаст тебя следующим. Никакой верности, никакой силы воли, только лишние хлопоты. Если б они полностью поддерживали его с той ночи, когда они избили Рокуэлла, ничего бы и не случилось. И не его надо винить за то, что произошло с этим Рокуэллом.

Нет, все их беды начались с Паулы Холстид.

Взгляд его вновь остановился на предсмертной записке Паулы. Чертов Хулио! Если бы он не выудил эту записку из сумочки Дебби… если б не уговорил его отдать им Дебби… Он, Рик, не виноват в том, что с ней случилось. Абсолютно не виноват.

«…пожалуйста, пойми, я делаю это из-за непереносимого для меня лично…»

Этим все сказано. Для нее лично. Рик тут ни при чем. Нет, она влюбилась в Рика, когда увидела

его второй раз. А потом кончила благодаря Рику. Более ничего. Этот взгляд, полный отвращения к себе, который вроде бы ему запомнился… Да не было его. Она этого хотела. Именно с Риком. Он ее возбудил, как возбуждал Дебби, Мэри и… всех телок.

И все же мысли его постоянно возвращались к Пауле Холстид, к записке, адресованной ее мужу. К Пауле, затем к нему. Ибо все кончилось Куртом Хол СТИДОМ.

Рик снова проверил окна. Хорошо, что Холстид разделался с остальными. О, у него-то пистолет. Как только рассветет, он будет в полной безопасности, а остальные ему и не нужны. Чемп, на которого он полагался как на себя, сломался первым. Прикинулся, будто преследует Холстида, а сам попытался сбежать.

Хулио, этот трусливый спик[14], тоже сбежал, зная, что он, Рик, не выстрелит ему в спину. Только Холстид ждал его в темноте.

И наконец Толстяк. Решил смыться вплавь, заморочив ему голову россказнями о том, что Холстид добирался до коттеджа по воде. На что намекал Толстяк, черт бы его побрал? Если б они

---

[14] Примечания: 14
Пренебрежительное прозвище испаноговорящих американцев.

выставили часового на берегу, то заранее узнали бы о появлении Холстида? Получается, что Холстид перехитрил его, Рика? Бред какой-то. Ни один паршивый учитель не мог перехитрить Рика Дина. Возможно, он проскользнул к коттеджу лесом, мимо Хулио и Чемпа, но уж не…

Короче, Толстяк сбежал. Холстид наверняка прикончил и его. Для Рика оно и к лучшему. Все отправились в мир иной, кроме Дебби. А к тому, что произошло с Дебби, он не имеет никакого отношения. Что бы там она ни говорила, он всего лишь вышел из гаража, оставив ее с парнями. Откуда он мог знать, что они с ней сделают? Кроме того, она наверняка трахалась со всеми подряд. Он мог поспорить, что она даже и не сопротивлялась.

Пятый час. Скоро рассвет. Пора трогаться в путь. Он встал, по телу пробежала дрожь — в коттедже стало холодно, и пошел к кухонной двери. Бесшумно повернул ключ в замке, приоткрыл дверь. Главное — скорость. Только так можно застать Холстида врасплох.

Рик почувствовал, что весь дрожит. Чертов туман, такой холодный! Сунув пистолет под мышку, он вытер о брюки потные ладони, вновь взял пистолет в правую руку. Похлопал себя по карману.

Да, заряженная запасная обойма при нем.

Пинком Рик распахнул дверь, выскочил из коттеджа, упал на влажный бетон, закричал, открыв огонь по Холстиду, юркнувшему за «триумф».

Ответных выстрелов не последовало. Его окружал плотный туман, пахнущий рассветом и морем.

Рик вскочил, подбежал к «триумфу», присел у изрешеченного пулями корпуса. Хорошо, хорошо, думал он, ты заставил меня расстрелять и вторую обойму. Ты же не знаешь, что у меня есть еще одна. Он облизал пересохшие губы. Теперь самое трудное: через открытое пространство к дороге. Холстид может прятаться там…

Пора!

Рик мчался, как спринтер. Воздух жег легкие, когда он припал к стволу ели. Да, в волосах полно иголок, но зато здесь он в безопасности. Снизу доносился шум прибоя. Ничто более не нарушало тишину. А вокруг клубился туман.

Какая-то тень…

Он бросился на землю, выкатился на дорогу, выстрелил по дереву, ветку которого задел Холстид.

Сойка вспорхнула и растворилась в тумане.

Не нервничай, одернул себя Рик. Он играет на твоих нервах, не зная, что у тебя запасная обойма.

Если ты выйдешь на автостраду с полной обоймой, ты спасен. Надо добраться до автострады.

Вперед!

Рик вскочил, что есть сил помчался по дороге, с силой отталкиваясь от гравия. Он чувствовал себя героем военных фильмов, бегущим под огнем вражеских снайперов.

Вот и ворота, за ними асфальт. Кусты, деревья, за которыми укрывался Холстид, остались позади. Он жадно ловил ртом воздух, ноги отказывались служить, но дуло его пистолета смотрело на ворота. Из-за них должен выйти Холстид. Он прорвался к автостраде, он победил!

— Я тебя жду! — угрожающе крикнул Рик в туман.

Он надеялся, что этот мерзавец бросится на него. Он сделает все, чтобы Холстид умер не сразу. Для начала выстрелит ему в пах, а затем каблуком выбьет ему глаза…

Серый туман клубился вокруг, перед глазами все плыло. Что это за тень шевельнулась у ворот? Рик стоял на разделительной полосе, широко расставив ноги. Если это…

Холстид!

Он открыл огонь. Красные вспышки одна за другой разрывали туман. Но за очередным на-

жатием на спусковой крючок последовал сухой щелчок: он отстрелял всю обойму.

Матерясь, Рик, ломая ногти, вытащил пустую обойму, бросил на асфальт, полез в карман за полной.

Глухое урчание заставило его повернуться. Чудовищный силуэт показался из-за поворота автострады, светя желтыми противотуманными фарами. На него надвигался громадный трейлер, что постоянно колесили по Береговой автостраде. Заскрипели тормоза, взвизгнули стираемые об асфальт шины.

Рик метнулся в сторону, но его нога ступила на выброшенную им обойму. Он отчаянно замахал руками, пытаясь сохранить равновесие.

Остро запахло жженой резиной. Но скорость многотонного грузовика была все еще велика. Мощный бампер вышиб Рику зубы, размозжил череп, словно куриное яйцо, протащил ярдов пятьдесят по осевой линии. Водитель успел выскочить из кабины прежде, чем его вырвало.

ПОСЛЕ ТОГО, КАК…

Вторник, 2 сентября

Курт закрыл машину и по лестнице поднялся в спортивный зал. Через неделю улицы Лос-Фелиса заполнят студенты: в университете возобновятся занятия, но неделя… это так далеко. Даже зал с хромированными тренажерами и черными гирями казался ему совершенно незнакомым, словно с его последнего появления здесь прошли не дни, а годы.

Он заглянул в приоткрытую дверь в кабинет. Престон, сидевший за столом, поднял голову, посмотрел на Курта, словно на незнакомца. Но мгновение спустя вскочил, широко улыбаясь, протянул руку.

— Ну наконец-то. Возвращение блудного сына.

На мгновение замявшись, Курт пожал его руку.

— Жаль, что так вышло со снаряжением, Флойд.

— Мне вчера его привезли. Какой-то парень из Управления шерифа, — жестом он пригласил Курта сесть на диван. — Хочешь поразмяться?

— Я… не могу. Два сломанных…

Курт замолчал. Он-то намеревался забрать тренировочный костюм, полностью порвать с Престоном.

Затянувшееся молчание нарушил Престон.

— Твоя подружка звонила дважды на день, волновалась. Говорила, что твой телефон не отвечает весь уик-энд.

— Я… ни с кем не хотел говорить.

— Зря ты замкнулся в себе.

— А что оставалось?

Престон присел на краешек стола.

— Ты думаешь, ты один такой, кому противно поутру смотреть на себя в зеркало? Как ты думаешь, какие мысли бродили у меня в голове, когда я понял, что мне не хватает духа составить тебе компанию?

— Это другое, — покачал головой Курт. — Ты здесь посторонний. Флойд, я хотел их убить. Ты знаешь, что я подумал, взглянув на этого бедного мертвого мексиканца, о котором писали газеты? Что я не потерял былых навыков. Как тебе это нравится? И выслеживая их, я ничем от них не отличался. Был таким же жестоким, таким же…

Престон хмыкнул.

— Знаешь, Курт, отец у меня был странствую-

щим священником. В тридцатых годах в Миссури такие еще встречались. К десяти годам я уже успел поучиться в дюжине разных школ, а для меня это означало сплошные драки. Я постоянно был новичком. В первый же день в новой школе я отыскивал главного школьного хулигана и ставил его на место. Мне не оставалось ничего другого. Не поставь я его на место, мне бы пришлось довольствоваться ролью мальчика для битья.

— Но при чем здесь…

— Потом я вырос, пошел в армию, где кормили от пуза, занялся тяжелой атлетикой, стал крепким, сильным парнем. Достаточно крепким, чтобы в баре дать любому задире в лоб, а потом купить ему пива. Но… если я почувствую, что меня загнали в угол, я становлюсь мальчишкой, для которого все средства хороши, лишь бы побить первого школьного хулигана.

Курт начал понимать, к чему тот клонит.

— То есть ты хочешь сказать…

— Я говорю, что в прошлую пятницу тебе не оставили выбора. А твои прежние навыки просто помогли тебе. Если группа парней выталкивает кого-то из окна, они не могут винить его за то, что он делает по пути вниз.

— Вы меня удивили, профессор, — Монти Уорден достал сигарету. — Я вас недооценил, а для копа это серьезная ошибка.

Когда Курт вернулся домой из спортивного зала Флойда Престона, он увидел на своей подъездной дорожке черный «седан» Уордена. Сам Уорден расположился на диване в гостиной. Разговор с Престоном пошел Курту на пользу. Можно сказать, подготовил его к встрече с детективом.

— В субботу утром я дал показания вашим людям в Сан-Конрадо.

Уорден выпустил дым через ноздри.

— В университете мне показали ваше личное дело, профессор. В семнадцать лет вы пошли добровольцем в английскую армию. Вызвались служить в подразделении коммандос, организованном Дэвидом Стерлингом[15]. Прошли подготовку д ля диверсионных операций на суше и на море, освоили прыжки с парашютом, научились обращаться со всеми видами оружия, прекрасно овладели приемами рукопашного боя. Вас наградили Крестом Георга за уничтожение аэродромов в пустыне.

Курт пожал плечами.

---

[15] Примечания: 15

Речь идет о знаменитой Специальной авиационной службе, САС (Special Air Service), созданной во время второй мировой войны.

— Вы пришли, чтобы послушать военные истории?

— Я пришел, чтобы признать, что напрасно не проверил вас раньше. Мне следовало сразу вас раскусить.

— В каком смысле?

— Ав том, что вы прирожденный убийца. Это у вас в крови, вам нравится смотреть, как они умирают. Маленькая разборка с этими парнями для вас что манна небесная, не так ли, Холстид?

На мгновение перед мысленным взором Холстида возникло перекошенное лицо Чемпа, висящего над пропастью, ничего не видящие глаза Хулио. Прирожденный убийца? Или человек, которого, как сказал Престон, столкнули с подоконника и он не отвечает за то, что делает, летя вниз? А может, нечто среднее? Сплав университетского профессора и семнадцатилетнего коммандос?

— Это все досужие разговоры, сержант.

Уорден кивнул.

— Конечно. Вы разыграли все как по нотам. Трое мертвы, а четвертый — калека на всю жизнь, со сломанным позвоночником. Такой тихий, спокойный парень…

— Вы не спрашивали у Барбары Андерсон, что

наговорил ей этот тихий парень?

— Хорошо, хорошо, — Уорден раздраженно махнул рукой. — Возможно, этого Чемпа давно следовало посадить в дурдом. Но как же тогда с Дебби Марсден? Вы довольны тем, что с ней произошло?

Курт почувствовал, что у него вспотела спина. Ему хотелось признаться Уордену, что в отношении Дебби его мучает совесть. Если б он прекратил розыски хищников… Но Уорден, похоже, и добивался этого признания. Так зачем ему потакать?

— Я не знал, что полиция Лос-Фелиса обвиняет меня и в этом.

— Конечно, конечно, изнасиловали ее эти подонки, после того как ее дружок бросил им Дебби, словно горсть мелочи. Но синий «фольксваген» видели на подъездной дорожке дома Гандеров, и «скорую помощь» вызвал неизвестно кто.

— А что говорит девушка?

— Ничего, — Уорден скорчил гримасу. — Если бы этот чертов доктор в пятницу не так торопился с уколом, в субботу нам бы не пришлось собирать трупы. Что же до девушки, то физически она в порядке, а вот душевно… Боюсь, что теперь она зарежет любого, кто попытается поцеловать ее, —

он помолчал, разглядывая сигаретный дым. — В случившемся вашей вины нет, профессор. 0-пи согласился с вашими доводами. Самозащита.

Он замолчал, и за него продолжил Курт.

— Но вы не согласны.

— Будьте уверены. — Он поднялся, навис над Куртом. Руки сунул в карманы, боясь, что иначе пустит их в ход. — Я думаю, что вы заманили этого недоумка на обрыв, а потом скинули его. Я думаю, что вы вынудили этого спика пойти на вас с ножом, а потом убили его.

Перерезали артерию на руке, чтобы он умер так же, как и ваша жена. По мне, это уже перебор.

Поднялся и Курт, отошел к окну, посмотрел на поле для гольфа. Приди Уорден на день раньше, он бы, возможно, согласился с ним. Даже с тем, что он прирожденный убийца. Теперь — нет. Частично из-за разговора с Престоном, но в основном из-за…

Он повернулся к детективу.

— И вы полагаете, что я толкнул этого парня под грузовик?

— Нет, этого я утверждать не могу, — с неохотой признал Уорден. — Временной фактор и показания водителя говорят об обратном. Вы звонили нам из закусочной в Сан-Конрадо примерно в то

время, когда его размазало по асфальту. Кстати, именно его пальчики мы обнаружили на стене над диваном в вашей библиотеке.

Дружок Дебби. Логично. Мозговой центр, тот, кто направлял и командовал остальными. Газеты пишут, из хорошей, обеспеченной семьи — отец прилично зарабатывает. Умеющий убеждать, умный. Но если он был умным, что привело его на осевую автострады в густой туман?

— Остается еще Гандер, — заметил Курт. — Парень, которого не нашли.

— Не нашли? Да, возможно, вы и правы. Только мне не верится, что вы дошли пешком до Сан-Конрадо. Я думаю, вы покинули бухту куда позже, чем указано в ваших показаниях, а до Сан-Конрадо добрались на попутной машине, водителя которой мы пока не нашли.

Он сунул руку в карман, что-то достал, бросил на кофейный столик. Курт взял в руки почерневший серебряный перстень с черепом и скрещенными костями, очень тяжелый, большого размера. Посмотрел на Уордена.

— И что я должен сказать по поводу этого перстня?

— Какой-то рыбак вчера поймал десятифутовую белую акулу. Вспорол ей живот и обнаружил

наполовину переваренную человеческую руку. С этим перстнем на одном из пальцев.

— Вы хотите сказать, что Толстяка Гандера…

— Его отец опознал перстень. Знаете, Холстид, такой крепкий старик, я думал, его ничем не проймешь. А он разрыдался, как ребенок, когда мы показали ему эту штуку.

— Да, понятно, — кивнул Курт.

Ему тоже стало нехорошо, но он знал, что быстро оправится. Он понимал, что Уорден прибыл, чтобы добиться от него признания в содеянных грехах, но твердо мог сказать, что признания этого детективу не видать как своих ушей. Даже если он и виновен, то не перед Уорденом. Он взглянул на часы.

— Наверное, вам пора ехать, сержант…

Уорден долго смотрел на него, потом вздохнул.

— А вы крепкий орешек, Холстид. Один из червей. Я провел все утро с 0-пи, пытаясь уговорить его передать дело в суд. Он отказался. Я его понимаю. С теми уликами, что у нас есть, присяжных не убедить, тем более если вы наймете ловкого адвоката, который приволочет в суд призрак вашей жены. Так что вам удастся выйти сухим из воды…

— Не вы ли говорили, сержант, что им не грозит

наказание? — напомнил Курт.

Он подождал, пока Уорден откроет дверь, а потом позвал детектива.

Тот обернулся.

— Что еще?

— Не сердитесь на меня, сержант. Такова жизнь.

Стоя у открытой двери, он проводил взглядом автомобиль рассерженного детектива. Уорден назвал его одним из червей. Может, в своем мире он мог существовать, лишь деля всех и все на две категории. Может, полиция не умела различать оттенки, признавая только абсолютное добро и абсолютное зло. А Курт по-прежнему считал Уордена очень хорошим копом.

Он поднялся в кабинет, сел за стол. Время хищников, во всяком случае на текущий момент, закончилось. Теперь пришла пора принимать решения. Подводить черту.

Курт написал прошение об отставке. Перечитал его, запечатал в конверт. Он не мог не согласиться с Престоном: человек — единое целое, изменить человеческую природу самого себя невозможно, остается только контролировать ее. И пока он, Курт, не поймет, что он контролирует, хотя бы не разберется, каков он на самом деле, преподавать

он не мог.

В гостиной Курт снял телефонную трубку, набрал номер.

— Барбара? Это Курт Холстид. Извините, что не позвонил раньше… надо было кое-что утрясти. Я… этим вечером хочу навестить Дебби Марсден. Вот и подумал, не составите ли вы мне компанию. А потом мы могли бы…

Пауза затянулась. Когда же Барбара ответила, по ее тону чувствовалось, что решение принималось не только о сегодняшней встрече.

— Яс удовольствием, Курт. С большим удовольствием.

Курт Холстид долго стоял у телефонного аппарата, прежде чем положить трубку на рычаг.

Перевел с английского Виктор ВЕБЕР

ДЖЕК РИТЧИ

ЗЫБКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Это был мужчина с рыхлым лицом, в очках без оправы, уверенно державший в руках пистолет.

Как ни странно, я не удивился, узнав причину его появления.

— Жаль умирать в неведении, — сказал я. — Кто же нанял вас, чтобы убить меня?

— А вам не кажется, что лично у меня могут быть причины разделаться с вами? — произнес он тихо.

Когда он вошел в кабинет, я готовил коктейль.

— Враги, которых я умудрился нажить, мне известны, — заметил я, доливая в бокал виски из графина, — но с вами я не знаком. Это моя жена обратилась к вам?

— Совершенно верно. — Он улыбнулся. — Думаю, мотив ее понятен.

— Да, пожалуй. У меня немалые деньги, и она, видимо, желает все прикарманить. Все до последнего пенни.

Незнакомец окинул меня равнодушным взглядом.

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят три.

— А вашей жене?

— Двадцать два.

— Мистер Уильямс, — он прищелкнул язы-

ком, — надо быть последним идиотом, чтобы надеяться на что-то постоянное.

Я спокойно потягивал виски.

— Вообще-то я знал, что года через два мы разведемся и будет много нервотрепки по поводу урегулирования финансовых вопросов, но чтобы убийство…

— Ваша жена, мистер Уильямс, красавица, но женщина жадная. Я просто удивлен, что вы никогда не замечали этого.

Мой взгляд упал на пистолет незнакомца.

— Как я понимаю, вам и раньше приходилось убивать?

— Да.

— Очевидно, это доставляет вам удовольствие?

Он кивнул.

— Согласен, что это нездоровое удовольствие, но тем не менее я наслаждаюсь.

Наблюдая за ним, я чего-то ждал. Наконец я спросил:

— Вы уже здесь более двух минут, а я все еще жив.

— Мне некуда торопиться, мистер Уильямс, — спокойно ответил он.

— Так, кажется, я начинаю понимать. Вам доставляет наибольшее удовольствие не столько

само убийство, сколько моменты, предшествующие ему. Вы просто смакуете их.

— А вы умеете проникать в суть вещей, мистер Уильямс.

— Значит, пока я вас в какой-то мере развлекаю, я остаюсь жив?

— В определенном смысле да. Конечно.

— Все ясно. Вы выпьете, мистер?

— Смит. Нетрудно запомнить. Да, не откажусь. Только попрошу вас, встаньте так, чтобы я мог видеть, что вы делаете.

— Надеюсь, вы не думаете, что у меня для такого случая приготовлен яд?

— Нет, не думаю, хотя все возможно.

Он внимательно наблюдал за мной, пока я готовил выпивку, а затем уселся в мягкое кресло.

Я опустился на диван.

— Интересно, где может быть моя жена в данный момент?

— На вечеринке, мистер Уильямс. Гости потом под присягой подтвердят, что во время убийства ваша жена все время была с ними.

— Короче, все будут считать, что я был убит грабителем?

Он осушил бокал и поставил его на столик перед собой.

— Да. После того как я застрелю вас, я, конечно, вымою этот бокал и поставлю его на место, в ваш бар. Уходя, я сотру отпечатки пальцев на дверных ручках, к которым прикасался.

— И одновременно вы прихватите с собой какую-нибудь мелочь, чтобы версия о грабителе стала более достоверной?

— В этом нет необходимости, мистер Уильямс. Полиция может предположить, что взломщик, случайно столкнувшись с вами и выстрелив в вас, запаниковал и смылся, так ничего и не взяв.

— Кстати, картина, которая висит там, на восточной стене, — сказал я, — стоит тридцать тысяч.

Он бросил взгляд на нее и моментально вновь повернулся ко мне.

— Соблазнительное предложение, мистер Уильямс, но мне не хотелось бы иметь ничего, что могло бы каким-нибудь образом связать меня с вами. Я ценю произведения искусства, в особенности их денежную стоимость, но не до такой степени, чтобы оказаться из-за них на электрическом стуле.

Затем он вновь улыбнулся.

— Или, может быть, вы предлагаете мне эту картину в обмен на вашу жизнь?

Да, это была мысль.

Он покачал головой.

— Извините, мистер Уильямс. Уж если я обещал что-то сделать, меня не переубедить. Это вопрос профессиональной гордости.

Я поставил свой бокал на столик.

— Вы ждете, мистер Смит, когда я оцепенею от страха?

— Вы еще оцепенеете.

— И только тогда вы меня убьете?

Его глаза залучились веселыми огоньками.

— Какого это требует напряжения! Правда, мистер Уильямс? Бояться и стараться не показать этого.

— Вы ждете, когда ваши жертвы будут с мольбой простирать к вам руки? — спросил я.

— И они это делают. В той или иной форме.

— Они взывают к вашему милосердию, но это бессмысленно?

— Да, бессмысленно.

— И они предлагают вам деньги?

— Да, и очень часто.

— Это тоже бесполезно?

— До сегодняшнего дня всегда было именно так, мистер Уильямс.

— Позади картины, которую я вам показал,

мистер Смит, в стене находится сейф.

Он еще раз бросил на картину быстрый взгляд.

— Да?

— Да, в нем — пять тысяч долларов.

— Это большие деньги, мистер Уильямс.

Я взял свой бокал и подошел к картине, отодвинул ее немного в сторону, открыл сейф, взял коричневый конверт, затем допил виски, поставил пустой бокал в сейф и повернул ручку.

Смит, не отрываясь, следил за конвертом.

— Принесите его, пожалуйста, сюда.

Я положил конверт перед ним на столик.

Он еще какое-то время смотрел на него, а затем вновь обратил взгляд на меня.

— Вы действительно думаете, что можете выкупить свою жизнь?

Я закурил сигарету.

— Нет. Боюсь, вы неподкупны.

Он слегка нахмурился.

— И все же вы принесли мне пять тысяч?

Я взял конверт и вытряхнул его содержимое на стол.

— Здесь только старые рецепты. Совершенно бесполезные и не представляющие для вас никакого интереса.

Он покраснел от раздражения.

— Вы думаете, это вам что-то даст?

— Я уже получил возможность подойти к сейфу и поставить туда ваш бокал.

Его глаза стрельнули вниз, на бокал, стоявший перед ним.

— Это был ваш бокал, а не мой.

Я снисходительно улыбнулся.

— Это был именно ваш бокал, мистер Смит. Я подумал, что полиция, вскрыв мой сейф и увидев там пустой бокал, невольно заинтересуется, почему он находится там. А после совершенного убийства, я думаю, у них хватит ума снять с него отпечатки пальцев.

Незнакомец прищурился.

— Я ни на мгновенье не сводил с вас глаз. У вас просто не было времени подменить бокалы.

— Не было? Помнится, если не ошибаюсь, вы бросили взгляд на картину.

Он машинально вновь посмотрел в том направлении.

— Только в течение одной-двух секунд.

— Этого вполне достаточно.

У меня на лбу появились капельки пота.

— Все равно это было невозможно.

— Ну что ж. Тогда, пожалуй, вы будете крайне удивлены, когда к вам нагрянет полиция, а

вскоре после этого у вас появится потрясающая возможность встретить смерть на электрическом стуле. Подобно вашим жертвам, вы испытаете удовольствие в предвкушении смерти. Правда, времени у вас будет значительно больше. Это даст возможность разыграться до предела вашему необычайному воображению. Я уверен, что вы читали отчеты о казнях на электрическом стуле?

Его пальцы, казалось, были готовы вот-вот нажать на спусковой крючок.

— Хотелось бы мне знать, как вы будете себя вести, — сказал я. — Вы, наверное, думаете, что встретите смерть спокойно, стоически. Это обычное самоуспокоение, мистер Смит. Скорее всего вас будут тащить…

— Откройте сейф, или я убью вас, — произнес он ровным, спокойным голосом.

Я рассмеялся.

— Мы же оба прекрасно понимаем, мистер Смит, что, как только я открою сейф, вы меня сразу же убьете.

Наступило молчание.

— Что вы собираетесь делать с этим бокалом? — наконец заговорил мнимый мистер Смит.

— Если вы не убьете меня, а я думаю, что теперь скорее всего нет, я отнесу его в частное детектив-

ное агентство и получу ваши отпечатки пальцев. Я положу их вместе с запиской, содержащей соответствующую информацию, в запечатанный конверт и оставлю указание отправить его в полицию после моей неожиданной смерти, даже если обстоятельства будут свидетельствовать о несчастном случае.

Смит уставился на меня и затем вздохнул:

— В этом нет необходимости. Я сейчас уйду, и вы меня никогда больше не увидите.

Я покачал головой.

— Я предпочитаю свой план. По крайней мере он обеспечит мне спокойствие на будущее.

Он задумался.

— А почему бы вам не обратиться в полицию?

— На то есть свои причины.

Он опустил взгляд на пистолет, который затем медленно положил в карман. Вдруг до него дошло.

— Ваша жена может нанять еще кого-нибудь, чтобы он убил вас.

— Вот именно.

— Тогда я буду обвинен в вашей смерти и отправлюсь на электрический стул?

— Видимо, так и будет.

Смит был весь внимание.

— Если, конечно, она будет в состоянии это сделать.

— Но там не меньше полудюжины свидетелей…

Он замолчал.

— Моя жена говорила вам, — с улыбкой спросил я, — где она будет находиться?

— Она не уточняла. Сказала, у каких-то Петерсонов. Собиралась уйти в одиннадцать.

— В одиннадцать. Очень хорошо. Сегодня рано стемнеет. Вам известен адрес Петерсонов?

Он в удивлении уставился на меня.

— Конечно, нет.

— Это в Бриджхемптоне, — сказал я и назвал номер дома. — Вам следует кое-что сделать, — тихо добавил я, — ради вашей же жизни.

Он медленно застегнул пальто.

— А где будете вы, мистер Уильямс, в одиннадцать часов?

— В клубе. Наверное, буду играть в карты с друзьями, которые, без сомнения, выразят мне соболезнование, когда станет известно, что моя жена застрелена.

— Это зависит от того, как сложатся обстоятельства, — заметил он с легкой улыбкой. — Вы когда-нибудь любили ее?

Я ничего не ответил, только взял со столика нефритовую статуэтку и посмотрел на нее. Когда я ее купил, она мне чрезвычайно нравилась. Теперь она мне надоела, и я заменю ее другой.

Когда он ушел, у меня как раз хватило времени, чтобы отнести бокал в детективное агентство, а затем отправиться в клуб.

Правда, не тот бокал, который был в сейфе, — на нем не было ничего, кроме моих собственных отпечатков пальцев, — а тот, который после ухода мистера Смита остался на столике.

На нем прекрасно отпечатались пальчики наемного убийцы!

Перевел с английского С. ШПАК

РОБЕРТ ШЕКЛИ
И ТЕБЕ ТОГО ЖЕ —

НО ВДВОЙНЕ!

В Нью-Йорке звонок в дверь обыкновенно раздается в тот самый благословенный момент, когда ты заваливаешься на кушетку, честно заслужив право на то, чтобы сладко вздремнуть. Это правило не знает исключений. Человек с твердым характером в подобном случае сказал бы себе: «Ко всем чертям! Мой дом — моя крепость: а что до всяких телеграмм, то их могут преспокойно подсунуть под дверь». Но если твоя фамилия — Эдельштейн и характер у тебя отнюдь не героический, тебе легко вообразить, что звонит, возможно, блондинка из квартиры 12С, чтобы попросить взаймы баночку красного молотого перцу. Или даже, быть может, это какой-нибудь сумасбродный режиссер, которому вздумалось снять фильм на основе тех писем, что ты посылал маме в Санта-Монику. (А почему бы и нет? Снимают же они картины и на куда худших материалах.)

И все же на этот раз Эдельштейн твердо решил не подходить к двери. Продолжая лежать на кушетке не открывая глаз, он отозвался:

— Мне ничего не нужно.

— И все-таки вам это нужно, — послышался из-за двери голос.

— Все необходимые мне энциклопедии, щетки

и пищевые концентраты у меня уже имеются, — устало и заученно откликнулся Эдельштейн. — Что бы вы мне ни предложили, у меня это уже есть.

— Послушайте, — произнес голос, — я ничего не продаю. Я хочу предложить вам кое-что задаром.

На лице Эдельштейна обозначилась едва заметная грустная и горькая усмешка бывалого нью-йоркского жителя, который прекрасно знает, что если даже кто-то подарит ему пачку новеньких хрустящих двадцатидолларовых купюр, то дело неизбежно кончится тем, что так или иначе, но ему придется за них заплатить.

— Если это бесплатно, — ответил Эдельштейн, — тогда я уж точно не могу себе это позволить.

— Но я хочу сказать, что это действительно бесплатно, — сказал голос. — Под словом «бесплатно» я подразумеваю, что ни сейчас, ни в будущем вам не придется за это платить.

— Нет, мне это ни к чему, — отрезал Эдельштейн, восхищаясь собственной твердостью характера.

Голос не отвечал.

— Эй, если вы все еще там, то сделайте одолжение, проваливайте, — не вытерпел Эдельштейн.

— Дорогой мой мистер Эдельштейн, — отозвался голос, — ваш цинизм — не более чем проявление интеллектуального инфантилизма. Мудрость же, мистер Эдельштейн, ищет различия и расставляет приоритеты.

— Ну вот, теперь он читает мне нотации, — буркнул Эдельштейн, апелируя к стене.

— Ладно, — произнес голос, — забудьте обо всем этом. Оставайтесь при своем цинизме и при своих расовых предрассудках. Только этих хлопот мне и недоставало!

— Минутку! — запротестовал Эдельштейн. — С чего это вы взяли, что я обременен расовыми предрассудками?

— Давайте говорить начистоту, — ответил голос. — Если бы я собирал деньги на Гадассу иди продавал бы израильские облигации, дело обстояло бы совсем иначе. Но я-то явно лишь тот, кем вам кажусь, так что вы уж простите меня за то, что я топчу эту землю.

— Не торопитесь с выводами, — сказал Эдельштейн. — Для меня вы всего-навсего голос из-за двери. Откуда мне знать, кем вы можете оказаться: католиком, адвентистом Седьмого дня или даже евреем?

— И все-таки вы знаете! — ответил голос.

— Мистер, я клянусь вам…

— Послушайте, — прервал его голос, — это уже не имеет значения: мне частенько приходится сталкиваться с подобными вещами. До свидания, мистер Эдельштейн.

— Подождите минутку, — остановил его Эдельштейн и тут же мысленно обругал себя дураком.

Как часто ему уже приходилось попадаться на удочку какого-нибудь жулика-торгаша, что заканчивалось, к примеру, тем, что он выкладывал 9 долларов 98 центов за иллюстрированный двухтомник «Сексуальной Истории Человечества», а потом узнавал от своего приятеля Мановича, что мог бы запросто купить этот двухтомник в любой книжной лавке «Марборо» всего за 2 доллара 98 центов.

Но голос был тем не менее прав. Каким-то непостижимым образом Эдельштейн знал, что имеет дело с гоем.

И теперь незваный гость уйдет с мыслью о том, что они, мол, эти евреи, возомнили, что они превыше всех на свете. Затем он поведает это своим оголтелым собратьям на очередном сборище каких-нибудь «Лосей» или «Рыцарей Колумба», и все кончится тем, что на евреев повесят очередную собаку.

«И все-таки у меня слабый характер», — с грустью подумал Эдельштейн.

— Хорошо! — крикнул он. — Можете войти! Но предупреждаю вас с самого начала: я не намерен ничего покупать.

Он с неохотой поднялся с кушетки и направился к двери… и тут же остановился как вкопанный, потому что после того, как за дверью прозвучало «большое спасибо», прямо сквозь эту закрытую, запертую на два замка деревянную дверь в комнату вошел человек.

Среднего роста, черноволосый, с кейсом в руке, он был не без претензии на шик одет в серый в светлую полоску костюм щегольского английского покроя. Его кордовской кожи ботинки были до блеска начищены, и он переступил ими порог закрытой двери Эдельштейна так, словно та была сделана из апельсинового желе.

— Минутку, остановитесь… повремените немного, — выдавил из себя Эдельштейн. Он почувствовал, что руки его сами собой судорожно сплелись, а сердце противно заколотилось.

Человек совершенно спокойно стоял в непринужденной позе в ярде от двери. Эдельштейн наконец вновь обрел дар речи.

— Простите, — сказал он, — у меня только что

был небольшой приступ, что-то вроде галлюцинации…

— Хотите посмотреть, как я проделаю это еще раз? — спросил незнакомец.

— Боже упаси! Стало быть, вы-таки прошли сквозь дверь! О Господи, похоже, я попал в нешуточный переплет.

Эдельштейн отступил назад и тяжело рухнул на кушетку. Посетитель уселся в соседнее кресло.

— Что все это значит? — почему-то спросил Эдельштейн.

— Я проделываю эту штуку с дверью для экономии времени, — сказал незнакомец. — Это помогает перебросить мостик через пропасть недоверия. Меня зовут Чарлз Ситуэлл. Я один из земных уполномоченных дьявола.

Эдельштейну и в голову не пришло усомниться в словах пришельца. У него промелькнула мысль о молитве, но единственная, которую он смог припомнить, была та, что они, бывало, читали перед трапезой в бытность его еще мальчишкой в летнем лагере. Вряд ли она смогла бы здесь помочь. Еще он знал «Отче наш», но эта была даже не его веры. Быть может, отдание чести флагу…

— Не бейте тревогу, — сказал Ситуэлл, — я пришел сюда не по вашу душу или ради какой-

нибудь еще, вроде этой, старомодной проделки.

— Почему я должен вам верить? — засомневался Эдельштейн.

— Посудите сами, — усмехнулся Ситуэлл. — Поразмыслите хотя бы о военном аспекте данного вопроса. Последние лет, скажем, пятьдесят сплошь заполнены всякого рода восстаниями и революциями. Для нас же это выливается в беспрецедентные по массовости поступления осужденных на вечные муки: американцев, вьетконговцев, нигерийцев, индонезийцев, южноафриканцев, русских, индусов, пакистанцев и арабов. А также — вы уж простите меня великодушно! — израильтян. Кроме того, в последнее время мы тащим к себе в большем, чем обычно, количестве китайцев, а совсем недавно нам здорово прибавилось работы на латиноамериканском рынке. Откровенно говоря, мистер Эдельштейн, мы затоварились душами. Если, чего доброго, в этом году разразится еще одна война, нам придется объявить амнистию по признаку простительности греха.

Услышанное заставило Эдельштейна призадуматься.

— Значит, вы и вправду явились сюда не для того, чтобы забрать меня в преисподнюю?

— Да нет же, черт побери! — воскликнул Ситуэлл. — Я же вам сказал, наш список ожидающих своей очереди длиннее, чем у ключника Небесных Врат Петра: у нас и в преддверии-то вряд ли найдется хотя бы местечко.

— Так… тогда зачем вы здесь?

Ситуэлл положил ногу на ногу и доверительно склонился к собеседнику.

— Мистер Эдельштейн, вам придется взять в толк, что преисподняя во многих чертах весьма схожа с Ю. С. Стил или А. Т. Т. Мы — огромное предприятие и в каком-то смысле являемся монополистами. Однако, как и любая по-настоящему мощная корпорация, мы одержимы идеей общественного служения и хотим пользоваться доброй славой.

— Не лишено смысла, — хмыкнул Эдельштейн.

— Но в отличие от Форда нам не к лицу основать, скажем, фонд и начать раздавать стипендии и субсидии. Люди нас не поймут. По той же причине мы не можем заниматься строительством образцовых городков или борьбой с загрязнением окружающей среды. Мы не можем даже возвести плотину в Афганистане без того, чтобы кто-нибудь не поинтересовался нашими побуждениями и мотивами.

— Могу представить, в чем корень ваших трудностей, — не мог не согласиться Эдельштейн.

— Тем не менее нам хотелось бы что-то делать на этой ниве. И вот время от времени, а особенно сейчас, когда дела у нас идут куда как успешно, мы выдаем одному из наших потенциальных клиентов, которого назначаем путем случайной выборки, маленькую премию.

— Клиентов? Это я-то — ваш клиент?

— Никто не собирается заклеймить вас грешником, — подчеркнул Ситуэлл. — Я сказал «потенциальных», а таковым может оказаться кто угодно.

— Так… и что же это за премия?

— Три желания, — не раздумывая, ответил Ситуэлл. — Это традиционная форма.

— Погодите, мне надо сообразить, правильно ли я вас понял, — Эдельштейн помедлил. — Значит, вы исполняете мои любые три желания? При этом ничего не требуете взамен и не устраиваете никаких подвохов в виде всяких «но» и «если»?

— Есть одно «но», — ответил Ситуэлл.

— Я так и знал! — вздохнул Эдельштейн.

— Это довольно просто. Чего бы вы ни пожелали, ваш злейший враг получает то же самое, но в двойном размере.

Эдельштейн задумался.

— Стало быть, попроси я миллион долларов…

— … ваш злейший враг получает два.

— А если я попрошу воспаление легких?

— Тогда ваш злейший враг получит двухстороннее воспаление легких.

Эдельштейн криво усмехнулся и покачал головой.

— Послушайте, не подумайте, что я вознамерился вас учить, как вам обделывать ваши делишки, но, надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что подобным условием вы подвергаете опасности добропорядочность и благонамеренность ваших клиентов.

— Да, мы рискуем, мистер Эдельштейн, но этот риск совершенно необходим по двум соображениям, — сказал Ситуэлл. — Видите ли, это условие представляет собой своего рода устройство психической обратной связи, которое служит для поддержания гомеостаза.

— Простите, я не совсем вас понимаю, — сказал Эдельштейн.

— Хорошо, давайте сформулируем это так: данное условие помогает уменьшить силу и размеры трех желаний и, таким образом, обеспечить в макромасштабе более или менее нормальное

положение вещей. Желание, знаете ли, — это чрезвычайно мощный инструмент.

— Могу себе представить… — согласился Эдельштейн. — А как насчет второго соображения?

— Вам уже и самому следовало бы о нем догадаться, — сказал Ситуэлл. обнажив ослепительно белые зубы в отдаленном подобии улыбки. — Такого рода условия — это, если хотите, наша торговая марка. По ней вы узнаете, что имеете дело с воистину дьявольским продуктом.

— Понятно… понятно, — кивнул Эдельштейн. — Знаете, мне потребуется какое-то время, чтобы хорошенько все обдумать.

— Предложение имеет силу в течение тридцати дней, — ответил Ситуэлл, поднимаясь из кресла. — Когда надумаете какое-либо желание, просто объявите о нем вслух — ясно, внятно и громко. Остальное — уже моя забота.

Ситуэлл зашагал к двери.

— Да, осталась одна проблема, о которой, я думаю, мне следует поставить вас в известность, — остановил его Эдельштейн.

— О чем это вы? — спросил Ситуэлл.

— Видите ли, как-то так получилось, что у меня нет злейшего врага. По существу, у меня на всем белом свете нет врагов.

Ситуэлл от души расхохотался, а потом долго вытирал розовато-лиловым платком выступившие на глазах слезы.

— Эдельштейн, — сказал он, — вы меня вконец уморили! Надо же, ни одного врага на свете! А как насчет вашего кузена Симора, которому вы никак не хотите дать взаймы пятьсот долларов, чтобы тот смог начать свой бизнес по части химчистки? Он что, ни с того, ни с сего вдруг сделался вашим другом?

— О Симоре я как-то не подумал, — ответил Эдельштейн.

— А как вам мистер Абрамович, который плюется всякий раз при одном упоминании вашего имени, потому что вы упорно не желаете жениться на его Марджори? А что вы скажете о Томе Кассиди из квартиры в этом же доме? Кассиди заимел полное собрание речей Геббельса и теперь каждую ночь спит и видит, как он поубивает всех на свете евреев, начиная с вас?.. Эй, с вами все в порядке?

Эдельштейн, сидевший на кушетке, покрылся смертельной бледностью.

— Мне это никогда не приходило в голову, — вымолвил он.

— Никому не приходит в голову, — успокоил

его Ситуэлл. — Послушайте, вам не из-за чего расстраиваться; шесть или семь врагов — это сущий пустяк. Смею вас уверить, в отношении устремленной на вас ненависти вы находитесь куда ниже среднего уровня.

— Кто еще? — прерывисто дыша, спросил Эдельштейн.

— Ну нет, этого я вам не скажу, — ответил Ситуэлл. — Ни к чему понапрасну бередить вам душу.

— Но должен же я знать, кто мой злейший враг! Это Кассиди? Как вы думаете, стоит мне купить револьвер?

Ситуэлл покачал головой.

— Кассиди — безобидный полоумный лунатик. Даю вам честное слово, что он и мухи не обидит. Ваш злейший враг — человек по имени Эдвард Самуил Манович.

— Вы в этом уверены? — несколько опешив, с недоверием спросил Эдельштейн.

— Совершенно уверен.

— Да, но дело в том, что Манович — мой лучший друг.

— А заодно и злейший враг, — невозмутимо ответил Ситуэлл. — Зачастую так оно и бывает. До свидания, мистер Эдельштейн, и желаю вам удачи с вашими тремя желаниями.

— Постойте! — воскликнул Эдельштейн.

Ему хотелось задать миллион вопросов, но он был настолько обескуражен услышанным, что лишь спросил:

— Как могло случиться, что в преисподней такая толкотня?

— Потому что лишь Царство Небесное бесконечно, — ответил ему Ситуэлл.

— Значит, вы и про рай все знаете?

— Разумеется. Ведь это наша материнская компания. Но теперь мне действительно пора идти. У меня назначена встреча в Пафкипси. Удачи вам, мистер Эдельштейн.

Ситуэлл помахал рукой, повернулся и вышел сквозь запертую массивную дверь.

Минут пять Эдельштейн сидел совершенно неподвижно, размышляя о Мановиче. Его злейший враг! Это же смехотворно! Не иначе, у них там, в преисподней, по вопросу о Мановиче перепутались какие-нибудь провода. Он знает Мановича вот уже двадцать лет, видится с ним чуть ли не каждый день, играет с нйм в шахматы и кункен. Они вместе совершают пешие прогулки, вместе ходят в кино, по меньшей мере раз в неделю вместе обедают.

Конечно, чего греха таить, Манович нет-нет,

да и примется громогласно и нахально разглагольствовать при посторонних людях, и вообще переходить границы всяких приличий.

Временами Манович бывал нестерпимо груб. Откровенно говоря, Манович не раз и не два вел себя самым оскорбительным для него, Эдельштейна, образом.

— Но мы же друзья, — убеждал себя Эдельштейн. — Мы все-таки друзья, разве не так?

Существует простой способ проверить это, подумал он. Он мог бы, скажем, пожелать миллион долларов. Тогда Мановичу перепадет два миллиона. Ну и что из этого? Будет ли он, Эдельштейн, состоятельный человек, переживать из-за того, что его лучший друг вдвое богаче?

Да! Будет! И еще как, черт побери, переживать! Одна мысль о том, что этот наглый ловкач Манович разбогател за счет его, Эдельштейна, желания, отравит ему весь остаток жизни.

«О Господи! — подумал Эдельштейн. — Еще час назад я был бедным, но всем довольным и беззаботным человеком, а теперь на моей шее повисли три желания и враг».

Он почувствовал, что пальцы его рук судорожно сплелись между собой. Он быстро покачал головой. Да, судя по всему, ему придется крепко

призадуматься.

На следующей неделе Эдельштейну удалось отпроситься с работы, и он просиживал дни и ночи, не выпуская из рук блокнота и ручки.

Поначалу его неотступно преследовала мысль о замке. Замок как нельзя лучше вписывался в его представление о чудесном исполнении заветного желания. Однако после некоторых раздумий ему стало ясно, что это не такое уж простое дело. Если взять, к примеру, средний замок, о котором стоило бы помечтать, — с десятифутовой толщины каменными стенами, подземельями и всем прочим, — то неизбежно встает вопрос о его содержании. Придется позаботиться и об отоплении, и о найме за приличное жалованье нескольких слуг… да, нескольких, потому что, будь их меньше, это выглядело бы просто смешным. Таким образом, в конце концов все сводилось к вопросу о деньгах.

«Я мог бы содержать вполне приличный замок за две тысячи долларов в неделю», — к такому выводу пришел Эдельштейн, предварительно густо испещрив цифрами свой блокнот.

Да, но тогда Манович станет обладателем двух замков, содержание которых обойдется ему всего-навсего в четыре тысячи в неделю!

К началу следующей недели Эдельштейн распрощался с мыслью о замке. Теперь его помыслы обратились к путешествиям, и он часами лихорадочно перебирал нескончаемые варианты и возможности. Не перегнет ли он палку, попросив для себя кругосветное путешествие? Нет, пожалуй, это было бы слишком; он не был даже уверен, что ему самому туда хочется. Вот провести лето в Европе — на это он согласился бы без колебаний. Даже на двухнедельный отпуск в «Фонтенбло» в Майами-Бич — дать отдохнуть нервишкам.

Но тогда Манович получит два отпуска! И если Эдельштейн остановится в «Фонтенбло», то Манович, не иначе, расположится в шикарном особняке на крыше «Ки Ларго Колони Клаб». Причем сделает это дважды!

А не лучше ли остаться бедным, чтобы и Мановичу ничего не перепало. Да, так, пожалуй, было бы лучше. Почти лучше.

Почти, да не совсем.

Пошла последняя неделя. С каждым днем Эдельштейном все сильнее овладевали злость, отчаяние и даже цинизм. «Я идиот, — сказал он себе. — С чего я взял, что за всем этим что-то стоит? Ладно, пусть Ситуэлл прошел сквозь дверь, но почему это должно означать, что он всемогущий

маг и волшебник? Быть может, я терзаюсь из-за того, чего нет и не может быть?»

И тут же, к собственному изумлению, он вдруг встал, выпрямился и произнес громко и решительно:

— Я хочу двадцать тысяч долларов, и хочу их сейчас же.

Не успел он договорить, как ощутил легкую судорогу в правой ягодице. Вытащив из заднего кармана бумажник, он обнаружил в нем выписанный на его имя удостоверенный чек на двадцать тысяч долларов.

Он пошел в свой банк и перевел чек в наличные. При этом его слегка трясло, потому что он был уверен, что его вот-вот схватит полиция. Управляющий взглянул на чек и парафировал его. Кассир спросил Эдельштейна, в каких купюрах он хотел бы получить деньги. Эдельштейн распорядился записать всю сумму на свой счет.

Когда Эдельштейн выходил из банка, туда едва ли не бегом влетел Манович. На его лице было смешанное выражение радости, страха и изумления.

Эдельштейн поспешил уйти домой, чтобы Манович, чего доброго, не успел с ним заговорить. Весь остаток дня он ощущал боль в желудке.

Идиот! Это надо же: попросить всего лишь какие-то паршивые двадцать тысяч! Но Манович-то заграбастал сорок!

От такой досады недолго и Богу душу отдать.

В последующие дни приступы апатии перемежались у Эдельштейна с приступами ярости. Его снова стала донимать боль в желудке, а это значило, что он того и гляди наживет себе язву.

До чего же все чертовски несправедливо! Что же ему теперь — довести себя до безвременной могилы терзаниями по поводу Мановича?

Да! Теперь-то он уже точно знал, что Манович — его заклятый враг, а мысль о том, что он, Эдельштейн, способствует обогащению своего врага, для него невыносима и может в буквальном смысле доконать его.

Поразмыслив об этом, он сказал себе: «Послушай меня, Эдельштейн, так дальше продолжаться не может; ты должен получить хоть какое-нибудь удовлетворение!»

Но как?

Он расхаживал взад и вперед по комнате. Эта боль определенно была не чем иным, как язвой; а откуда еще ей взяться?

И тут его осенило. Он замер на месте, глаза его бешено вращались. Схватив бумагу и карандаш,

он сделал беглый подсчет. Когда он закончил, лицо его было красным от возбуждения — в первый раз со времени визита Ситуэлла он почувствовал себя счастливым.

Он встал, выпрямился и громко выкрикнул:

— Я хочу шестьсот фунтов паштета из куриной печенки, и хочу их немедленно!

Не прошло и пяти минут, как стали прибывать поставщики.

Эдельштейн съел несколько раблезианских порций паштета, засунул два фунта в холодильник, а львиную долю того, что осталось, продал за полцены поставщику провизии, заработав на этой сделке более семисот долларов. Те семьдесят пять фунтов, что проглядели вначале, он позволил забрать привратнику. Эдельштейн вдоволь посмеялся, живо представив себе Мановича, стоящего посреди своей комнаты по уши в курином паштете.

Но веселиться ему было суждено, увы, недолго. Он прослышал, что Манович десять фунтов паштета оставил себя (этот тип всегда отличался непомерным аппетитом), пять фунтов презентовал одной малоопрятной маленькой вдовушке, чье воображение он изо всех сил старался поразить, а остальное продал за треть цены тому же

поставщику, заработав на этом более двух тысяч.

«Я придурок, каких еще свет не видывал, — подумал Эдельштейн. — Ради идиотского минутного удовольствия я пустил коту под хвост желание, которое по самым скромным меркам стоило сотню миллионов. И что я теперь с этого имею? Два фунта паштета из куриной печенки, несколько сотен долларов и друга до гробовой доски в лице нашего привратника!»

Он понимал, что подобными рассуждениями добивает себя, усугубляет и без того нестерпимую досаду.

И вот в его распоряжении осталось одно-единственное желание. Вопрос о том, чтобы использовать это последнее желание как нельзя более выгодно, сделался для него вопросом жизни и смерти. Но то, о чем он попросит, ни в коем случае не должно нравиться Мановичу. Мало того, пусть это будет что-нибудь совершенно для него несносное.

Четыре недели минули. Настал день— невеселый для Эдельштейна день, когда он понял, что отпущенный ему срок подошел к концу. Он довел себя до изнеможения, перебирая все мыслимые и немыслимые варианты, но, как выяснилось, лишь затем, чтобы подтвердились самые худшие

его предположения: Мановичу нравилось все то, что нравилось и ему, Эдельштейну. Мановичу нравились замки, женщины, богатство, автомобили, путешествия, вино, музыка, вкусная еда. Что ни возьми. Мановичу с удручающей неизбежностью нравилось то же самое.

Потом он вспомнил, что Манович по какой-то странной прихоти вкуса терпеть не мог копченой лососины. Но Эдельштейн тоже не жаловал копченую лососину, даже ту, что из Новой Шотландии.

И тогда Эдельштейн взмолился: «Боже праведный и всемогущий! Ты, кому подвластны и рай, и преисподняя… у меня было три желания, и два из них я израсходовал самым что ни на есть дурацким образом. Внемли же мне, Господи, и не сочти меня неблагодарным, но я вопрошаю Тебя: если человеку даровано исполнение трех желаний, не следует ли дать ему возможность использовать их себе во благо успешнее, чем это сделал я? Почему бы не дать ему шанс заполучить для себя что-нибудь хорошее, не набивая при этом карманы своему злейшему врагу Мановичу, у которого только и забот, что получать все в двойном размере, не пошевелив ни единым пальцем и не ощутив ни единого укола боли?»

Наступил последний час. Эдельштейн совершенно успокоился, как это бывает с человеком, смирившимся со своей участью. Словно прозрев, он понял, что его ненависть к Мановичу тщетна и не делает ему чести. С новым сладким чувством умиротворения и всепрощения он сказал себе: «Теперь я попрошу то, чего хочу лично я, Эдельштейн. Если кому-то надо, чтобы ко мне примазался еще и Манович, то я просто не могу ничего с этим поделать».

Эдельштейн встал, выпрямился, расправил плечи и громко произнес:

— Вот мое последнее желание. Я слишком долго жил холостяком. Теперь я хочу женщину, на которой смогу жениться. Она должна быть ростом около пяти футов и четырех дюймов, весить приблизительно сто пятнадцать фунтов, иметь, разумеется, красивую фигуру и натуральные белокурые волосы. Она должна быть умна, домовита, практична, должна меня любить… это должна быть, конечно же, еврейка: но веселая, игривая, чувственная…

И тут вдруг мысли в голове Эдельштейна закрутились с бешеной скоростью.

— И вот что самое главное, — добавил он, чеканя каждое слово, — она должна быть… — как

бы это получше выразиться? — она должна быть в чисто сексуальном отношении тем пределом, тем максимумом, которого мне хотелось бы и с которым я мог бы совладать. Вы понимаете, что я хочу сказать, Ситуэлл? Приличия не позволяют мне распространяться об этом более откровенно и подробно, но если вы хотите, чтобы я пояснил вам…

Послышался мягкий и в чем-то неуловимо сексуальный стук в дверь. Эдельштейн, посмеиваясь про себя, пошел открывать. Более двадцати тысяч долларов, два фунта паштета из куриной печенки, а теперь еще и это! «Я достал-таки тебя, Манович, — подумал он. — Вдвое больше того, что хочет и может мужчина, — этого мне, быть может, не следовало желать и злейшему врагу, но я сделал это!»

Перевел с английского Геннадий КИСЕЛЕВ

БОРИС ВОРОБЬЕВ

НОЧЬ ПОЛНОЛУНИЯ

1

Время давно перевалило за полночь, а Бренн никак не мог уснуть. Скомканная подушка как каменная упиралась в лицо, и он то и дело менял положение, стараясь лечь поудобнее. Но сна не было. То, что случилось сегодня утром на реке, буквально потрясло обычно хладнокровного Бренна, и весь остаток дня и уже добрую половину ночи он терзался неразрешимой, мучительной загадкой: что же все-такие произошло? Неужели утром он видел Нину? Этого не могло быть. Нина умерла пятьдесят с лишним лет назад по земному счету, еще до его возвращения из второй звездной экспедиции. И все же… И все же сегодня он видел ее — молодую, восемнадцатилетнюю, какой она была в тот год, когда они поженились. Говорят, что через определенные промежутки времени рождаются похожие люди… Но не до такой же степени! А ведь у сегодняшней Нины была даже родинка на правой щеке, темное, трогательное пятнышко, которое он так любил целовать..

Бренн в который раз стал вспоминать эпизод на реке.

В заповедник, в свой старый дом, он прилетел вчера, и еще в салоне пси-параглайдера представ-

лял себе, какое это будет блаженство — ранним утром погрузиться в зеркальные воды еще не проснувшейся реки, пересечь наискось заводь и лечь на теплом песке под Обрывом. А потом, когда основательно припечет, нырять, нырять.

Все так и было. Переночевав под родной крышей, Бренн утром, захватив с собой полотенце и надувной матрац, спустился пологой тропкой на берег. Служащий дока, приняв его за туриста, предложил Бренну индивидуальный реслинг, но он отказался. Зачем ему этот современный механизм, когда у него имеется нечто другое? Пройдя вдоль дока, Бренн остановился у двери крайнего отсека. Нажал кнопки на панели, хранящей его код. Селитовые стенки шлюза с тихим шорохом раздвинулись, и вот оно, его сокровище — плоскодонная сосновая лодка, которую Бренн смастерил собственноручно.

— Привет, старушка! — сказал он, спрыгивая с настила на дно лодки. Весла и уключины были на месте, черпак тоже. Бренн вывел лодку из отсека и по широкой протоке, заросшей по обеим сторонам красным лозняком и рогозом, погреб на фарватер.

Река здесь была широкая, и то, что казалось ее левым берегом, на самом деле представляло

большой остров, на котором сплошной стеной стояли вековые медностволые сосны.

Бренн осушил весла и посмотрел вперед. Там, километрах в пяти от пансионата, виднелся высокий мыс с желтой полоской песка у подножия. Бренн почувствовал, как сладко защемило сердце. Обрыв, обетованная земля детства, где родилась страсть Бренна к космосу, к полетам; земля, куда он стремился каждый год в пору цветения белых водяных лилий.

У Обрыва почти никого. Всего лишь пять человек — двое юношей и три девушки. Привлеченные скрипом уключин, они подняли головы и с некоторым удивлением посмотрели на Бренна и на его лодку. Бренн махнул им рукой — привет! — и причалил к «своему» месту — огромному валуну, который ледник последнего великого оледенения оставил здесь как память о минувших катаклизмах.

Обрыв… Никто из пятерых, чьи реслинги небрежно брошены в кустах, конечно же, не знал, что означало это место для Бренна. И оттого, что, как посвященный, владеющий пусть маленькой, но все же тайной, он радостно засмеялся и кинулся бегом на самый верх крутого откоса.

За свою жизнь Бренн привык к высоте и был

на таких высотах, откуда заглядывал в будущее времени и пространства, но этот откос стал его первой жизненной высотой, трамплином долгого, непрерывного восхождения к звездным мирам. Сколько раз Бренн возвращался сюда? Уже не вспомнить. Во всяком случае, всегда, когда был на Земле, а не в космосе.

Солнце припекало. Самое время полежать на песке, последить за муравьями, бегающими по корням стоящих на берегу сосен, подумать о своем. Но сначала — ритуал.

Бренн встал на край обрыва. Внизу— темно-синяя вода. Бренн знал точно, сколько до нее — двенадцать метров.

Лежавшие на песке с любопытством смотрели на Бренна. Он набрал в грудь воздуха, развел руки и упруго оттолкнулся. Полторы секунды полета, и Бренн, как веретено, вошел в воду. Инерция падения влекла его в самую глубь, но он замедлил ее, расставив в стороны руки и ноги. Вынырнул и поплыл к тому месту, где лежала его лодка, наполовину вытащенная из воды.

— Здорово! — сказала одна из девушек, когда он проходил мимо. — У вас какой бон?

Когда-то Бренн имел седьмой, высший бон по современной международной квалификации. И

все же он ответил:

— Седьмой.

И нагнулся за полотенцем. А когда разогнулся и посмотрел на девушку, то чуть не закричал: перед ним стояла Нина — темноволосая, с синими глазами, с коричневой родинкой на правой щеке.

Невероятная похожесть двух людей, один из которых умер полвека назад, потрясла Бренна, и он с трудом удержался от того, чтобы не кинуться к девушке. Скрывая свое состояние, Бренн закрыл лицо полотенцем, делая вид, что вытирается, но мало-помалу овладел собой, хотя колени еще предательски дрожали, а сердце билось гулко и часто.

— Ого, седьмой! — воскликнула девушка. — А вы кто? Я знаю всех, у кого седьмой бон.

Шестое чувство подсказало Бренну назваться вымышленным именем.

— Торнстон? — удивленно переспросила девушка. — Что-то не припоминаю.

Бренн пожал плечами, и этот жест можно было расценивать как угодно. Во всяком случае, девушка не стала продолжать расспросы, и Бренн, облегченно вздохнув, устроился со всеми удобствами у валуна. Краем уха он слышал, как лежащие горячо обсуждают его прыжок, то и дело

повторяя два слова: «седьмой» и «бон». Но это волновало Бренна меньше всего. Он был занят только одним — исподтишка разглядывал девушку, так поразившую его своим сходством с Ниной. И чем дольше продолжалось разглядывание, тем большее смятение испытывал Бренн, потому что и жесты, и интонации голоса у девушки были как две капли воды похожи на жесты и интонации Нины.

Чувствуя, что так дольше продолжаться не может, что надо каким-то образом разрешить загадку, Бренн лихорадочно искал предлог, который позволил бы ему вновь заговорить с девушкой, но тут его соседи поднялись и стали собираться.

Бренн испугался. Он понимал: сейчас может оборваться тонкая ниточка, связывающая его с какой-то тайной; уехав, девушка может никогда больше не появиться в поле зрения Бренна. Но тут же он рассудил, что этого не произойдет. По одной простой причине — реслинги у всей пятерки были с фирменным клеймом пансионата. А это означало одно из двух: либо девушка была местной, либо отдыхала в пансионате, и стало быть, возможность встретиться еще раз сохранялась. Тем временем стайка разноцветных

механизмов, оставляя за собой пенный след, удалилась от берега. Бренн долго смотрел им вслед.

Тень от палки, которую он воткнул в песок перед собой, стала совсем короткой, время подходило к обеду, но Бренн словно забыл об этом.

Милая девчушка! Как она удивилась, когда он назвался Торнстоном. Наверняка записала его в лжецы, хотя прыжок ей определенно понравился. Сразу видно, что понимает толк в прыжках, а может, и сама прыгает. И все же он правильно сделал, скрыв свое настоящее имя. Его знают все в мире, как знают имена его друзей по первой звездной экспедиции. Но разве могут представить эти молодые люди, что он еще жив?! Что он — единственный из всего первого набора в Отряд разведчиков-исследователей новых планет, который еще коптит белый свет! Ведь это по космическим меркам ему семьдесят семь, а по земным? А по земным — чуть ли не вдвое больше. Вот что значит летать на околосветовых скоростях — время для тебя замедляется, реже бьется сердце, и ты молодеешь по сравнению с остающимися на Земле. Превращаешься в Мафусаила, пережившего родных и близких, но несущего свой крест — в память о погибших, в память о высадках на планетах, которым ты дал имена, в

память о матери, жене и детях. Ты пережил их, и это самое страшное, что довелось испытать в своей долгой жизни. Нет, он правильно сделал, назвавшись Торнстоном.

2

Вечером, придя в пансионат поужинать, Бренн тотчас увидел девушку. Она сидела в прежней компании за дальним столиком. Заметив Бренна, девушка, как старая знакомая, приветственно помахала ему рукой. Он помахал в ответ и сел за столик неподалеку. И опять поразился необыкновенному сходству своей новой знакомой с Ниной. И дал себе слово заговорить с ней. Необходимо было каким-то образом внести ясность в создавшееся положение. Что-то весьма необычное выпало Бренну, он чувствовал это.

Когда, отужинав, девушка проходила мимо Бренна, он остановил ее легким прикосновением. Она вопросительно посмотрела на него.

— Утром я сказал неправду. Я не Торнстон.

— А кто же?

— Бренн. Крис Бренн.

Видно, это признание в обмане, пусть даже невольном, в какой-то мере поколебало доверие девушки к Бренну, потому что она сказала с за-

метной иронией:

— Бренн? Я слышала только о двух Бреннах — вожде древних галлов, подарившем миру афоризм: «Горе побежденным!», и астронавте Бренне, участнике первой звездной экспедиции. Вы который?

Вместо ответа он вынул из нагрудного кармана рубиновый «Знак Первопроходца». Она бережно взяла изящно сделанную вещицу и стала с интересом рассматривать ее. Постепенно ироническая улыбка на ее лице сменилась выражением растерянности.

— Но разве вы…

— Разве я еще жив? Вы это хотели спросить? Как видите. Или вы думаете, что я снова разыгрываю вас?

— Нет, нет! — быстро сказала она, глядя на Бренна так, словно хотела о чем-то вспомнить и не могла.

Бренн поднялся из-за столика, и они пошли к выходу.

— Как вас зовут? — спросил он, когда они оказались на полузакрытой террасе, опоясывающей здание пансионата.

— Нина, — ответила она, и Бренн вздрогнул и почувствовал, как опять заколотилось сердце.

Наверное, он изменился в лице, потому что девушка тревожно спросила:

— Вам нехорошо?

— Ничего страшного, — успокоил он ее, справляясь с волнением. — Просто плохо спал ночью.

Но это было лишь отговоркой, на самом же деле Бренн чувствовал себя если не на грани безумия, то на грани сильнейшего эмоционального срыва. Второй раз за день его психика подвергалась обвальному стрессовому воздействию, и только отличная физическая форма, которую постоянно поддерживал Бренн, спасала его. Выдержать два таких потрясения — сначала встретить живую Нину, а теперь узнать, что совпадает не только образ, но и имя!

— Вы плохо спали? — спросила Нина. — Представьте, я тоже. Все время видела какие-то сны, из которых ничего не помню. Помню только, что во сне меня мучило ожидание.

— Ожидание чего?

— Не знаю. Просто тяготилась каким-то предчувствием. Я даже проснулась. Вообразите: ночь, я одна, и так ноет и болит сердце…

«…ночь, я одна, и так ноет и болит сердце…» — Бренн был готов поклясться, что слышал эти слова. Вот только от кого и когда?

На улице, в мягком свете уже загоревшихся ночных фонарей, стояли друзья Нины.

— Вам надо идти? — спросил Бренн.

— Мы собирались сходить на дискотеку. Но я передумала.

Нина вышла из-за колонны и сделала знак друзьям, давая понять, что ее планы переменились и она остается. Затем повернулась к Бренну:

— Приглашаю вас погулять. Сегодня будет чудный вечер — слышите, как звенят цикады?

3

Сиреневые июльские сумерки были душными, и Бренн с Ниной, не сговариваясь, пошли к реке. До берега пробирались узкой тропинкой, вьющейся под сводами еще более душного леса, и, когда вышли, Нина не смогла удержать восторженного возгласа при виде открывшейся им картины. И Бренн, обычно невозмутимый в самых разнообразных жизненных коллизиях, сейчас полностью разделял восторг своей спутницы.

Речная долина, доверху наполненная медлительной темной водой, лишь отчасти заслуживала своего названия; скорее это было ледниковое ложе, по которому, невидимо для глаз, полз

самый настоящий ледник и над которым, отражаясь в его тусклом, словно старом-старом зеркале, горели и переливались бесчисленные звезды. Был один из тех редких летних вечеров, когда безоблачное небо как бы исторгает из своей таинственной глубины не менее таинственные светила, и когда человек с изумлением и радостным страхом осознает бесконечность мира и бездонность пространства.

На берегу кое-где стояли скамейки, и Бренн с Ниной сели на одну из них.

Состояние природы как нельзя лучше располагало к молчанию, они чувствовали это и не торопились начать разговор. Проходили минуты за минутами, звездная карта над их головами медленно описывала свой гигантский круг-цикл, и Бренн наметанным взглядом астролетчика по ориентирам, известным только ему, машинально отмечал все детали этого вращения. Его очень интересовало, о чем думает сейчас Нина, и он уже решил спросить ее об этом, но она опередила его.

— Вы когда родились, Крис? Можно, я буду называть вас так? Бренн — это слишком официально.

— Конечно, можно, — ответил Бренн. — А ро-

дился я едва ли не за сто лет до вас.

— Я не это имела в виду. Меня интересует месяц, в котором вы родились.

— В сентябре.

— В начале или в конце?

— В начале.

— Тогда вы — Дева! — засмеялась Нина. — Правда, немного смешно, когда мужчина — и вдруг Дева? А где это созвездие на небе?

— Сейчас его не очень хорошо видно, Дева созвездие весеннее, но постараемся отыскать. Большую Медведицу видите?

— Да.

— А теперь от конца ее ручки мысленно ведите линию вниз. Вон до той оранжевой звезды. Это Арктур, альфа Волопаса. От него ведите линию дальше. Стоп! Видите синенькую звездочку над горизонтом?

— Вижу. Малюсенькая такая?

— Абсолютно точно, хотя эта ваша малюсенькая в семь раз больше Солнца. Это — Спинка, главная звезда Девы.

— И вы были там?

— Конечно, нет, — улыбнулся Бренн. — До Спинки слишком далеко. Со световой скоростью туда можно добраться за сто шестьдесят лет.

Мы летали гораздо ближе, всего лишь к альфе Центавра.

— А эта звезда где?

— В здешних широтах ее не видно. Вот если б мы были южнее тридцатого градуса.

— А куда вы летали во второй раз? Вы же участвовали в обеих звездных экспедициях.

— О-о, ту звездочку можно рассмотреть лишь в телескоп. У меня с ней связаны не самые лучшие воспоминания.

— Это тогда погиб ваш командир?

— Да. А вы, оказывается, в курсе всех дел. Честно говоря, не ожидал.

— Я читала отчеты о ваших экспедициях, хотя и сама не знаю зачем. Меня словно кто-то подталкивал к этому. А почему погиб ваш командир?

— Мы попали в зону какого-то неизвестного излучения, и все, кто находился в командном посту, потеряли сознание. Все, кроме командира. Он громадным усилием воли переборол действие излучения и принял меры к спасению корабля. И лишь потом умер.

— Но как же спаслись вы?

— Нас вернули к жизни те из членов экипажа, которые в момент катастрофы находились в анабиозе. В те несколько секунд, когда командир

противостоял излучению, он успел послать сигнал пробуждения в анабиозные капсулы.

— Невозможно поверить во все это.

— Во что?

— В то, что вы, сидящий сейчас на берегу земной реки, были чуть ли не в другом времени, около звезд!

— Я и сам иногда вспоминаю свои полеты как сон. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь — они были.

В разговоре наступила пауза, а в мире произошли очередные изменения. Мироздание на глазах принимало иной облик; сиреневые краски, преобладавшие до той поры, сменились темными, даже черными, что придало окружающему уже не романтический, но мрачно-торжественный вид. Казалось, Бренн и Нина очутились на представлении вагнеровского сюжета, где декорации почти неотличимы от натуры. Не хватало лишь музыкального сопровождения, сверхнизких октав увертюры, и тогда эффект присутствия на спектакле был бы полным.

— А вы верите в магию звезд, Крис? — неожиданно спросила Нина.

— Как вам сказать? — замялся Бренн. — Наверное, нет. Если б я верил в нее, мне вряд ли удалось

бы довести корабль до цели. Я астролетчик, штурман, и верю лишь в цифры и формулы.

— А Кеплер? Ведь он открыл законы движения светил и в то же время составлял гороскопы и предсказывал по ним судьбу!

— Кеплер! Он жил в другое время. Живи я тогда — кто знает, может, тоже стал бы предсказателем.

— Но Крис! — воскликнула Нина. — Нельзя же быть таким рационалистом! Вот вы знаете, как отыскать на небе Деву, а что вы скажете, например, о Дендерском зодиаке?

Бренн напряг память.

— Дендерский зодиак? Это тот, что создали еще древние египтяне?

— Вы молодец, Крис! Тогда скажите, что означает символика его знаков?

— Чего не знаю, того не знаю, — признался Бренн. — Наверное, это связано с магией?

— В каком-то смысле — да. Но все-таки философия знаков гораздо глубже. Возьмем хотя бы ту же Деву, ваше созвездие. На Дендерском зодиаке Деву изобразили с хлебным колосом в руке — символом жизни. Она стоит неподвижно, и это означает, что она вне времени и пространства, — вечна. За спиной Девы — Анубис, один из богов

подземного царства древних египтян. Он идет, то есть пребывает в пространстве и подчинен времени. На этом этапе эволюции человек познает идею жизни и смерти, их единство. Понимаете, единство! Но почему все же Дева поставлена впереди Анубиса?

— Клянусь всеми туманностями, не знаю!

— Да потому, что жизнь сильнее смерти, Крис! Помните, на кольце царя Соломона было начертано: «Все проходит»? Ошибался мудрейший из мудрых. Умрем мы, умрут целые цивилизации, даже звезды, которые мы сейчас видим, погаснут, но жизнь не умрет. Ее всходы взойдут на других нивах и пажитях, потому что зерно падает с колоса Девы, чтобы прорасти. Это сказано о звездах, Крис, и сказано семь тысяч лет назад!

Бренн с удивлением смотрел на Нину. Она открывалась с совершенно неожиданной стороны, и, говоря откровенно, Вренн не ожидал таких суждений от совсем еще юной девушки. Поэтому спросил без всякой иронии:

— А вы сами, случайно, не астролог? Слушая вас, я подумал, что так рассказывать о небесных тайнах может лишь маг и чародей.

— Иллюзия, Крис! Я лишь робкая последовательница тех, кого вы назвали магами и

чародеями. Просто мне нужно знать о многом, ведь я собираюсь стать референтом Мирового института древних цивилизаций, что в Ярославле.

Нина замолчала, и Вренн интуитивно почувствовал, что она борется с желанием еще о чем-то спросить его. И не ошибся.

— Скажите, Крис, у вас когда-нибудь была семья?

— Была, — ответил Вренн. — У меня, Нина, были даже внучки, но я пережил всех. Мы летали на околосветовых скоростях, когда уже сказывается эффект замедления времени на движущемся корабле и когда его экипаж превращается в своего рода Мафусаилов. Из своей первой экспедиции я вернулся тридцатидевятилетним, тогда как жене, которая была на пять лет моложе меня, к моменту моего возвращения исполнилось сорок три года. А нашего второго прилета на Землю она так и не дождалась…

— Ужасно, — сказала Нина. — Всю жизнь ждать! Но я бы ждала.

Она в упор посмотрела на Бренна, и это было как признание. Бренн молча взял ее руку и поцеловал.

4

В пансионат они вернулись уже ночью, когда вовсю сияла полная июльская луна. В ее тревожном свете над крышами отелей бесшумно проносились летучие мыши, а цикады звенели так оглушительно, словно впали в экстаз и пели свою последнюю песню.

Проводив Нину до отеля, Бренн пошел домой. Спать не хотелось, и он, достав из буфета вазу с яблоками, прошел в кабинет. Дом был большой, когда-то Бренн жил в нем со всем своим семейством, теперь же он пользовался лишь кабинетом, где и спал на кожаном допотопном диване.

С удовольствием съев сочное яблоко, Бренн взял томик Заболоцкого и уселся в кресло у настольной лампы. Некоторое время листал страницы, отыскивая любимые строки, но и они не могли перебить какого-то смутного предчувствия, вдруг охватившего Бренна. Он читал великого поэта, но смысл написанного не доходил до него; он чувствовал, что внутри у него будто натянулась некая настороженная струна, за которую только задень…

Отложив Заболоцкого, Бренн встал и прошелся

по кабинету. Вышел в коридор, зачем-то заглянул на кухню и наконец решительно направился к комнате, которую когда-то занимала жена. Он заходил в нее крайне редко, и вот, повинуясь непонятному внутреннему позыву, повернул ключ в замке и открыл дверь.

Ничего не изменилось в комнате за те долгие годы, когда в ней никто не жил. На старых местах стояли японские статуэтки и висели маски, которые собирала Нина; на своем месте, в углу, стояла бронзовая жаровня-хибати; на прежнем месте был и Нинин портрет, написанный их знакомым художником.

Бренн смотрел на портрет и в сотый раз не мог смириться с мыслью, что Нины нет. Повсюду в комнате стояли вещи, к которым она прикасалась; они хранили ее тепло, а самой Нины не было. Правда, на какой-то миг Бренну показалось, что Нина просто вышла из комнаты и сейчас вернется. И они сядут в кресло, и Бренн станет рассказывать ей о своем последнем полете, а она будет слушать и по привычке наматывать на палец свой белокурый локон. И так живо было «это ощущение, что Бренну показалось, будто он слышит за дверью приближающиеся Нинины шаги.

Стряхнув с себя наваждение, Бренн еще раз

обвел взглядом комнату и вернулся в кабинет. Присел к столу, выдвинул средний ящик. Достал то, что хранилось в нем долгие годы и к чему уже давно не прикасалась рука, — синий продолговатый конверт. Последнее письмо Нины, переданное ему сыном по возвращении второй звездной экспедиции.

Бренн раскрыл конверт и вынул письмо. Первая же строчка ударила, как пуля: «...у нас ночь, и я одна, и так ноет и болит сердце...»

Бренн рванул ворот рубашки. Вот они, эти слова! Прошедшим вечером их сказала Нина, и он тогда же подумал, что уже слышал их, но только не мог вспомнить, где и когда. А оказывается, их написала не дожившая до его возвращения жена! Но что же тогда происходит?! Как объяснить эти чудовищные совпадения — встречу с девушкой, как две капли воды похожей на Нину, носящей такое же имя и произносившей слова, которые задолго до нее были сказаны другой Ниной, его женой!

Вгорячах Бренн решил тут же идти в отель к Нине и попробовать разобраться во всей этой мешанине, но, взглянув на часы, опомнился — было почти два часа ночи. Нина уже давно спала, и его визит выглядел бы более чем двусмысленно.

Приходилось надеяться лишь на то, что утром вся эта мистика развеется, как дым.

Бренн стал читать письмо дальше.

«…Где ты, что с тобой? Это слабость, я знаю, и ты простил бы меня за нее, но иногда мне кажется, что я больше не увижу тебя. И тогда сердце останавливается… Я все время думаю, почему я такая счастливая? Почему судьба, которая ничего просто так не дает, дала мне тебя? Помнишь, я говорила, что оказалась в Заповеднике случайно? Сейчас я с ужасом думаю о том, что было бы, если б я не приехала в тот раз и мы никогда б не встретились! Вся жизнь пошла бы по-другому, и я не хотела бы жить в той жизни. Там не было бы ничего, что делает меня такой счастливой — ни нашей первой ночи, ни твоего возвращения от альфы Центавра, когда я увидела тебя, седого, и мне хотелось кричать от боли, словно это я родила тебя, а не другая женщина, ни ожидания теперь — ожидания, которое переполняет меня верой и радостью. Я вспоминаю все. Как мало мы были вместе. И как много! Так много, что мне хватит счастья до конца дней. Ночью я смотрю на звезды и не могу представить, что где-то среди них — ты. И мчишься с такой скоростью, что время для тебя замедляется. Сколько тебе будет,

когда ты вернешься? Не знаю. А я стану старухой. Но я не страшусь даже старости, хотя она хуже, чем смерть. Смерть отнимает только жизнь, а старость — любовь. Каждое утро я просыпаюсь с ощущением, что я только что родилась, и мне еще предстоит прожить жизнь и встретить тебя. И счастье переполняет меня, и я живу этим ощущением, которого не знала раньше, потому что никогда не ждала.

Нас учит время: пламени на смену
Придет привычки предвечерний луч.
Целуем мы и гаснем постепенно,
А лучше смерть, чем путь в низины с круч…

Когда-то, когда я впервые прочитала эти строчки, они поразили меня своей правдой. Разве это не так, думала я, разве не путь в низины — человеческая жизнь? Разве не гаснут наши чувства и страсти? Теперь я знаю — нет! Я никогда не любила так, как сейчас, и знаю, что это пламя не погаснет. Я буду ждать тебя».

Ни даты, ни подписи, «Я буду ждать…» — последнее «прости», последнее обещание.

Бренн никогда не курил и не знал вкуса табака, но сейчас ему с неодолимой силой захотелось

захватиться хорошей затяжкой, чтобы побороть тоску, которая подступила к груди, как удушье. Только теперь ему с необыкновенной ясностью представилось, как много-много лет назад здесь, в этом доме, умерла Нина. Умерла неожиданно и быстро, как умирают только от сердца, — хоть в этом судьба оказалась снисходительной, и Нина не мучилась…

Бренн положил письмо на старое место и хотел уже закрыть ящик, но тут вспомнил, что где-то в столе хранятся сборник стихов и фотография Нины, которые она подарила Бренну, когда тот еще учился в штурманских классах Космической Академии. Он быстро перебрал все бумаги и наконец обнаружил то, что искал, — антологию стихов древнеяпонских поэтов «Десять тысяч листьев» и любительскую фотографию Нины. Все потемнело от времени, и Бренн взял томик с осторожностью. Наугад открыл ставшие сухими и ломкими страницы:

Гляжу — опавший лист
Опять взлетел на ветку.
То бабочка была.

Бренн стал листать сборник, задерживаясь на стихах, отмеченных карандашными галочка-

ми, — их когда-то ставила Нина, потом взял ее фотографию. Нина была заснята на лыжах в лесу; свои варежки она надела на концы воткнутых в снег палок, а в руках держала снежок. И весело смеялась.

Короткая земная ночь была в самом разгаре, а Бренн все сидел у стола и вспоминал, вспоминал. Как всегда в глухой час ночи, бег времени ощущался нереально: минуты обрели иное значение, иной физический смысл — теперь они не были ни мерой конкретного, ни конкретным понятием вообще, а были всего-навсего условной величиной, которая могла вместить в себя и сколь угодно мало, и сколь угодно много.

Сквозь тяжелые кабинетные шторы в комнату пробился тонкий зеленоватый луч. Занятый своими мыслями Бренн подумал, что уже наступил рассвет, и раздернул шторы. Но за окном еще была ночь, и по-прежнему неистовствовала луна, заливая все вокруг неверным призрачным светом; по-прежнему носились над крышами бесшумные нетопыри, и, очарованные луной, пуще прежнего звенели цикады.

Голова буквально распухла от напряжения, и Бренн, задвинув ящики стола, быстро разобрал постель и лег. Сон навалился на него как в моло-

дые годы, когда стоило только коснуться щекой подушки.

Перед рассветом Бренна сильно кольнуло в сердце. Он встал, зажег настольную лампу и стал торопливо одеваться. Его не удивило внезапное пробуждение, ибо он точно знал, что пробудило его, — нечто, случившееся в эти минуты в одном из номеров центрального отеля. Он знал, и в каком номере, и потому изо всех сил подгонял себя.

Через несколько минут Бренн был у отеля. Полуосвещенный вестибюль, широкая лестница на второй этаж. Медная цифра 44 на дверях номера. Рывком распахнув ее, Бренн остановился на пороге.

Из кресла, стоящего у окна, навстречу ему поднялась прекрасная старая женщина. Одного взгляда было достаточно, чтобы узнать ее, — эти темные, так контрастирующие с цветом волос глаза; этот непередаваемый овал лица, который не портили даже слегка выдающиеся, татарские скулы; эта темная родинка на правой щеке…

Прошлое не возвращается. Оно живет в тайниках твоей души и благостной болью напоминает о себе, но не возвращается. И ничем не уравновесить прошлых потерь, никакими надеждами на

чудо. И тем не менее Бренн ждал этого чуда.

Совсем рядом он увидел глаза Нины, ее мерцающие, увлажненные зрачки, и, повинуясь неодолимому желанию убедиться в реальности происходящего, протянул к ней руки. Пальцы ощутили забытую округлость плеч и близкое тепло тела. Сквозь завесы времени, сквозь все помехи мирового эфира прорвался шепот Нины: «Крис…у тебя седые волосы…» И тут силы оставили Нину, а ноги подкосились.

Бренн едва успел подхватить ее на руки…

.....

В следующем номере «Искателя»
читайте фантастический роман

Торна Смита

**МИЛЛИОНЕР
И ВЕДЬМОЧКА**

INFO

Редактор Евгений КУЗЬМИН
Художник Анатолий АДАШЕВ
Художественный редактор Валерий КУХАРУК
Оператор компьютерного набора Людмила ЦЫГУЛЕВА
Компьютерная верстка Алексей ГОРОДЕЦКИЙ

Издатель литературного приложения «Искатель»
АО «Редакция журнала «Вокруг света»

Генеральный директор Александр ПОЛЕЩУК

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Адрес редакции: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а
Тел.: 285-88-84
Сдано в набор 16.10.95. Подписано в печать 24.11.95.

Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,4. Усл. кр. отт. 7, 56. Уч. изд. л.11,1.

Тираж 65 000 экз. Заказ 52151.

Типография АО «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

……

Сканирование
и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2025

ИСКАТЕЛЬ

ВОКРУГ СВЕТА

ДЖО ГОРЕС
ДЖЕК РИТЧИ
РОБЕРТ ШЕКЛИ
БОРИС ВОРОБЬЕВ

